

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2016

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В. М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике),
Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева,
В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин,
В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова,
М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, о/ф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/mass/philo_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

О.В. Воронушкина. Концептуальная база системного описания скрытых смыслов	7
Г.Г. Москальчук, Н.А. Манаков. Интегральная оценка формы текста	19
Т.А. Литвинова, О.В. Загоровская. Изучение индивидуального варьирования характеристик русского письменного текста с учетом данных нейронаук	32
Л.И. Москалюк. Нижненемецкие говоры в Алтайском крае.....	40
А.В. Жучкова. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века	51
Н.А. Хуббитдинова. Актуальные аспекты изучения проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе (XIII – начала XX века): результаты и перспективы исследования.....	62
Р.В. Шубин. Лидер, начальник, первый в творчестве В. Шукшина: к образу мирового человека	69
О.В. Янковская. Лиро-эпическая природа прозы Сергея Пестунова	85
А.А. Суворов. Авторские стратегии в прозе Татьяны Толстой: диалог с «опоздавшим собеседником».....	95

Научные сообщения

Г.Ф. Лутфуллина Репрезентация частных аспектуальных значений повторяемости и привычности глагольно-инфinitивными аналитическими структурами во французском и татарском языках	107
О.С. Сальникова. Вариативность девиаций в письменной речи детей младшего школьного возраста как проявление системной графической парадигматики слова	114
Е.В. Дзюба. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании.....	119
Е.А. Шимко. Национально-культурная специфика семантики идиом, представленных номинацией «дети», в аспекте этнолингвистики (на материале немецкого и русского языков).....	126

О.А. Туркина. Перспективы моделирования дискурса конфронтации-соперничества как идеи, феномена и деятельности	136
К.А. Кочнова. Импрессионизм в пейзаже А.П. Чехова: лингвистический аспект	144
Э.В. Малыгина. Лингвоэвокационное исследование кризисной межперсонажной коммуникации в текстах рассказов В.М. Шукшина третьего периода	150
В.В. Стамати. Текстуальная идентичность субъекта: симулякр как форма присутствия	160
Г.Р. Хусаинова. Сюжетообразующие мотивы башкирской волшебной сказки: мотив выбора	166

Филология: люди, факты, события

Н.М. Киндикова. Новейшая алтайская литература: размышления о жанре и стиле	173
Т.В. Чернышова. Алтайский текст в русской культуре.....	181
Г.В. Кукуева. Рецензия на коллективную монографию: А.А. Чувакин, Е.В. Демидова, Э.В. Малыгина «Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации» / под общей ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015	183
Резюме	186
Наши авторы	203

CONTENTS

Articles

O.V. Voronushkina. The Conceptual Base of the System Description of Implicit Meanings	7
G.G. Moskalchuk, N.A. Manakov. Integral Evaluation of the Form of the Text.....	19
T.A. Litvinova, O.V. Zagorovskaya. Study of Individual Variation of Characteristics of Russian Written Text Based on the Data of Neuroscience	32
L.I. Moskalyuk. Insular Low German Dialects in Altai Region	40
A.V. Zhuchkova. External Locus of Control as a Substantial Property of a Common Person in the Russian Literature (XIX century)	51
N.A. Khubbitdinova. Acute Aspects of Studying Folklore and Literature Interrelations in the Bashkir Literature (XIII – early XX century): Results and Prospects of Research	62
R.V. Shubin. Leader, Head, the First Man in the Works by V. Shukshin: on the Image of the ‘Man of the World’ (Homo Mundi)	69
O.V. Yankovskaya. Lyric and Epic Nature of the Prose by Sergei Pestunov	85
A.A. Suvorov. Author’s Strategies in Prosaic Works by Tatyana Tolstaya: Conversation with a ‘Late Interlocutor’	95

Scientific reports

G.F. Lutfullina. Representation of Particular Aspect Meanings of Repeated Actions by Infinitival Analytical Structures in the French and the Tatar Languages	107
O.S. Salnikova. The Variability of the Deviations in Writing of Primary School Children as a Manifestation of Systemic Graphical Paradigms of Words	114
E.V. Dziuba. The Peculiarities of Categorization of Artefacts in the Russian Linguistic Consciousness.....	119
E.A. Shimko. National and Cultural Specifics of the Idiomatic Semantics Pre- sented by the Nomination «Children», Ethnolinguistic Aspect (on the Material of the German and Russian Languages)	126

O.A. Turkina. Modelling Perspectives of Confrontation and Rivalry Discourse as an Idea, Phenomenon and Activity.....	136
K.A. Kochnova. Impressionism of Chekhov's Landscape: Linguistic Aspect	144
E.V. Malygina. Linguistic Research of the Conflict Communication in the Latest Stories by Shukshin	150
W.V. Stamati. Textual Identity of Subject: Simulacrum as a Form of Presence	160
G.R. Khusainova. Plot Building Motifs of Bashkir Fairy Tale: the Motif of Choice	166

Philology: people, facts, events

N.M. Kindikova. Contemporary Altai Literature: on Genre and Style	173
T.V. Chernyshova. The Altai Text in the Russian Culture.....	181
G.V. Kukueva. Review on the Multi-Author Monograph: A.A. Chuvakin, E.V. Demodova, E.V. Malygina «V.M. Shukshin's Works in Communication World» / under the Editorship of A.A. Chuvakin. Barnaul: Altai State University Press, 2015	183
Summary.....	186
Our authors	203

СТАТЬИ

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ

O.B. Воронушкина

Ключевые слова: скрытый смысл, личностный фактор, интенциональность, экспликация, высказывание, дискурс.

Keywords: implicit meaning, a personal factor, intentionality, explication, utterance, discourse.

В последнее время в лингвистической науке происходит заметное оживление интереса к проблеме скрытых смыслов. Предметом рассмотрения становятся как различные виды дискурсов, так и специфика средств представления категории имплицитности на всех уровнях языковой структуры. При этом наблюдается не только большое терминологическое разнообразие в определении феномена языковой невыраженности (импликации, подтекст, пресуппозиции, глубинные смыслы, скрытые смыслы, намек), но и неоднозначное понимание категории смысла. Несмотря на большое количество исследований, в том числе докторских (В.В. Дементьева, Е.В. Ермаковой, Л.А. Исаевой, А.В. Кашичкина, А.А. Масленниковой, И.А. Солодиловой и др.), данная проблема не теряет своей актуальности. Напротив, со становлением когнитивно-дискурсивного подхода, в основе которого лежит принцип антропоцентризма и основной задачей которого является реконструкция работы сознания, определяющего процессы коммуникации, осуществляющей как в живом общении, так и текстовой деятельности, появилась настоятельная потребность посмотреть на проблему скрытых смыслов «глазами новых концепций», а именно в когнитивно-дискурсивном курсе. Когнитивно-дискурсивный подход развивает идеи отражения мира в языке и языка в мире. Это позволит включить концептуальную кар-

тину скрытых смыслов в общую теорию взаимодействия языка и мышления.

Согласно этой концепции, формирование смысловой картины является процессом выведения или инференции умозаключения на основе взаимодействия языковых значений слов, составляющих высказывание, и элементов когнитивной среды, известных коммуникантам. Иными словами, необходимо соотнести языковые знаки со свойствами субъектно-объектной составляющей дискурса. Актуальность такого подхода безусловна, поскольку в основе лежит стремление максимально познать предмет, увеличивая информационный объем, с одной стороны, и раскрывая его сущностные характеристики – с другой, что создает оптимальные условия для успешной коммуникации.

Многочисленные исследования феномена языковой невыраженности отчасти разрознены и не формируют общей картины. Отсутствие системного описания обуславливает необходимость построения единой теории скрытых смыслов. Для любой лингвистической теории существенным является понятие системности языка (в статике и динамике). По мнению Г. Гийома, язык – это система, включающая множество более мелких систем. Зависимости, управляющие их взаимодействием, создают единую «когерентную систему» [Гийом, 1992, с. 106]. В связи с этим представляется следующее: язык – это макросистема, объединяющая две системы: систему явных и систему скрытых смыслов, элементы которых активизируются в процессах коммуникации.

Внутри макросистемы языка скрытые смыслы образуют собственную динамическую адаптивную систему, активно взаимодействующую с системой явных смыслов. Именно из среды явных смыслов черпается материал для иносказания, намека или тропа. Система скрытых смыслов вбирает все новые элементы для переосмыслиния и выбрасывает в среду отработанный материал: смыслы, превратившиеся в значения. В этом отношении система скрытых смыслов представляет собой классический пример взаимодействия семиотических структур, одним из основных источников динамизма которых является «постоянное втягивание внесистемных элементов в орбиту системности и одновременное вытеснение системного в область внесистемности» [Лотман, 1996, с. 92]. Из этого следует, что системы явных и скрытых смыслов являются открытыми и можно говорить о достаточной условности этой дилеммы, о существовании шкалы переходности в выражении тех или иных значений.

Ввиду постоянного взаимодействия этих двух систем иногда достаточно трудно разграничить смыслы «скрытые» (невыраженные) и явные (выраженные), что связано также с неточным определением понятия «языковое выражение». И.Р. Гальперин основой для такого разделе-

ния считает актуализационные операции, которые и составляют языковой процесс: операция семантизации смысла заключается в том, что некоторый смысловой элемент оказывается в фокусе семантической проекции, а его многообразные пропозиционные связи с другими элементами образуют предактуализированное смысловое поле, которое выражено в пропозиционных связях. Актуализация предполагает референтность скрытых смыслов – соотнесенность с совершенно определенным «местом» в реальной или в представляемой ситуации, в отличие от обычных ментальных операций, сопровождающих порождение любого текста [Гальперин, 1981].

При анализе скрытых смыслов высказывания в качестве исходного может рассматриваться положение Г.В. Колшанского о том, что «высказывание не складывается как простая сумма из слов с их значениями, а скорее наоборот – слова с их значением получают свое реальное существование только как часть контекста в рамках высказывания» [Колшанский, 1979, с. 52]. Данное положение опирается на более универсальное утверждение Л.В. Щербы о том, что в языке сложения смыслов дают не сумму смыслов, но новые смыслы [Щерба, 1931, с. 50]. Оно применимо к словам, словосочетаниям, предложениям и тексту (как языку в статике), а также к высказываниям и дискурсу (как языку в динамике). Таким образом, скрытые смыслы, принадлежащие к разным языковым уровням, представляют собой динамическую адаптивную систему, находящуюся в постоянном взаимодействии не только с системой явных смыслов, но и, прежде всего, с внутренним миром человека и окружающей его действительностью, что находит свое отражение в различного рода дискурсах. При рассмотрении скрытых смыслов релевантными представляются публицистический, политический, художественный и прецедентный дискурсы.

Семантическое пространство любого высказывания в целом представляет собой двухуровневую структуру – уровень содержания с явными смыслами и уровень скрытых смыслов. Так, под содержанием принято понимать материальную основу сообщаемого, презентированную в синтагматической плоскости, которая характеризуется использованием языковых единиц в их словарных значениях. Смысл обычно рассматривается как ментальное, невербализованное явление, возникающее на базе дискурсной парадигматики с использованием языковых и неязыковых средств. При этом скрытый смысл в данной работе воспринимается «не только как подразумеваемое (имплицитное) значение, но и как не представленное вербально в содержании текста событие / явление, которое при необходимости можно извлечь с помощью логических операций,

что в эпистолярном жанре называется «прочитать между строк» [Владимирская, 2013, с. 4].

Представленные уровни отличаются также сферой своего функционирования. Содержание принадлежит тексту / высказыванию и поэтому оно объективно. Смысл рождается в сознании автора и реципиента, поэтому он интерсубъективен. Иными словами, *порождение смысла осуществляется в ходе взаимодействия значений языковых единиц с когнитивной средой коммуникантов*. Таким образом, процесс формирования общего смысла высказывания проходит в три этапа (семантизация, инференция, импликация), на каждом из которых на основе языковых значений из когнитивной среды выделяются определенные интерпретационные компоненты – пресуппозиции, когнитивный контекст и «дополнительные когнитивные допущения» [Кашичкин, 2003, с. 5].

Скрытый смысл – это разноплановое явление, как по средствам его выражения, так и по характеру заключенной в нем информации, находящее свое отражение на всех коммуникативных уровнях. Отличаются только способы его существования (например, в грамматике и лексике), так как средством представления скрытой информации может стать элемент любого уровня (даже простая лексема: символ, аллегория и т.д.), в том числе экстралингвистический (жесты, мимика, коммуникативно значимое молчание и т.д.). Таким образом, скрытые смыслы развернуты не только к сознанию, в котором они предстают в виде концептов, но и к тексту / высказыванию, в котором они находят свое опосредованное выражение.

Взаимоотношения между явным содержанием и скрытым смыслом высказывания могут строиться по-разному. Фактический материал показывает следующие типы отношений между компонентами общего смысла: дополнительность (скрытые смыслы дополняют содержание, развивая, обогащая его); параллельность (скрытые смыслы повторяют содержание); противоречие или контраст (скрытый смысл и содержание асимметричны друг другу). Е.В. Овсянникова определяет отношения между ними как, во-первых, отношения дополнения или включения, («аддитивные»: подразумеваемый смысл включает буквальный) и, во-вторых, как отношения исключения, или «контрадикторные», («столкновение, конфликт, несовместимость буквального и подразумеваемого смыслов») [Овсянникова, 1993, с. 5].

Из вышесказанного следует, что разграничение смысла и содержания по принципу эксплицитное / имплицитное, широко представленное в современной лингвистике, не является полным, а потому не может быть абсолютно верным. Кроме того, невыраженность в языковой материи характерна также и для таких категорий, как «импликация», «пресу-

ппозиция», «подтекст», «эллипсис» и др. Однако все эти явления следует рассматривать в рамках одной объединяющей их категории – категории скрытых смыслов.

Таким образом, признавая, что понятие «скрытый смысл» охватывает все явления вербальной невыраженности: от импликации, возникающей в микроконтексте, до подтекста, соотносимого с целями высказывания / текста, в рамках предлагаемой концепции в качестве скрытого смысла рассматривается информация контентно не эксплицированная, но присутствующая либо в лексико-семантическом комплексе и в грамматических явлениях, либо в пресуппозициях и пропозициях, либо в интенциональной и мотивационной сферах.

Из вышесказанного следует, что понимание скрытого смысла неразрывно связано с понятием «множественного смысла». Эта множественность смыслов реализуется на разных уровнях и в разных плоскостях взаимодействия говорящего, адресата и самого высказывания. В связи с этим в современной лингвистике существует проблема типологии скрытых смыслов, так как поле их распространения очень обширно и неоднородно. Отечественная и западная традиции изучения непрямой коммуникации совпадают в главном: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а откуда-то еще. Это «откуда-то еще» охватывает чрезвычайно широкий диапазон явлений самой разной семиотической природы [Дементьев, 2013, с. 26]. Значение и причины актуализации и разработки теории скрытых смыслов видятся в самой логике развития современной лингвистической науки, в которой «язык выступает в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реального (живого) индивида» [Дементьев, 2013, с. 24].

В ряде работ по рассматриваемой проблематике предлагаются различные классификации скрытого смысла. Чаще всего они опираются на вид передаваемой информации или способ их образования. Так, например, Л.В. Лисоченко различает косвенное сообщение о факте действительности – *диктальный имплицитный смысл* и косвенное выражение отношения говорящего к сообщаемому – *модальный имплицитный смысл*. Г.В. Чернов понимает под импликатурой любой вывод из эксплицитного смысла, любое понимание высказывания, соответствующее ситуации, и классифицирует их по факторам, вызывающим их возникновение, таким как эксплицитный смысл высказывания, фоновые знания и знание ситуации. М.Ю. Федосюк строит общую классификацию невыраженной информации высказывания, в которой к имплицитному смыслу относятся также явления эллипсиса, аллюзий и коннотативных компонентов значений слов. В.Н. Комиссаров говорит о связи имплицитного

содержания с языковым содержанием высказывания и выделяет *общекоммуникативный и конкретно-контекстуальный скрытый смыслы*, которые, в свою очередь, распределяются на подвиды в зависимости от рода связи между общим и скрытым смыслом высказывания: *предметные, логические и конвенциональные*. Последние включают *символический, этикетный, образный смыслы*. Подобная классификация актуальна при работе с иноязычным дискурсом, так как представляется исследователям наиболее удобной для рассмотрения способов передачи различных видов скрытого смысла при переводе.

В предлагаемом исследовании в качестве основополагающего при систематизации скрытых смыслов рассматривается антропологический фактор, а именно *личностный фактор двойственного характера*, так как функционирование скрытых смыслов в акте коммуникации предполагает взаимодействие субъекта (говорящего / пишущего) и объекта (слушающего / читающего). Следовательно, в первую очередь логично было бы предложить рассмотрение *субъектных и объектных скрытых смыслов*, которые актуализируют обязательное включение не только производителя, но и реципиента. Субъектные скрытые смыслы представляют собой авторские интенции (интенции говорящего), которые декодируются с помощью языковой наполняемости высказывания или какого-либо текста. Однако интенциональный код высказывания и его смысловая картина не могут совпадать, поскольку между ними существует причинно-следственная связь, когда скрытый смысл декодируется через языковые средства, в то время как языковые средства отбираются для использования в соответствии с интенциями говорящего. Иными словами, субъектный скрытый смысл является специально словесно невыраженной или выраженной с помощью определенных знаков (намеков) информацией, связанной с автором данного высказывания/текста и условиями его формирования. Представляется, что субъектные скрытые смыслы можно ранжировать по степени их интенциональности, которая связана с наличием или отсутствием намерения говорящего передать информацию косвенным путем: *планируемые и непланируемые скрытые смыслы*. Фактор намеренного подразумевания позволяет автору увеличить (или углубить) объем передаваемой в высказывании информации. Так, в качестве примера в данном случае можно привести репортаж Э.Э. Киша «Спасательный круг на мостике» (*«Rettungsring an einer kleinen Brücke»*), в котором описывается зверское убийство вождей немецкого рабочего класса Р. Люксембург и К. Либкнехта. Жертвы были сброшены с мостика, на котором висел спасательный круг как символ гуманизма. Представленная репортером картина убийства наглядно показывает, чего этот символ стоит. Автор, таким образом, дает скрытую

оценку происходящим в стране событиям и провоцирует читателя на активное противостояние существующему порядку. Следовательно, намеренное введение «символа гуманизма» в название и текст репортажа ведет к видимым изменениям, как в объеме передаваемой информации, так и в ее характере.

Косвенное выражение отношения говорящего к сообщаемому (*модальный имплицитный смысл* по Л.В. Лисоченко) ярко представлено в следующем отрывке:

Dicht bei dicht standen oder knieten Mauerspechte. Die im Team arbeiteten, lösten einander ab. ...Mit Hammer und Meißel, oft nur mit Pflastersleim und Schraubenzieher zerstörten sie den Schutzwall... [Grass, 1995, s. 14].

Метафора очень хорошо раскрывает истинное отношение автора к происходящему – строители, разбирающие стену, названы дятлами, «подтасывающими защитное заграждение». Это яркий пример порождения скрытого смысла образностью. При этом нам совершенно не важно, соответствует ли эта метафора истинному положению дел или нет. С помощью нее мы узнаем лишь негативное отношение автора к происходящему.

Критерий интенциональности, по мнению А.А. Масленниковой, может выступать детерминантой системы скрытых смыслов, что позволяет выделить «три подсистемы: подсистему неинтенциональных / языковых скрытых смыслов, подсистему социально-значимых и конвенциональных скрытых смыслов и подсистему интенциональных скрытых смыслов, намеренно создаваемых говорящим для привлечения внимания адресата» [Масленникова, 1999, с. 6]. Подобная классификация, однако, видится неполной и односторонней, так как в большей степени касается только субъектного скрытого смысла и не отражает роль реципиента. Именно поэтому в качестве детерминанты системы скрытых смыслов следует рассматривать личностный фактор двойственного характера, а интенциональность представляет собой лишь один из системообразующих критериев.

Намеренное подразумевание может быть противопоставлено случайному возникновению скрытого смысла, когда автором не вкладывается и не планируется, а спонтанно возникает скрытый смысл. Если речь идет о живом общении, то непреднамеренная двусмысленность считается речевой ошибкой. Особенно актуальным это становится при переводе высказывания с одного языка на другой, когда сумма значений каждой языковой единицы не становится значением всего высказывания, но может стать импульсом для понимания его смысла. Речь идет в первую очередь о немецком языке, четком, ясном и достаточно предсказуемом в

соответствии с национальным языковым сознанием, которое базируется на таких ключевых концептах, как *Ordnung*, *Tradition*, *Toleranz*, *Sparsamkeit*. Традиционная система ценностей носителей немецкого языка реализуется и в точной, даже особой грамматической структуре (рамочные конструкции, устойчивый порядок слов в предложении и т.д.), и в культурном фонде (пословицы, поговорки, которые отражают указанные концепты). Источниками непреднамеренной двусмыслиности могут стать путаный порядок слов, неправильная пунктуация или ее отсутствие, неверное использование придаточных предложений со словом «который», деепричастных и причастных оборотов и т.д.

Следует предположить также наличие промежуточного варианта, когда интенциональность постепенно перерастает в универсальность употребления. Наглядно, это можно проанаблюдать на примере устоявшихся, «универсальных» корреляций скрытого и буквального смыслов, представленных в общепринятых метафорах, символах и аллегориях немецкого языка: *die Rose* – СС; *die Schönheit*; *das Ölblatt* – СС; *der Frieden*; *der Hase* – СС; *die Feigheit*; *der Fuchs* – СС; *die Schlauheit* и т.д. Или другой пример. Е. Штриттматтер начинает свой роман “*Ole Bienkopp*” следующими символами:

Die Erde reist durch den Weltenraum. Der Mensch sendet eiserne Tauben aus und harrt ungeduldig ihrer Heimkehr. Er wartet auf ein Ölblatt von Brüdern auf anderen Sternen [Strittmatter, 1974, s. 7].

«*Eiserne Tauben*» – летающие корабли, которые покоряют космос в мирных целях. Данное иносказание является индивидуальным, однако его легко усвоить, исходя из контекста. Другой контекстно независимый и общепризнанный символ мира (*Frieden*) – «*Ölblatt*».

Реализация смысловой картины происходит часто на подсознательном уровне в соответствии с интеллектуальной и языковой компетентностью объекта речи. При всей важности дешифровки языковых знаков, знание иностранного языка является недостаточным фактором для адекватного понимания смысла текста (а особенно скрытого, неявного). Решающую роль здесь играет точная референция, соотнесение высказывания с реальностью, которая изображается в дискурсе [Седов, 2004, с. 43]. Актуальным, таким образом, становится не только создание общей картины раскрытия смысла высказывания / текста, но и установление механизмов, позволяющих проникнуть в глубины сознательного и бессознательного в процессе декодирования.

Объектные скрытые смыслы, таким образом, можно систематизировать исходя из *возможности или способа их экспликации*. Вследствие отсутствия эксплицитного выражения в тексте объектный скрытый смысл представляет собой лишь возможный вариант интерпретации вы-

сказывания / текста. Выбор данного варианта полностью находится в компетенции слушающего и зависит от его способности видеть этот истинный смысл. При этом реципиент не «выбирает», а конструирует свою интерпретацию, заполняя пробелы в высказывании говорящего. Иными словами, скрытый смысл – это та часть информации, которая не выражается напрямую, а восстанавливается адресатом в результате соотнесения высказывания с контекстом общения. Таким образом, объектный скрытый смысл относится не столько к области подразумеваемого, сколько вовлекается в сферу умозаключения, логического вывода знаний в процессе обработки информации. Смыслы, привнесенные адресатом в текст сообщения, нередко преобразуют смысл говорящего, превращая последний в скрытый смысл. Умозаключения адресата строятся на основании информации, содержащейся в высказывании, но они могут оказываться под влиянием картины мира адресата, отличной от картины мира говорящего. Адресат может по-своему воспринимать конкретную ситуацию или исходить из иной системы ценностей. Кроме того, само высказывание может обладать неоднозначностью, открывающей возможность альтернативной интерпретации.

Из вышесказанного следует, что при декодировании скрытого смысла высказывания могут иметь место три ситуации развития: 1) адресат приходит к дополнительным умозаключениям, увеличивающим объем субъектного смысла; 2) происходит полное расхождение субъектного и объектного смыслов, то есть смыслы говорящего и адресата оказываются в разных плоскостях; 3) наблюдается тождество скрытых смыслов продуцента и реципиента, на основании которого и происходит актуализация высказывания. В первом и третьем случае можно говорить об успешности коммуникации, базирующейся на языковой, интеллектуальной, ментальной общности продуцента и реципиента. Однако вне контекста многие высказывания могут трактоваться буквально (неверно), что ведет к безуспешности коммуникации (2).

Таким образом, исходя из возможности и типа экспликации, можно определить еще одну дилемму для субъектных скрытых смыслов – *инклузивные и эксплицируемые смыслы* (термины А.А. Масленниковой), которая позволяет выделить *смыслы-усложнения (интерпретируемые и итеративные)* и *смыслы-продолжения (эксплицируемые)*, семантически развивающие высказывание и легко включающиеся в структуру текста / дискурса.

Как уже было сказано выше, средством представления скрытой информации может стать элемент любого уровня, в том числе и экстралингвистический. Представляется, что *по способу передачи скрытой*

информации следует рассматривать лингвистические, несобственно лингвистические и экстралингвистические скрытые смыслы.

Лингвистически анализируемые скрытые смыслы – это те, которые не имеют специальных средств выражения в языковой системе, однако чье существование в тексте обозначено определенными знаками, индексами скрытой информации (словами с измененной семантической структурой, многозначными единицами, «окказиональными» образованиями, необычными грамматическими формами, видоизмененными синтаксическими конструкциями и т.п.). Иными словами, говоря о собственно языковом скрытом смысле, необходимо выделить, с одной стороны, сами единицы – знаки присутствия скрытой информации, с другой стороны – типовые формы организации контекста, которые позволяют появиться и проявиться таким скрытым смыслам.

Несобственно языковые скрытые смыслы связаны с использованием особых семантически нагруженных знаков. При всей их внешней разнородности, сходство таких знаков состоит в том, что они, будучи единицами языка, имеющими семантическое значение, в то же время получают дополнительную нагрузку в дискурсе. При подходе с позиций «от автора к тексту» исследователь занимается, например, изучением исторической, политической и культурной обстановки в стране, где создавалось произведение, и т.д. При таких исследованиях в центре внимания оказываются неязыковые и несобственно языковые скрытые смыслы. Вместе с тем и лингвистический анализ «от текста к автору» дает немало для понимания художественной роли несобственно языковых скрытых смыслов. Единицы с повышенной смысловой нагрузкой представляют собой знаки «филологических» вертикальных контекстов различных видов. Несобственно языковыми скрытыми смыслами становятся также *пресуппозициональные, логические, грамматические и т.д. скрытые смыслы*, если они получают в тексте дополнительную художественную нагрузку. Так, в следующем примере читателю необходимо приложить усилия, чтобы раскрыть скрытый смысл, логически вывести его из общего контекста:

Eigentlich komisch. Typischer Fall von Machtermüdung. Nichts greift mehr. Aber wissen möchte man schon, wer den Riegel aufgesperrt hat... [Grass, 1995, s. 16].

В предложенном высказывании речь идет о падении Берлинской стены и поведении власти до и после падения. До падения стены власть держала людей по разные стороны, не пускала, ловила и наказывала, а теперь вдруг стена пала и проход оказался свободен. «Кто открыл засов?», то есть «кто это сделал?» и «почему не сделал этого раньше?» - вот скрытые вопросы героя. При этом в сознании реципиента возникает

образ Берлинской стены, опирающийся на его фоновые знания. Однако никакой «калитки с засовом» там не было. Была преграда, поддерживаемая теми же людьми у власти, которые впоследствии также ратовали за ее устранение.

К экстралингвистическим способам представления скрытого смысла можно отнести, прежде всего, особенности невербального поведения самих коммуникантов, а именно фонацию и кинесику, под которой понимают жесты, мимику и позы (несущие семантическую нагрузку), то есть фактически движение любой части тела и положение коммуникантов относительно друг друга. Сюда же необходимо включить молчание (коммуникативно релевантное) и невербальные действия коммуникантов, поскольку это тоже особенности их поведения. Как показывают наблюдения, коммуникация не представляет собой сплошного и непрерывного говорения. Вербальная часть всегда содержит коммуникативно значимые вставки молчания, которые очень часто «хранят» в себе скрытый смысл.

Экстралингвистические способы представления скрытой информации имеют особую значимость, прежде всего, при непосредственном живом общении коммуникантов, а в текстовых фрагментах произведений художественной литературы невербальное поведение героев обычно представлено словами автора. Например:

Zufriedenheit (mit innerer Ruhe und heiterem Gemüte. Ihr Anzug ist griechisch, eine einfache graue Toga, unbedecktes Haupt. Sie tritt aus der Tür, einen Brief in der Hand). Was verlangst du von mir, mein Kind?...

Die Hoffnung lacht mit, obwohl sie wieder um eine ärmer geworden ist. Die Zukunft kann nicht lachen, weil sie noch nicht angekommen ist. Die Gegenwart lacht nicht, weil sie zu schwer dazu ist. [Raimund, 1990, s. 43]

Amor, Zufriedenheit, Hoffnung, Zukunft, Gegenwart и другие действующие лица пьесы Ф. Раймунда «Der Bauer als Millionär» являются аллегорическими образами, возникшими в результате персонификации отвлеченных понятий, и могут рассматриваться как примеры классической аллегории. Они предстают перед глазами реципиента в виде женских образов. Один из них – «Hoffnung» – это молодая бедная женщина, которая от души смеется, несмотря на свое плачевное положение. Другой образ – «Zukunft» – неясно вырисовывается «где-то вдалеке», но еще ничего не слышит, чтобы смеяться. А третий – «Gegenwart» – тяжело-весная женщина пожилых лет, у которой слишком много трудностей, чтобы смеяться.

Таким образом, невербальное поведение коммуникантов расширяет смысл высказывания / дискурса, сигнализирует об эмоциях, состоянии человека, его отношении к коммуникативному процессу. Каждый

компонент невербальной коммуникации можно рассматривать как определенный код. Кодирование и декодирование сигналов невербальной коммуникации является сложной задачей, успешное решение которой зависит как от внешней ситуации общения, так и от специальных способностей и социального интеллекта субъектов взаимодействия.

Итак, в данной работе представлено несколько критериев, на которых базируется система скрытых смыслов: личностный фактор (субъектные и объектные скрытые смыслы), степень интенциональности (планируемые, непланируемые и универсальные скрытые смыслы), возможность и способ экспликации (смыслы-усложнения и смыслы-продолжения), способ представления скрытой информации (лингвистические, несобственно лингвистические и экстралингвистические скрытые смыслы). Однако для создания полной концептуальной базы необходимо рассмотреть также и другие критерии: характер скрытой информации, функциональный и дискурсивный аспекты и т.д. В качестве детерминанты представленной концепции выступает личностный фактор двойственного характера, следовательно, можно говорить о «двухфокусности» системы скрытых смыслов, которая является главным условием их актуализации как элементов коммуникации.

Литература

- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Декодирование скрытых смыслов в иноязычном пространстве. Барнаул, 2013.
- Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. Саратов, 2013. Вып. 1(9).
- Кашичкин А.В. Имплицитность в контексте перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкоznания. 1979. № 6.
- Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. СПб., 1996.
- Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.
- Овсянникова Е.В. Основные функции имплицитных смыслов в высказываниях и текстах: на материале англоязычной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность. М., 2004.
- Щерба Л.В. О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкоzнании // Изв. АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1931. Т. 1.
- Grass G. Ein weites Feld. Roman. Göttingen, 1995.
- Raimund F. Das Mädchen aus der Feenwelt oder der Bauer als Millionär : romantisches Original – Zaubermärchen mit Gesang in drei Aufzügen. Stuttgart, 1990.
- Strittmatter E. Ole Bienkopp. Roman. Berlin und Weimar, 1974.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ФОРМЫ ТЕКСТА

Г.Г. Москальчук, Н.А. Манаков

Ключевые слова: форма текста, формализация структуры текста, лингвистические измерения, пропорция, позиции текста, метроритмическая матрица, формообразование, креативный атTRACTор, инвариант, самоподобие

Keywords: form of the text, text structure formalization, linguistic evaluation, ratio, metro rhythmic matrix, formation, invariant, self-similarity.

Лингвистическая теория все чаще обращается к аналитикам текста и дискурса с использованием не только качественных и количественных параметров, что обусловлено потребностями практики и соответствует общей тенденции развития современной науки, нацеленной на расширенное применение компьютерных технологий в лингвистике. Успешно развивающиеся математические методы изучения отдельных текстов и текстовых корпусов оперируют легко считываемыми компьютером единицами: графическими знаками, пробелами, словами, предложениями, страницами и т.п.

К настоящему времени накоплен большой объем информации о статистических параметрах разнообразных по жанрам, стилям, авторству текстов. Тем не менее, сами тексты, структурированные весьма разнообразно и, на первый взгляд, причудливо, практически не оцениваются в традиционно сложившейся практике математической лингвистики как целостные информационные пакеты. Будущее гуманитарного, в том числе и лингвистического знания, видится в последовательном освоении, адаптации и использовании методов, разработанных в естествознании на основе синергетической парадигмы [Москальчук, 2010a].

Поэтому первостепенное значение обретает вопрос о том, какова, собственно, форма, в которую субъект и социум воплощают разнообразные содержания, создавая неповторимые, на первый взгляд, тексты? Для этого необходимо рассматривать текст как интегральный конструкт, в кругу других таких же текстов.

Решение задачи выводит нас в иное проблемное поле: поместить текст в разнообразные среды, рассмотреть механизмы, позволяющие любым текстам вписаться в любые деятельности человека. Такие механизмы и структурные качества присущи только явлениям природы, творящей свои объекты по собственным алгоритмам, сложившимся в

ходе длительной эволюции. «Антропогенные же формы живого принципиально такие же, как и природные, а отличия касаются лишь необычного комбинирования природных черт либо слишком большой частоты некоторых из них. Во всех этих случаях изменчивость элементов формы остается в пределах того рефrena, которым реализуется данный элемент в природе, но меняется частота встречаемости его членов. Поэтому у организмов часто нельзя различить естественные и искусственные (созданные человеком) формы, что относится в особенности к цветоводству, садоводству, голубеводству, собаководству» [Чебанов, 2006, с. 123].

В соответствии с этим представляется весьма перспективным осмысление текста как объекта природы. Теоретическое видение текста как объекта природы позволяет рассматривать его структуру с общих естественнонаучных позиций, абстрагируясь от уже имеющихся лингвистических представлений. Человек и текст при подобном подходе оказываются равноположными величинами, в устройстве и функционировании которых проявлены бионические техники формообразования, свойственные природным объектам.

Человек для упаковки своих речевых произведений воспроизводит некоторые холистичные информационные пакеты, повинуясь законам формообразования природных объектов. Об обнаружении действия некоторых алгоритмов природы, проявляющихся во всех сферах деятельности человека, написано довольно много, например, в лингвистических и мультидисциплинарных исследованиях [Волошинов, 2000; Манаков, Москальчук, 1999; Москальчук, 2010а; Москальчук, Манаков, 2014; Чебанов, 2006; Шевелев, 1990 и др.]. Более всего обсуждаются в литературе следующие бионические техники: повторение с варьированием компонентов текста (итеративность, рефренность), симметрия/асимметрия возникающих в текстах паттернов и их расположение во внутритестовом пространстве-времени, пропорциональность организации целостных систем и объектов, пропорции золотого сечения как универсальные критерии оптимальности, самоподобие (скейлинг), фрактальность и др.

Разумеется, структурные свойства текста как информационного пакета глубинно автоматизированы, встроены в коренной механизм языко-речевой способности человека, но поскольку данные качества и правила присутствуют в любом и каждом тексте, то они могут быть извлечены статистически из достаточно представительных полнотекстовых выборок. Поэтому для экспликации формы текста необходимо задать систему параметров, отражающих физические

качества формы искомого информационного пакета. Разумеется, содержательное разнообразие и неповторимость каждого отдельного текста в подобной аналитике не учитывается, но предполагается по умолчанию. К сожалению, абсолютно все факторы сложной системы, которой является текст, пока не представляется возможным отследить и учесть, поэтому нами разделяется позиция лингвосинергетики, оперирующей параметрами порядка, формирующими и определяющими финитный паттерн организации – форму текста [Москальчук, Манаков, 2014а].

Текст как целое может быть измерен лишь относительно самого себя. Это напоминает общеизвестную ситуацию в метрологии, когда эталон метра был привязан к размерам меридиана, то есть был выбран природный эталон, пропорционально соотнесенный с размерами Земли. И все, что есть на Земле, мы измеряем зачастую в относительных мерах. Длина текста условно принимается за единицу, а все внутритекстовые позиции выражаются дробными величинами в виде равномерной и/или пропорциональной шкалы. При различиях текстов в абсолютной протяженности, их позиции будут условно совместимыми, то есть происходит растяжение более коротких текстов и пропорциональное сжатие более длинных. Данный прием базируется на принципе самоподобия любых целых текстов и позиционной матрицы, встроенной в них как универсальный измерительный эталон.

Форма текста реконструируется и достраивается по экспериментальным точкам, полученным в ходе измерений. Единицы языка и процессы, их сопровождающие, например, просодемы, дискретные единицы любых уровней, носители тех или иных значений и/или смыслов, эмоций разного рода и т.п. рассматриваются как считаемые качества, распределенные во внутритекстовом пространстве-времени, то есть обладающие позиционной измеримостью [Москальчук, Манаков, 2004; Москальчук, 2010а; Москальчук, Манаков, 2014 и др.].

Если мы хотим рассматривать текст с позиций внешнего наблюдателя, то необходимо мысленно покинуть внутритекстовое пространство и полагать текст в кругу таких же отдельных текстов. При подобном подходе актуализируются, прежде всего, структурные компоненты текста: размер текста и его составляющих; распределение крупных словесных масс сходной или различающейся природы, например, симметричность / асимметричность частей и целого; пропорциональность внутритекстовых распределений; их иерархичность; континуальность, дискретность или даже разрывность

внутритекстового пространства-времени; ритмичность / аритмичность целого и т.п.

Разумеется, многие лингвисты стремятся понять и не упустить тонкостей словесного и смыслового устройства текста, но это существует и осуществляется во внутритекстовом пространстве-времени, нас же интересует цельный финитный гештальт, та интегральная оболочка, в которой воплощены практически любые содержания. Полагаем, что форма вариативно изменчива и по-своему содержательна.

Наш подход направлен, прежде всего, на структурную организацию и самоорганизацию текстов различной природы, понятых извне, как целостные паттерны организации, информационные пакеты, поэтому содержательность мы понимаем как содержательность самих текстовых структур и их ансамблей, размещенных в форме текста как предельном конструкте, вмещающем все процессы в своих границах [Москальчук, Манаков, 2014]. Для выявления же содержательности форм текста необходима их экспликация в объективных, наблюдаемых параметрах, отождествление и сравнение структур, реализующихся в естественных коммуникативно успешных текстах.

Текст имеет две границы: абсолютные начало и конец – старт- и стоп-сигналы протекающего между ними процесса структурной, эмотивной, ритмической, информационной природы. Ближайшую природную аналогию можно усмотреть в инстинктивном построении пчелами сотовых ячеек, в которые помещается мед как ценность. Иными словами, текст является упаковкой информации разного рода, при этом характер данной информации несущественен, поскольку нас интересует форма как некий предельный конструкт, внутри которого происходят информационные, грамматические, стилистические, эстетические, эмотивные и т.п. процессы, совместно и сложно соотносящиеся друг с другом в рамках цельного и отдельного текста.

Итак, наш подход обращен к интеграции процессуальности и структурности финитной формы текста. Финитная форма статична, а процесс ее развертывания в пространстве-времени динамичен, а точнее процессуален. Это важное онтологическое качество формы. Все процессы вписаны в целое, не выходят за его границы, если рассматривать текст недискурсивно. Текст в процессе своего становления проходит некоторые повторяющиеся этапы, отражающиеся в его структурах, распределенных в пространстве-времени целого. Читатель в своем восприятии ощущает это самодвижение языко-речевой материи к некоторой кульминации и далее – к завершению развертывающегося целого.

Самое первое, с чем сталкивается человек при восприятии цельного и отдельного текста, это его размер (объем), который может быть оценен в разнообразных считаемых единицах (графические знаки и пробелы, слова, морфемы, предложения, абзацы, страницы и т.д.). Размер текста, как показывают исследования, связан с некоторыми особенностями его внутреннего структурирования, в частности, с различной концентрацией повторов разного рода (элементов симметрии), либо с более вероятной асимметричностью текстового субстрата [Корбут, Москальчук, 1997; Манаков, Москальчук, 2001; Корбут, Москальчук, 2005; Корбут, 2004 и др.].

Для построения интегральной модели формы текста применяется прием линеаризации субстрата, вариативно организованного в некоторые повторяющиеся и / или неповторяющиеся паттерны, возникающие спонтанно и / или намеренно в процессе самодвижения языко-речевой материи во внутритекстовом пространстве-времени.

Первоначально была выявлена картина позиционного размещения фразовых повторов в диалектной речи. Исследование проведено на материале фонозаписей 2327 текстов, полученных от 30 диалектоносителей старшей возрастной группы минимально или вовсе не владеющих навыками письма. В результате единообразной оценки размещения повторов в диалектных текстах с помощью пропорций обнаружены предпочтаемые и / или избегаемые повторами участки текстов, синхронизированные позиционно.

Позиционная синхронизация текстов различного размера осуществлялась путем количественной оценки позиции начала и конца каждого повторяющегося эпизода в последовательности. А поскольку позиция определяется относительно размеров каждого отдельного текста, то результаты измерения легко совмещаются для их обобщения в интегральной модели текста – инварианте структуры текста [Москальчук, 1990; Корбут, Москальчук, 1997; Москальчук, 2010а и др.]. На рис. 1 представлены данные по размещению элементов симметрии (повторы) в линейной протяженности 2327 диалектных и 729 художественных прозаических текстах за один период времени, то есть в рамках одной позиционной модели сравниваются сугубо устные и сугубо письменные тексты. В силу различия объема выборок кривые располагаются в различных размерных нишах, но близость их конфигураций в средней части (тело текста) очевидна. Сильные позиции текста: начало, гармонический центр (пропорция 0,618, позиция «0»), конец текста являются областями господства элементов симметрии в тексте, то есть это области предсказуемого их появления. Распределение симметричных участков текста периодично, что

отражает спонтанное тяготение инварианта к разделению на зоны начала со своей кульминацией, зону, тяготеющую к гармоническому центру текста, и зону конца [Корбут, Москальчук, 1997; Москальчук, Манаков, 2014].

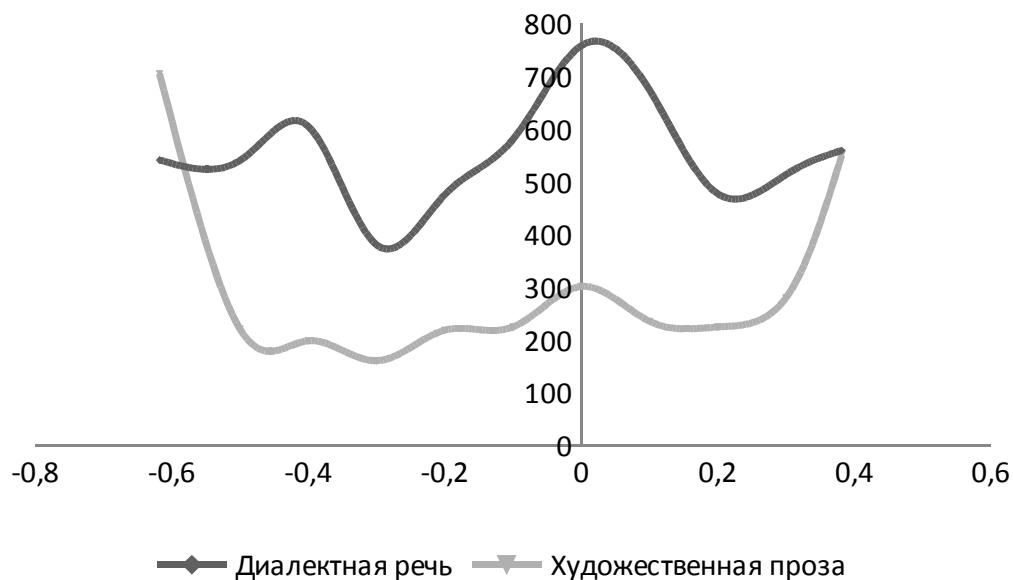

Рис. 1. Инвариант структуры русского текста: диалектная речь – результаты Г.Г. Москальчук, художественная проза – результаты А.Ю. Корбут [Корбут, Москальчук, 1997].

Повинуясь пропорциям золотого сечения, инвариант структуры текста обнаруживает спонтанно осуществляющуюся в различных текстах организацию элементов симметрии, осмысливаемых учеными и художниками как критерии оптимальности и эстетического совершенства. Литература по данной проблеме весьма велика, укажем лишь наиболее значительные работы: [Разумовский, 1999; Шевелев, 1990; Волошинов, 2000; Черемисина, 1989 и др.].

Важным шагом в области интегральных измерений явилось создание метроритмической матрицы, включающей ряд структурно и функционально значимых позиций и пропорционально определенных интервалов между ними. Позиции текста являются его естественно определимыми границами (абсолютные начало и конец текста), а также пропорционально вычислимые внутритекстовыми точками, которые суть пропорции золотого сечения ($0,618$ от целого). Точка золотого сечения в тексте названа Н.В. Черемисиной гармоническим центром (далее – ГЦ) [Черемисина, 1989, с. 173–184], именно она послужила

важным ориентиром для конструирования в дальнейшем формы текста и определения ее геометрии в пространстве.

Обнаружено тяготение структуры устно порождаемого текста к пропорциям золотого сечения, а также статистически проявляющееся деление целого на три композиционные зоны; зону начала текста (0,382 доли от размеров целого), зону конца (0,146) и симметричную относительно ГЦ всего текста зону, названную зоной ГЦ. Она располагается в обе стороны от ГЦ текста на расстояниях пропорции 0,236 от объема текста. Затем эмпирически и статистически были реконструированы границы зоны, примыкающей к ГЦ всего текста, названные абсолютно слабыми позициями текста, размещенными симметрично относительно ГЦ текста [Москальчук, 1990; Москальчук, 2010a].

В результате анализа 54,5 тысяч самых разнообразных полных текстов, обработанных по описываемым методикам различными исследователями, сложилась позиционная шкала, обладающая инвариантными размерами отдельных интервалов, следующих друг за другом единообразно и обладающих пропорциональной определенностью, производной от целого, принятого за единицу. Данная шкала названа метроритмической матрицей и применяется в исследованиях и практике анализа разнообразных текстов (рис. 2): [Зачин (0,146) – пред-ГЦн (0,09) – пост-ГЦн (0,146) – пред-ГЦ (0,236) – пост-ГЦ (0,236) – конец (0,146)]. В скобках обозначены пропорции каждого интервала.

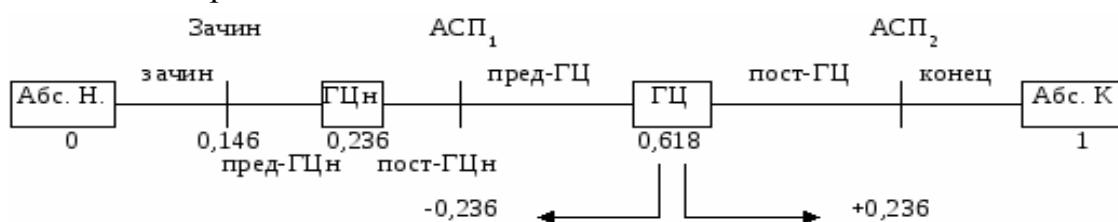

Рис. 2. Метроритмическая матрица текста

Измерения в единицах, привязанных к размерам (объемам) целого, и применение пропорциональной шкалы, эмпирически подтвержденной на лингвистически разнородном языковом материале (устная и письменная форма, тексты СМИ, Интернет, художественная проза и поэзия, фольклор и т.п.), позволяют: 1) единообразно фиксировать результаты; 2) сводить их в единую картину; 3) развивать теоретические представления о формообразовании текстов различной природы, опираясь на сопоставимые и достоверно зафиксированные результаты, полученные единообразно.

Психолингвистические эксперименты показывают, что метроритмическая матрица структуры текста не только стабильно воспринимается испытуемыми [Москальчук, 2010а, с. 224–233; с. 290–294], но и определенным образом корректируется в процессе речепроизводства, например, путем вставки элементов хезитации [Корбут, 2013], что свидетельствует о скрытой ритмико-пропорциональной, но неосознаваемой испытуемыми пространственно-временной регуляции порождаемого текста, о выравнивании внутритекстовых пропорциональных соотношений. То есть информационный пакет, формирующийся спонтанно, повинуется латентным параметрам неосознаваемого прототипа – матрице. В этом смысле можно говорить о самоподобии и фрактальности формы текста [Бекасова и др., 2013, с. 32–37; Москальчук, Бузаева, 2013; Москальчук, Манаков, 2014; Бузаева, 2015 и др.].

Сравнение результатов лингвистических экспериментов и результатов позиционного анализа текста убеждает в их взаимозаменяемости. При минимальной временной затратности теоретического анализа текста мы добываем практически те же результаты, что и в серии экспериментов с испытуемыми, результаты корреспондируют с инвариантом структуры текста [Коржнева, 2003; Бузаева, 2015].

Поскольку аттрактор суть притягивающее множество в сложно организованной системе, то поэтому специально изучались возможности использования аттрактора как структурного компонента текста в его оптимизированной интерпретации [Москальчук, 2010а; Болдырева, 2007; Бузаева, 2015 и др.]. В результате можно утверждать, что в силу масштабного самоподобия аттрактора и всего текста возможен и эффективен сокращенный анализ текста по содержимому и характеристикам только аттрактора как носителя доминантных структур и смыслов текста [Москальчук, Бузаева, 2013; Бузаева, 2015]. Данный результат апробирован на 5,5 тысячах сонетов У. Шекспира и их русских переводов. Исследование проводилось с помощью компьютерной программы, что обеспечивает единообразие и объективность результатов. Принцип графического, синтаксического и просодического подобия переводов оригиналу обеспечивает оптимальность и успешность перевода на уровне целостных качеств текста, а самоподобие аттрактора и целого приводит к смысловому самоподобию вторичного текста [Бузаева, 2015].

Форма текста как конструкт выявлена из реально осуществленных и коммуникативно успешных устных и письменных

текстов на нескольких языках: русском, английском, французском, немецком. Форма текста реконструируется по ее физическим параметрам: размер целого и частей, характер внутритекстовой континуальности / дискретности относительно метроритмической матрицы, применяемой как измерительный эталон.

Форма текста записывается комбинацией из набора трех условных символов, отражающих вариации расположения границ предложения относительно 5 позиционных срезов, учитываются также абсолютные начало и конец текста. Затем с помощью графов устанавливаются дистантные связи между началами / концами зафиксированных в формуле состояний предложения относительно каждого из 5 позиционных срезов, подсчитывается количество циклических связей, пересекающих позиционные интервалы как показатель интенсивности процесса спонтанной организации структуры текста [Москальчук, 2010а, с. 40–53]. Формула текста, таким образом, является сверткой его структурного состояния и является нечетким интегральным образом, репрезентирующим циклично-периодичный сценарий процессов спонтанной внутритекстовой организации.

Циклические связи устанавливаются между противоположными состояниями структуры: граница типа «2» указывает, что часть предложения, расположенная слева меньше, чем часть его справа; подобное состояние характерно для абсолютного начала текста, где высказывание начинается и весь его состав расположен в теле текста. Противоположный характер имеют границы, условно обозначенные символом «1»: часть слева больше, чем справа, что характерно для конца текста, где данное состояние господствует. Иными словами, между двумя противоположными состояниями структуры текста – между началом и концом предложения / высказывания / текста – возникает самозамкнутый цикл, но предложений в тексте может быть много, поэтому промежуточные дистантные взаимодействия между смысловыми и формально выраженным начальными / кончами отдельных порций текста устанавливаются всегда (рис. 3).

Данное видение позволяет визуализировать модель текста как гиперцикл, в который весьма разнообразно вписаны иные циклы, индивидуализирующие форму (рис. 3 и 4). Верхняя часть рисунка 4 отображает связи между границами текста, нижняя – между позиционными срезами метроритмической матрицы (в данном случае не учтены позиции абсолютных начала и конца текста).

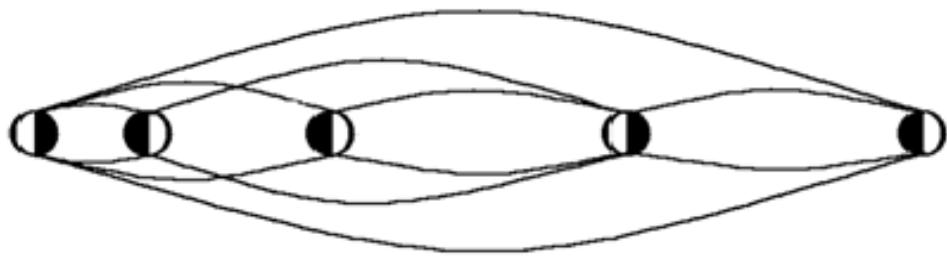

Рис. 3. Схема циклических связей в модели /21121/ (граница типа «1» обозначена заливкой, ее отсутствием – тип «2», если граница предложений симметрична относительно позиционного среза, то заливки нет)

При заданных параметрах моделирования (пять позиционных срезов, комбинации трех типов границ срезов: «1», «2», «0») выделены из 2 000 текстов и описаны 243 формы текста, встречающиеся в узусе с различной вероятностью [Москальчук, 2010 a , с. 279–289; Москальчук, 2010 b].

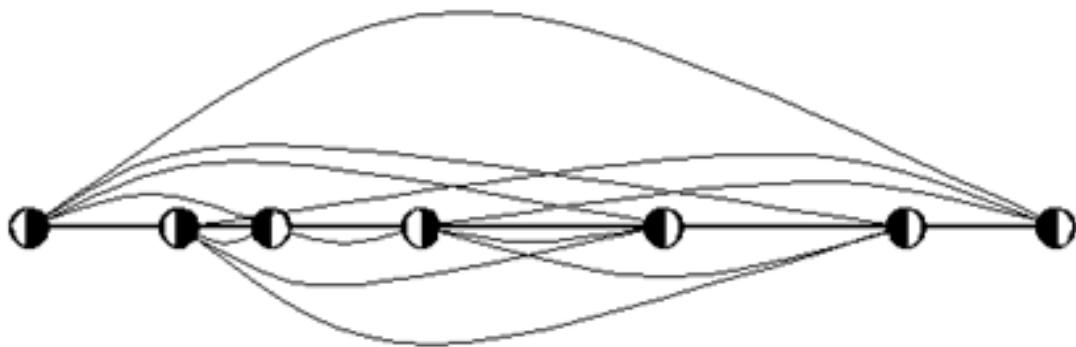

Рис. 4. Инвариант выборки из 2 тыс. разнообразных текстов 2/21211/1

На рис. 4 приведена схема циклических связей, возникающих в форме 2/21121/1, которая может быть описана как изменение плотности циклов во внутритекстовом пространстве в его последовательных интервалах: 4 – 8 – 7 – 6 – 6 – 3. Число циклических связей, пересекающих каждый из 6 позиционных интервалов текста, служит мерой внутритекстовой динамики, указывает на интенсивность спонтанной самоорганизации структуры, формирующейся в данном тексте. Интервалы с наибольшими величинами плотности циклов являются атTRACTорами в данной модели (выделено полужирным шрифтом). Разумеется, различные модели обладают как повторяющимися, так и индивидуальными сходствами и различиями. Единообразие измерительной процедуры позволяет сравнивать тексты с различной протяженностью по сходству формы и процессов, приво-

дящих к данному целостному состоянию, что фиксируется в формуле текста из 5 символов.

Формула текста может быть представлена в более обобщенном виде, показывающем возможности приспособления формы к атTRACTору как кульминанту формы и носителю доминантного смысла це-лого. Данный показатель назван балансом формы, где отражаются все процессы спонтанной самоорганизации текста относительно атTRACTора (обозначается символами 1 и 2 как высшими ступенями иерархии), все остальные иерархически организованные интервалы оцениваются символами от 3 до 6.

Баланс формы отражает иерархическую упорядоченность формы относительно ее атTRACTора как условной цели развертывания. В рассматриваемом примере с формулой текста /21121/ баланс формы, как более экономная свертка, выглядит следующим образом: 412335 /+1/, где атTRACTор обозначен символами 1 и 2, а далее следуют иерархически убывающие ступени саморазвития формы во внутритекстовом пространстве-времени, а сам атTRACTор расположен во 2 и 3 интервалах, следовательно, его объем составляет 0,236 долей от целого, принятого за единицу. В балансе формы точно отражено положение атTRACTора, поскольку порядок интервалов всегда сохра-няется. А в силу формального различия интервалов текстовой структуры в данной записи отражено также и различие объемов атTRACTоров в каждой модели [Москальчук, 2014].

Формула текста может модифицироваться по балансу протекающих в тексте процессов организации, баланс формы отражает иерархию процессов как самодвижение структуры относительно атTRACTора. АтTRACTор является целью и кульминантом формы, носителем доминантных структур и смыслов данного текста. Поскольку внутритекстовое пространство трехмерно, то оно геометрически может быть отображено как структура вращения относительно оси времени, проходящая самоподобные этапы своего развертывания, определяемые серией пропорций золотого сечения, выявленных в метроритмической матрице (рис. 2). Макроритм данной модели нисходящий, интенсивность зерна выше (4 единицы), чем конца (5 единиц). АтTRACTор размещается во 2 и 3 интервалах, он также нисходящий.

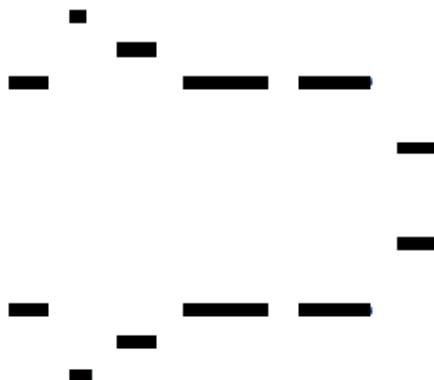

Рис. 5. Баланс формы в модели /21121/

Для отождествления структуры атTRACTоров рационально учитывать конфигурацию двух наиболее интенсивных степеней формы: кульминацию, а также подступы к ней слева, в случае восходящего атTRACTора, либо выход из структурной кульминации развития формы, если они повторяют иерархичность формы целого, то есть атTRACTор и целое иерархически самоподобны. Весьма частотна в узусе и оптимальна форма /22211/, обладающая наибольшей близостью к природному прототипу «яйцо» (рис. 6). Другие модели представляют собой индивидуальные, но повторяющиеся варианты некоторого инвариантного состояния структуры, обусловленные различиями протекающего спонтанно процесса формообразования текста как самозамкнутой целостности.

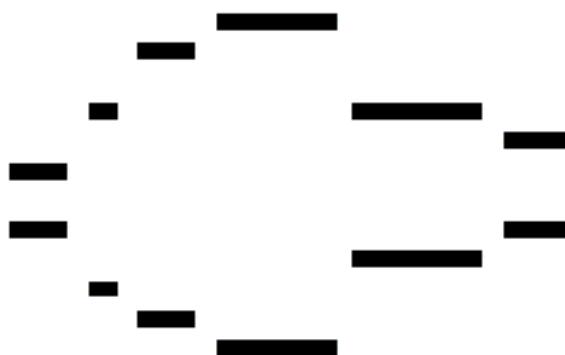

Рис. 6. Баланс формы модели /22211/

АтTRACTор является компромиссом между заложенными в форме потенциями ее развития и реализовавшимися в тексте условиями, способными как усилить и оптимизировать целое, так и ослабить его. АтTRACTор в процессе развертывания структуры текста способен: 1) модифицировать свой объем (увеличиваться или сокращаться), 2) перемещаться во внутритестовом пространстве от 1 до 6 позиционных интервалов. Рост интенсивности процесса

самоорганизации более выгоден коммуникативно, но при этом интенсивность связана с оптимальными или менее оптимальными позициями атTRACTоров в пространстве формы [Москальчук, 2010б].

Таким образом, форма текста как его интегральная характеристика позволяет фиксировать в условных, читаемых компьютером символах характер интегрального гештальта, его финитное состояние как готового, завершенного информационного пакета (целого). Это важно для изучения как самих текстовых форм, так и практически любых лингвистических проявлений, наблюдаемых и фиксируемых в границах текста. Тексты и интересующие исследователя языковые единицы и процессы могут описываться и эффективно сравниваться [Бузаева, 2015; Москальчук, Бузаева, 2013; Москальчук, 2014; Москальчук, Манаков, 2014]. Практическое применение позиционного анализа текста видится в оптимизации процессов восприятия и оптимизирующей правке готовых и проектируемых текстов. Открывается возможность по нечетким образам создавать, оценивать и распознавать тексты по заданным параметрам формы, с проектируемыми возможностями макроритмического воздействия и регуляции.

Литература

- Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. М., 2013.
- Болдырева Э.Т. Креативный атTRACTор как структурный компонент текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
- Бузаева Я.А. Самоподобие формы как принцип организации вторичного текста (на материале сонетов У. Шекспира и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015.
- Волошинов А.В. Математика и искусство. М., 2000.
- Корбут А.Ю., Москальчук Г.Г. Инвариант структуры диалектного и художественного текста // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1997.
- Корбут А.Ю., Москальчук Г.Г. Принцип симметрии в классификации элементов текста и его объясняющая сила // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 2.
- Корбут А.Ю. Текстосимметрика. Иркутск, 2004.
- Корбут А.Ю. Язык как материально-идеальный текстообразующий субстрат // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1 (72).
- Коржнева Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Текст как природный объект // Педагог. 1999. № 2 (7).
- Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. К основаниям текстосимметрики // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Барнаул, 2001.
- Москальчук Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

- Москальчук Г.Г., Манаков Н.А. Текст как информационный пакет // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 9.
- Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2010а.
- Москальчук Г.Г. Изоморфизм структуры текста и его аттрактора // Синергетическая лингвистика vs лингвистическая синергетика. Пермь, 2010б.
- Москальчук Г.Г., Бузаева Я.А. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24).
- Москальчук Г.Г., Манаков Н.А. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4.
- Москальчук Г.Г. Баланс формы текста как его структурная и функциональная характеристика // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355).
- Разумовский О.С. Оптимология. Новосибирск, 1999. Ч. 1.
- Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев Й.П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. М., 1990.
- Чебанов С.В. О стиле организмов (к новой постановке старой проблемы) // Инновации. 2006. № 2 (89).
- Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989.

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК РУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА С УЧЕТОМ ДАННЫХ НЕЙРОНАУК

Т.А. Литвинова, О.В. Загоровская

Ключевые слова: диагностирование личности автора текста, нейролингвистика, автороведение, дискурс, математические методы в лингвистике.

Keywords: the author's profile, neurolinguistics, discourse, mathematical methods in linguistics.

Идеи о том, что в тексте находят свое отражение психологические особенности его автора, неоднократно высказывались в отечественной науке. Так, например, по мнению К.Ф. Седова, дискурсивная деятельность (то есть деятельность по созданию дискурса) и, шире, дискурсивное поведение есть способ самовыражения языковой личности; в нем с необходимостью проявляется уникальность каждого Homo loquens [Седов, 2004]. При этом под дискурсом понимается связный текст в его совокупности с экстралингвистическими – pragmaticalными, социокультурными, психолингвистическими и др. факторами.

В настоящее время не вызывает сомнения также и то обстоятельство, что текст как продукт целенаправленной речевой деятельности индивида и модель мира его создателя может выступать в качестве основы для моделирования *структуры и типа сознания продуцента*, причем для описаний подобного рода может избираться текст любой функциональной разновидности языка; даже учебные сочинения и изложения в избранном аспекте не менее интересны, чем традиционно подвергающиеся анализу тексты художественные [Бутакова, 2001]. Кроме того, стиль пишущего – это всегда идиосинкразический выбор ресурсов языка, в той или иной степени обусловленный комбинацией индивидуальных личностных отличий, причем изменчивость речевой индивидуальности во времени не может служить основанием для отрицания существования самого названного феномена. Речевую индивидуальность следует рассматривать как инвариант, который стоит за всеми текстами данной личности, несмотря на различия между ними [Бутакова, 2001].

В отечественной психологической науке накоплено немало данных, свидетельствующих о выраженности в тексте как продукте речевой деятельности разнообразных индивидуальных свойств субъекта говорения: половозрастных, социальных и национальных признаков; особенностей мотивационной, эмоциональной и интеллектуальной сфер; а также таких личностных характеристик, как экстраверсия-интроверсия, экстернальность-интернальность, типы саморегуляции психической активности и пр. В русской лингвистике же в названном направлении делаются лишь первые шаги [Литвинова, Литвинова, 2015]. Как показывает анализ специальной литературы, отечественное языкознание располагает лишь случайными несистематизированными фактами зависимости речевого поведения от индивидуально-психологических особенностей личности. При этом до сих пор не существует апробированных методик определения психофизиологических характеристик автора русского письменного текста; не проведены статистические исследования, направленные на выявление значимости тех или иных языковых единиц для диагностирования названных характеристик. Кроме того, параметры текста в подобных исследованиях в большинстве случаев выбираются без опоры на теорию, интуитивно, бессистемно, а сами исследования носят описательный, но не диагностирующий характер [Литвинова, Литвинова, 2015]. Анализ современного состояния названной проблемы позволяет согласиться с мнением о том, что в отечественной социопсихолингвистике последовательного и системного изучения взаимосвязи личностных психологических характеристик человека и его дискурсивного поведения еще не проводи-

лось [Седов, 2004], несмотря на то, что этап *необходимого размежевания лингвистики и психологии давно закончился*, а научная парадигма современной лингвистики и наук о человеке требует выхода в реальные ситуации речевой коммуникации, в деятельность, в систему механизмов, которые совместно обеспечивают производство и понимание речевых сообщений и текстов [Потапова, Потапов, 2006].

За рубежом на протяжении нескольких десятков лет активно применяются лингвистические методы идентификации личности по ее анонимному тексту. Так, еще в 1979 году немецкий исследователь K. Scherer в монографии «Социальные показатели в речи» указал на возможность выявления по речи не только социальных характеристик ее автора (положение в обществе, образование, род занятий и социальная роль), но и его физических особенностей (пола, возраста, состояния здоровья), а также некоторых психологических черт [Scherer, 1979]. В настоящее время в зарубежной науке идет активный поиск модели, позволяющей при рассмотрении языковой ткани делать выводы о социальных и психических параметрах личности, и наоборот.

Анализ работ, выполняемых в данном направлении зарубежными лингвистами, позволяет говорить о двух основных подходах к решению задачи моделирования личности автора текста: 1) основанном на анализе содержания текста, его семантики (*content-based*) и 2) основанном на анализе формальных параметров текста, связанном с частотностью тех или иных грамматических явлений (*style-based*) [Литвинова, 2013a].

В рамках работ первого направления установлено, например, что определенные лексико-семантические группировки слов, в том числе слова эмоциональной оценки, номинации «семантической безысключительности» (*никакой, всегда, совсем* и т.п., выступающие характерным признаком эмоционально-окрашенной речи), слова, указывающие на порядок оформления мысли, и некоторые другие в определенной степени коррелируют с теми или иными личностными параметрами. Доказано также, в частности, и то, что увеличение в письменной речи количества слов, тематически связанных с когнитивными процессами (*потому что, понимать* и т.п.), может предсказать начавшийся процесс выздоровления от психотравмы [Pennebaker, Mehl, Niederhoffer, 2003].

Как отмечается в научной литературе, недостатки «семантического» подхода для диагностирования психофизиологических характеристик автора текста связаны с двумя основными моментами. Во-первых, «семантический» (тематический) уровень текста подконтролен сознанию пишущего, который может осознанно использовать или не ис-

пользовать определенные словесные знаки. Во-вторых, неизвестно, какие именно лексико-семантические группы слов следует изучать. Большинство современных методик построено с учетом весьма распространенной идеи о том, что эмоциональное состояние автора текста можно обнаружить, изучая слова тематической группы «эмоции». Однако названная идея в последнее время обнаруживает свою несостоятельность. Специальные исследования реальных текстов показывают, что, например, даже в повседневной эмоционально-окрашенной речи, а также в романтической поэзии лишь менее 5% от общего числа слов относятся к данной группе [Pennebaker, King, 1999]. По мнению некоторых ученых, для диагностирования состояний депрессии и склонности к суициду, которые традиционно ассоциируются с употреблением в речи людей большого числа слов негативной оценки, более эффективными оказываются не «семантические», а формальные параметры текста, так как значимой разницы в процентном соотношении между словами с негативной и позитивной оценкой у страдающих депрессией и здоровых людей не наблюдается. Те же результаты были получены в исследованиях по сопоставлению художественных текстов поэтов, которые покончили жизнь самоубийством, и тех, кто не имел склонности к суициду [Rude, Gortner, Pennebaker, 2004].

В рамках работ второго направления при решении задач диагностирования психофизиологических характеристик автора текста исследователи опираются на анализ грамматических (в том числе формально-грамматических) параметров текста: морфологических и синтаксических. В первом случае обычно анализируются частотности (процентное отношение) слов тех или иных морфологических категорий и форм; во втором – частотности употребления тех или иных синтаксических конструкций.

Применительно к английскому языку в настоящее время установлено, что самой высокой диагностирующей способностью обладает количественный анализ употребления в тексте предлогов, союзов и местоимений, поскольку данные высокочастотные языковые единицы присутствуют во всех текстах независимо от обсуждаемых тем и слабо подконтрольны сознанию продуцента текста. В зарубежной лингвистике получены также данные о том, что высокой диагностирующей способностью обладает выбор автором текста определенных последовательностей расположения частей речи (*n*-grams of parts-of-speech) в высказываниях или в тех или иных синтаксических конструкциях. Отметим, что извлечение синтаксических параметров текста, которые, как и формально-грамматические, неподконтрольны сознанию пишущего,

требует использования достаточно сложных программных средств (POS-таггеры, парсеры и др.).

В целом, как показывает анализ обширной англоязычной литературы, в зарубежной науке к настоящему времени на материале специально созданных корпусов текстов и с применением мощных математических инструментов и методов компьютерной лингвистики применительно к английскому языку выявлен целый ряд эффективных языковых параметров, обладающих высокой диагностирующей возможностью определения психофизиологических характеристик личности автора письменного текста, и разработано несколько десятков специальных методик для определения пола, возраста, психологических особенностей автора письменного текста, имеющих достаточно высокую точность (от 60% для психологических характеристик до 80% – для пола) [Литвинова, Литвинова, 2015]. К числу основных выводов из проведенных исследований относятся следующие: 1) выявленные языковые параметры различаются по эффективности и должны использоваться в комбинации; 2) одним из наиболее эффективных диагностирующих языковых параметров текста на английском языке являются частотные характеристики местоимений и служебных слов; 3) для обеспечения более высокой эффективности методик диагностирования личности по тексту необходима разработка специальной теории, позволяющая выбирать языковые переменные для анализа их взаимосвязи с параметрами личности.

В русистике проблема диагностирования индивидуально-психологических особенностей автора письменного текста остается практически не разработанной не только в области теории, но и на уровне конкретных частных методик. Применительно к русскому языку до настоящего времени вообще отсутствовали исследования по диагностированию индивидуально-психологических особенностей автора письменного текста на основе анализа численных значений формально-лингвистических параметров речевых произведений. Наши работы [Литвинова, 2013б; Литвинова, Литвинова, Середин, 2014], направленные на построение математических моделей для диагностирования индивидуально-психологических характеристик автора русского письменного текста на основе численных значений формально-лингвистических параметров речевых высказываний, выполненные на материале специально созданного корпуса текстов Personality с применением методов автоматической обработки языка, так же, как и зарубежные разработки по данной тематике, показали наличие устойчивых корреляций между некоторыми формально-грамматическими параметрами русского текста и психофизиологическими характеристиками

личности. В среднем точность полученных моделей для диагностирования индивидуально-психологических характеристик продуцентов русских речевых произведений (определенных при помощи психологического теста «Большая пятерка») составила 60-65%, что сопоставимо с результатами исследований на материале английского языка.

Вместе с тем наши исследования подтвердили, что использование характерного для зарубежной науки «интуитивно-логического» и потому достаточно случайного выбора языковых параметров текста для изучения психофизиологических характеристик его автора, ориентация только на те формально-грамматические параметры, которые поддаются квантификации и извлечению современными средствами автоматической обработки языка, без опоры на серьезное теоретическое обоснование выбора тех или иных текстовых параметров не только существенно сужают сферу исследования, в значительной мере ограничивают возможности применения методик определения индивидуально-личностных характеристик человека по созданному им письменному тексту, а также методик определения особенностей индивидуального варьирования тех или иных особенностей дискурса, но и сдерживают дальнейшее развитие такого значимого для современного общества междисциплинарного научного направления, как диагностирование личности автора речевого произведения, результаты исследований в области которого могут найти применение не только в практической психологии и медицине, криминалистике, системах информационной защиты и т.д., но и в педагогике, методике преподавания русского и иностранных языков.

Как представляется, для разработки более эффективных методик диагностирования индивидуально-психологических характеристик личности по тексту необходим не только синтез имеющихся достижений в этой области (создание специальных корпусов текстов, содержащих метаданные в виде информации об их авторах, применение средств автоматической обработки языка для лингвистической разметки корпусов, применение программных средств для автоматического извлечения числовых значений выбранных параметров текстов; использование современных математических пакетов для обработки данных и построения прогностических математических моделей), но и принципиально новый подход к выбору параметров текста, которые могут коррелировать с теми или иными индивидуально-психологическими характеристиками личности. Такой подход, на наш взгляд, должен предполагать комплексный многоуровневый анализ текста с привлечением данных психологии, в том числе такого ее направления, как нейропсихология индивидуальных различий, а также данных психолингвистики и нейролингвистики,

что позволит более системно и полно описать взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности и характеристик ее речевой продукции, а также дать возможное объяснение найденным корреляциям.

Очень важно, что при комплексном анализе текста в соответствии с выделяемыми в современной лингвистике уровнями его порождения могут быть проанализированы характерные именно для текста, а не только для уровня предложения языковые явления (например, параметры, отражающие особенности употребления средств связи между предложениями, слабо поддающиеся автоматизированному подсчету), что позволит существенно расширить перечень параметров текста, которые могут коррелировать с теми или иными индивидуально-психологическими характеристиками личности.

Как известно, создание связного текста требует целого ряда когнитивных, лингвистических и психологических навыков, что делает его незаменимым диагностическим инструментом для выявления различного рода нарушений в работе мозга. Как отмечается в специальных исследованиях, проблемы в работе мозга человека обнаруживаются именно на уровне текста, поэтому логично предположить, что анализ индивидуального варьирования в дискурсе с позиции его порождения важен не только для разработки методик диагностирования психологических особенностей личности по тексту, но и для дифференциальной диагностики проблем с построением дискурса, возникающих у носителей языка в случае каких-либо заболеваний или травм головы. Очевидно, что для дифференциальной диагностики подобных проблем, основанной на изучении относительного дефицита на разных уровнях порождения связного высказывания, совершенно необходимо иметь представление об индивидуальном варьировании дискурса в границах условной нормы.

Анализ научной литературы, в первую очередь работ отечественных и зарубежных ученых-нейролингвистов, позволяет утверждать, что индивидуальное варьирование на разных уровнях порождения связного текста может быть обусловлено в том числе особенностями мозговой организации, межполушарной асимметрии продукента текста (см. обзор: [Демина, 2009]). В то же время данные активно развивающейся нейропсихологии индивидуальных различий позволяют говорить о корреляции особенностей мозговой организации, межполушарной асимметрии, особенностей межполушарного взаимодействия и индивидуально-психологических особенностей человека (см., например: [Москвин, Москвина, 2011]).

Нам неизвестны работы, в которых бы устанавливалась связь между параметрами текста на русском языке и индивидуально-

психологическими характеристиками личности с учетом данных нейропсихологии и нейролингвистики, хотя о возможностях такого исследования писал, в частности, К.Ф. Седов [Седов, 2004]. На наш взгляд, комплексный психолингвистический подход к анализу текста на разных уровнях его порождения, применение методов математической статистики (корреляционно-регрессионного анализа), компьютерной лингвистики, проведение исследований на специально созданном корпусе текстов с интерпретацией полученных результатов корреляционно-регрессионного анализа с опорой на данные нейролингвистики и нейропсихологии индивидуальных различий позволяют сформировать новый подход к разработке методик диагностирования по тексту индивидуально-психологических характеристик его автора, по-новому посмотреть на проблемы взаимосвязи личности и языка, а также на проблемы обучения языку, выработки и корректировки тех или иных навыков построения связных речевых высказываний.

Литература

- Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2001.
- Демина Е.В. Индивидуально-психологические особенности языковых способностей человека: дис. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2009.
- Литвинова Т.А. Профилирование автора письменного текста // Язык и культура. 2013а. № 3(23).
- Литвинова Т.А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013б. № 12 (30). Ч. 1.
- Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Человек в зеркале языка: диагностирование психофизиологических характеристик автора письменного текста. Воронеж, 2015.
- Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Середин П.В. Частоты встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. №2.
- Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М., 2011.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М., 2006.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Pennebaker J.W., King L.A. Linguistic styles: Language use as an individual difference // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77.
- Pennebaker J.W., Mehl M.R., Niederhoffer K. Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54.
- Rude S.S., Gortner E., Pennebaker J.W. Language use of depressed and depression-vulnerable college students // Cognition and Emotion. 2004. Vol. 18.
- Scherer K. Social markers in Speech. Cambridge, 1979.

НИЖНЕНЕМЕЦКИЕ ГОВОРЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Л.И. Москалюк

Ключевые слова: островные нижненемецкие говоры, фонетические, грамматические особенности.

Keywords: Island Low German dialects, phonetic, grammatical features.

Нижненемецкий Алтайского края сохранил основные черты нижненемецких говоров Западной Пруссии. Plautdietsch меннонитов, проживавших с начала XIV века в дельте Вислы, развился на базе нидерландско-фризских диалектов, но так как меннониты расселялись вместе с другими немецкими крестьянами, говорившими на нижнепрусском диалекте, то постепенно их родной язык был вытеснен нижнепрussким, ставшим языком повседневной коммуникации меннонитов задолго до их переселения в Россию (ср.: [Ziesemer, 1924, s. 125-133; Жирмунский, 1976, с. 494; Авдеев, 1965, с. 12; Jedig, 1966, с. 8 и др.]). В течение XVI и XVII веков нидерландский еще оставался языком церкви меннонитов, лишь в XVII веке проповедники перешли на немецкий язык. Таким образом, переселенцы первой волны (1787) привезли в Россию нижненемецкий диалект, переселенцы второй волны (1803) – немецкие диалекты и литературный немецкий язык в его письменной форме. Сибирские говоры меннонитов представляют собой смешение диалектов меннонитов хортицкой и молочненской колоний на Украине со значительным перевесом признаков молочненского [Jedig, 1966, с. 10]. Нижненемецкие говоры Алтайского края обладают значительно большей степенью унификации, чем соседствующие с ними верхненемецкие говоры. В области фонетики следует отметить некоторую вариативность в произнесении отдельных звуков.

Характерной чертой этих говоров, отличающей их от всех других, представленных на Алтае, является отсутствие верхненемецкого передвижения согласных. Герм. *t* остался во всех позициях не передвинутым: *ti:d/ti:t* «Zeit», *tvai* «zwei», *zolt* «Salz», герм. *p* во всех позициях соответствует звук *r*, палатализованный перед гласными переднего ряда, например: *p'eipa/p'e:pe* «Pfeffer», *p'iəd* «Pferd». Герм. *k* соответствует *k* или *t'*:

а) =>*k* после гласных заднего и среднего ряда: *kno:kəs* «Knochen», *ko:kə* «kochen»;

б) =>*t'* появляется после старых гласных переднего ряда и перед ними, после и перед *r*, *l*, *n*, если им предшествовал или за ними следовал

гласный переднего ряда (ср.: [Авдеев, 1965, с. 15; Jedig, 1966, с. 35]): *t'ei* «*Kühe*», *t'leit* «*Kleid*», *t'ni:pa* «*kneifen*», *et'* «*ich*».

Существование этого звука отмечается В.М. Жирмунским [Schirmunski, 1928, с. 51-52] при описании нижненемецких говоров Украины и Г. Фоссом [Foss, 1971, с. 31] при описании соответствующего исходного диалекта на территории Польши, но его не упоминает Я. Квириング, описавший хортицкий нижненемецкий говор Украины [Quiring 1928, с. 121]. Представленное в этой позиции *k* в островных нижненемецких говорах Таджикистана (ср.: [Смирницкая, Баротов 1997, с. 67]) в нижненемецких говорах Алтайского края не обнаружено.

В то же время в нижненемецких говорах Алтайского края функционирует значительное число слов, перенятых из верхненемецких говоров и литературного немецкого языка, с передвинутыми *p*, *t*, *k*: *tsokə* «*Zucker*», *tsipəl* «*Zwiebel*», *tso:yəl* «*Schwanz*», *tsəmorjenst* «*morgens*», *tsiçtə* «*züchten*», *fneflə* «*schnüffeln*» и т.д.

Спирантизация, являясь общим признаком островных российско-немецких говоров, ориентированных на нижне- и верхненемецкий диалектный ареал, имеет свои особенности в каждом из говоров. В островных нижненемецких говорах /b/ переходит в /v/ в середине слова между двумя гласными, например: *ze:vən* «*sieben*», *sri:va* «*schreiben*», и в конце слова после отпадения конечного -e: *t'arv* «*Körbe*», *grouv* «*Grube*».

Смычный согласный /g/ переходит в щелевой /j/ в начале слова перед гласными переднего ряда, перед *r*, *l*, *n* + гласный переднего ряда: *je:l* «*gelb*», *jestrə* «*gestern*», в середине слова после гласного переднего ряда, после *r*, *l*, *n'*: *le:jə* «*lügen*», *morjə* «*morgen*».

/g/ реализуется как /y/ в середине слова после гласных среднего и заднего ряда: *foyəl* «*Vogel*», *dro:yə* «*tragen*», и в конце слова после отпадения конечного -e: *doy* «*Tage*».

/g/ переходит в /χ/ в конце слова после гласных среднего и заднего ряда: *da:x* «*Tag*», *plu:x* «*Pflug*», а также перед согласным: *jəzaxt* «*gesagt*», *jədroxt* «*getragen*», *mixt* «*möchte*», /g/ => /ç/ после старых гласных переднего ряда в конце слова и перед сочетанием согласных: *da:rtiç* «*dreißig*», *la:diç* «*leer*», *t'riç* «*Krieg*».

Для нижненемецких говоров Алтая характерны ассимиляторные изменения в ряде групп согласных. Так, в начале слова перед *p*, *t*, *m* и *v* син./s/ переходит в /ʃ/: *ʃpeit* «*spät*», *jaʃtorvə* «*gestorben*». Я. Квириング отмечает в этой позиции сохранение син.s в словах *gestohlen*, *Stückchen* в нижненемецких говорах Украины [Quiring, 1928; Кузьмина, 1961, с. 60], например: *jəsto:lə*, *stounə*. В настоящее время во всех рассматриваемых нижненемецких говорах повсеместно встречается только сочетание *ʃt-*. В этой позиции /s/ последовательно выступает как /ʃ/, как и в верхненемец-

ких говорах и литературном немецком языке.

В середине и конце слова *-rst* перешло в *-rf̥t*, как в верхненемецких говорах: *joəf̥t* «*Gerste*», *voəf̥t* «*Wurst*». Сочетание *hs* перешло в результате ассимиляции в *s*: *vo:sə* «*wachsen*», *o:sə* «*Ochsen*», *za:s* «*sechs*». Характерным признаком рассматриваемых говоров является выпадение */n/* перед */f̥/*: *f̥if̥* «*fünf*», *f̥eftiç* «*fünfzig*», но сохранение */n/* перед */s/*: *ons* «*uns*», *gons* «*Gans*». Ассимиляторные изменения произошли и в группах согласных *nt/nd*, *lt/lđ*. Перед гласными переднего ряда в середине слова и новом исходе слова */d/* исчезает, вызывая палатализацию */n/*, *nd => n'*: *en'* «*Ende*», *zen'* «*sind*» (под влиянием литературного языка распространяется форма *zend*), но *ondərə* «*andere*», *hont/hond* «*Hund*». Между гласным переднего ряда и согласными *nd => ɳ'*: *fiɳ'st* «*findest*», *fiɳ't* «*findet*», *biɳ'st* «*bindest*».

В сочетаниях *lt/lđ* син.*d* подверглось ассимиляции и исчезло в следующих словах: *oulə* «*alte*», *mol* «*Mulde*», но *koul/kould* «*kalt*», *bould* «*bald*», *vould* «*Wald*».

Характерным явлением для рассматриваемых нижненемецких говоров является ассимиляция */g/* с последующей палатализацией: *ng => n'* после гласных переднего ряда в конце слова и в середине слова между гласными: *hen'ə* «*hängen*», *fin'ə* «*Finger*», *zin'ə* «*singen*»; *gg => d'*: *mid* «*Mücke*», *rid'ə* «*Rücken*».

Как и для части верхненемецких говоров, для нижненемецких говоров характерна вокализация */r/* в конце слова: *vintə* «*Winter*», *ble:drə* «*Blätter*», *fir* «*Feuer*».

Особенности развития системы гласных островных нижненемецких говоров дают возможность выявить их дополнительные отличительные признаки. Син. а представлен в рассматриваемых говорах в закрытом слоге как */o/* или */ou/*: *mon* «*Mann*», *sotə* «*Schatten*».

Дифтонг *au*, который описывает Г. Едиг [Jedig, 1966, s. 20] в этой позиции сохранился только в отдельных лексемах у представителей старшего поколения, в большинстве случаев произошло его сужение и стяжение. Перед *l*, *lt/lđ* возможна дифтонгизация, син. а => *ou*: *oulə* «*alter*», *bould* «*bald*». Дифтонг */au/* встречается, например, в отдельных словах в речи жителей бывшего села Чертеж: *ault*, *bault*, но *vould* «*Wald*».

Перед *r + согласный* син. а переходит в */o:/* или дифтонг */o:a:/*: *fvo:t/fvo:rət* «*schwarz*». В настоящее время предпочтение отдается формам с *o:*, в то время как 60 лет назад отмечалось широкое распространение дифтонга *o:a* (ср.: [Jedig, 1966, s. 22]), которому соответствовал дифтонг *o:ə* в нижненемецких говорах на Украине [Quiring, 1928, s. 54]. Следовательно, в настоящее время вокализованный звук */r/* исчезает, а */o/* под-

вергается сужению.

Снн. а в открытом и условно закрытом слоге перешел в /o:/, /ou/, /u:/, например: *vo:te* «Wasser», *fo:de* «Vater», *no:be* «Nachbar». В большинстве сел Немецкого национального района распространены варианты с /o:/ разной степени открытости. В Шумановке используются варианты с /ou/, в Протасово, Гришковке, Полевом, Хорошем, Глядене, Екатериновке, Ананьевке, Долинке - /u:/. В немецких говорах на Украине в этой позиции встречался только /o:/, но уже Г. Едиг отмечает развитие сверхоткрытого /u:/ в отдельных говорах на Алтае [Jedig 1966, s. 23].

В открытом слоге перед /k/, /γ/ снн. а на всей территории распространения нижненемецких диалектов на Алтае отражается как /o:/, например: *kro:γə* «Kragen», *lo:kə* «Laken». Таким образом, подтверждается гипотеза о переходе сверхоткрытого /o:/ через его удвоение в закрытый /o:/ [Jedig, 1966, s. 23] и его дальнейшем развитии в /u:/.

Снн. а: также подвергся сужению и огублению, в нижненемецких говорах Алтая ему соответствуют /o:/ или /u:/, в ряде случаев происходит дифтонгизация => ou, например: *o:vənt* «Abend», *so:p* «Schaf», *stro:l* «Strahl». В селах Полевое, Гришковка, Протасово, Дегтярка, Глядень, Долинка, Татьяновка в этой позиции произносится /u:/. В с. Шумановка и с. Редкая Дубрава встречаются дифтонгированные формы. Развившийся в этой позиции /u:/ не представлен в исходном нижнепрусском диалекте и нижненемецких говорах Украины. Эти говоры характеризуются открытым /o:/ [Quiring, 1928], который перешел в говорах Алтайского края в закрытый /o:/ или открытый /u:/.

Перед k, γ, г на всей территории распространения нижненемецких говоров на Алтае на месте снн. а: встречается только /o:/, например: *jo:ə* «Jahr», *spro:k* «Sprache», *vo:γə* «Waage». В закрытом слоге снн. а: перешел в /o/: *jəbroxt* «gebracht», *jədoxt* «gedacht».

Снн. aw отражается в рассматриваемых говорах как сочетание ε:v, o:v или ou: *grou /grε:v /gro:v* «grau», *blou /ble:v /blo:v* «blau», *houə /hε:və /ho:və* «mähen». Если ε:v – это сохранившийся признак хортицких нижненемецких говоров Украины, а ou – особенность молочненеских говоров, то ov – это смешение этих двух форм, эта форма характерна только для нижненемецких говоров на Алтае.

Краткий снн. о сохраняется во всех нижненемецких говорах на Алтае как краткий /o/, но перед сочетанием r + согласный он подвергается сужению и удлиняется, а при вокализации /r/ переходит в дифтонг => u: /u:ə: ннем. *vu:ət* «Wort». Снн. о в открытом и условно закрытом слоге также перешел в долгий закрытый /o:/, /ou/ или /u:/, например: *ko:lə*, *koulə*, *ku:lə* «Kohle». В говоре с. Шумановки, снн. о подвергся дифтонгизации, в с.с. Гришковка, Протасово, Полевое, Глядень снн. о отражается

как /u:/. Перед k, γ син. о => o:, например: *jəbro:kə* «*gebrochen*», *ko:kə* «*kochen*». Процесс «растяжения» син. о в открытом слоге привел к дифтонизации под влиянием двухвершинного ударения [Жирмунский, 1956, с. 238; Jedig, 1966, с. 27] а затем к развитию закрытого /o:/ в одних говорах и открытого /u:/ в других.

Син. о: представлен в большинстве нижненемецких говоров Алтая как дифтонг /ou/: *broude* «*Bruder*», *stoul* «*Stuhl*», *brout* «*Brot*», или сохранился как /o:/ в говорах сел Орлово, Протасово, Дегтярка, Глядень. Перед k, γ происходит сужение, а в некоторых говорах дифтонгизация син. о: => u:, uə: *du:ək*, *du:k* «*Tuch*», *ku:kə*, *ku:əkə* «*Kuchen*».

Син. и подвергся расширению и => o: *loft* «*Luft*», *dom* «*dumm*», *ton* «*Tonne*».

Исследование современного состояния диалектов показало, что перед t, nd, lt, γ, n'(nt) встречается /u/ или /o/, в то время как Г. Едиг называет только варианты с /u/ [Jedig, 1966, с. 28]. Например: *hont/hunt* «*Hund*», *jəfoŋgə/jəfuŋgə* «*gefunden*», *hoŋgə/huŋgə* «*Hunger*».

Син. u: в нижненемецких говорах Алтая отражается как суженный и лабиализованный /y:/: *by:ə* «*bauen*», *ly:d* «*laut*». Перед k син. u: подвергается сокращению: *brukə* «*brauchen*», *buk* «*Bauch*», *luk* «*Lauch*».

Нижненемецкие говоры Алтайского края показывают разные пути развития различающихся по происхождению син. е. Син.е <= as. e в закрытом слоге представлен в рассматриваемых говорах как /a:/, например: *fla:çt* «*schlecht*», *va:də* «*Wetter*».

Расширение син. е в /a/ – это явление, характерное для фонетической системы нижненемецких говоров на Алтае. Оно было характерно и для нижнепрусских говоров, носители которых принесли его с собой на Украину, а затем в Сибирь. Перед lt, ld син. е сохранился как краткий /ɛ/: *jelt* «*Geld*», *smeltə* «*schmelzen*». Син. е, возникший в результате умлаута as. a, претерпел в рассматриваемых говорах расширение е => ε: *elrə* «*Eltern*», *t'rents* «*Kränze*», *mənʃ* «*Mensch*», *hen'* «*Hände*». Син. е в открытом слоге реализуется как /e:/, например: *re:jə* «*Regen*», *ve:t'* «*Woche*». В с.с. Глядень, Долинка, Татьяновка, Хорошее е: => i:, например: *ni:mə* «*nehmen*». Син. е перед r + x, t', v, j => o:a: *bo:əx* «*Berg*», *t'o:ət'* «*Kirche*», *bo:əjə* «*Berge*», перед r + t, d, l, n => i: *hi:əd* «*Herd*», *i:ə(d)/i:r* «*Erde*», *tvi:rəm* «*Zwirn*», но *vo:ərə* «*werden*».

Син. e: в нижненемецких говорах Алтайского края соответствует дифтонгу /εi/ в закрытом слоге и в конце слова: *t'εiz* «*Käse*», *tei* «*Zehe*». Син. e: => oɪ в говорах сел Глядень, Полевое, Протасово: *toi*, *voi* (ср.: [Жирмунский, 1956, с. 240]). Отдельные формы с oɪ встречаются в говорах сел Хорошее, Кусак, Дегтярка: *toi* «*Zehe*», *floɪf* «*Fleisch*», но *t'εiz* «*Käse*», *ei* «*Ei*», *reɪn* «*rein*» – для всех говоров. В отдельных словах е: => e:/i:

ve:t, vi:t «Weizen», *fe:t, f:it* «Füsse», *t'le:n, t'li:n* «klein».

Умлаут син. о представлен в нижненемецких говорах Алтайского края как /e:/, например: *me:l* «Mühle», *he:v* «Höfe», *sle:təl* «Schlüssel».

Умлаут син. о: дает перед j, t' (k) – /e:/ или /i:/ : *t'e:j, t'i:j* «Kühe», *be:t'v, bi:t'ə* «Bücher». Варианты с /i:/ характерны для говоров с. с. Глядень, Хорошее, Долинка, Татьяновка. Перед d, p, l, m, r делабиализованный гласный ö => ei /oi: *t'neip* «Knöpfe», *teipə* «kaufen», *heirə* «hören», *t'eil* «kühl». Нижненемецкие говоры Украины показывают в этой позиции долгий закрытый /e:/. Расширение, дифтонгизация и лабиализация характеризуют дальнейшее развитие этого звука в говорах на Алтае.

Син. i претерпел расширение i => e, например: *vente* «Winter», *ledə* «liegen». В настоящее время наблюдается тенденция к переходу син. i, который в позиции перед t', d', n', ng, nt', nt, nd, lt, m сохранял свое качество в данных говорах, также в /e/.

Умлаут син. u при делабиализации дает открытый /ε/: *dən* «dünn», *t'nətə* «stricken».

Син. i: сохранился без изменения во всех нижненемецких говорах, в том числе и в нижненемецких говорах на Алтае: *zi:d* «Seite», *ni:* «neu», *mi:n* «mein». Перед t, d встречаются формы с дифтонгом /i:ə/: *zi:əd* «Seite», *fri:ədəx* «Freitag», *ti:ət* «Zeit», *vi:ət* «weit», которые не отмечены у Г. Едига [Jedig, 1966]. Перед t' (<=k) происходит расширение и сокращение старого долгого гласного i: => ε: *ret'* «reich», *stretə* «streichen».

Все нижненемецкие говоры немецких поселений на Алтае относятся к говорам смешанного типа. Общие тенденции развития, основанные на заложенных в говорах внутриязыковых законах, вызывают сближение даже таких резко отличающихся друг от друга диалектных групп как верхне- и нижненемецкие диалекты. Находясь в условиях постоянного взаимовлияния, верхне- и нижненемецкие островные говоры обнаруживают не только отличительные, но и значительное число общих признаков: спирантизация смычных /b/ и /g/ в середине слова, ассимиляция nd > n, переход st-, sp- > scht-, schp-, редукция конечного -ən > ə, отпадение конечного /ə/, делабиализация лабиализованных гласных переднего ряда, лабиализация и сужение средненемецкого a: > o: и др.

Островные нижненемецкие говоры, отличающиеся фонетическим своеобразием от других групп островных говоров России, имеют свои морфологические особенности. Система имени существительного в островных немецких говорах развивается в том же направлении, что и система имени в стандартном немецком языке. В народных говорах, не связанных рамками письменной традиции, способствующей консервации грамматической структуры языка, изменения происходят более интенсивно. Еще в большей степени это касается островных говоров, раз-

вивающихся в отрыве от основного языкового коллектива. Анализ обширного диалектного материала показывает, что падежные окончания не сохранились ни в одной из исследованных групп немецких говоров, представленных на Алтае.

Переход к единообразному типу склонения без падежных окончаний, который происходит во всех исследуемых говорах, вызван не в последнюю очередь их фонетико-фонологическим развитием. В настоящее время именная система островных немецких говоров смешанного типа подвержена сильной редукции. Таким образом, категория падежа имени существительного может выражаться только аналитически.

В нижненемецких говорах склонение существительных мужского и среднего рода в единственном числе представляет собой двучленную парадигму, а склонение существительных женского рода единственного числа – одночленную парадигму:

M	N	F
N. <i>də mon</i>	<i>dət t'int</i>	N.-D.-Akk. <i>də fry:</i>
D.-Akk. <i>dem (den, də) mon</i>	<i>dem (dət, də) t'int</i>	

Таблица 1. Склонение существительных с определенным артиклем в единственном числе в нижненемецких говорах

Редукция падежных форм артикля в датив-аккузатив существительных мужского рода приводит к тому, что происходит совпадение форм существительных мужского и женского рода при противопоставлении их падежным формам среднего рода.

В множественном числе склонение существительных всех трех родов совпадает во всех падежах:

M	N	F
N.-D.-Akk.	<i>də ma:nə də t'in'ə</i>	<i>də fry:s</i>

Таблица 2. Склонение существительных с определенным артиклем во множественном числе в нижненемецких говорах

Свертывание падежной парадигмы, происходящее в рассматриваемых нижненемецких говорах, типично для большинства нижненемецких диалектов [Grimme, 1922, s. 64-65].

В нижненемецких говорах наблюдается полное совпадение форм всех падежей женского рода и множественного числа.

Падежные различия, которые передаются формами артиклей, выражаются в островных говорах непоследовательно и во многих случаях разные падежные формы совпадают. В нижненемецких говорах упрощение категории падежа произошло в наибольшей степени.

Парадигма личных глагольных форм включает в себя традиционно выделяемые структуры категорий лица, числа, времени, наклонения и

залога.

При рассмотрении в говорах категории лица и числа глагола отмечены явления как характерные для всех рассматриваемых говоров, так и отличающие отдельные группы друг от друга.

Число сохранившихся временных форм в разных группах исследуемых говоров различается. Презенс является универсальной временной формой, которая служит не только для выражения настоящего времени, но и является основным средством для выражения будущего времени.

В нижненемецких говорах 1-е лицо единственного числа глаголов редуцировало свое окончание. Уже во время функционирования этих говоров на территории Восточной Пруссии и на Украине исчезает коначное -e [Fischer, 1896, s. 125; Semrau, 1915, s. 238]. Во 2-ом и 3-ем лице единственного числа личные окончания совпадают с соответствующими окончаниями литературного немецкого языка. Отличительной особенностью нижненемецких говоров является оформление личных окончаний множественного числа. В результате унификации личных окончаний во множественном числе 1-е, 2-е и 3-е лицо имеют одинаковые окончания – ə (<= эн):

<i>neiə «nähen» /set'ə «schicken» /jleivə «glauben»</i>	
Sg.	Pl.
1. <i>nei /set' jleiv</i>	1. <i>neiə /set'ə jleivə</i>
2. <i>neist /set'st jleifst</i>	2. <i>neiə /set'ə jleivə</i>
3. <i>neit /set't jleift</i>	3. <i>neiə /set'ə jleivə</i>

Таблица 3. Спряжение слабых глаголов в настоящем времени

К особенностям спряжения относится устранение или сохранение умлаута и преломления в формах сильных глаголов, имевшее место в средневерхненемецком. Во всех группах диалектов на Алтае сильные глаголы с корневым гласным -a- устранили чередование на основе умлаута и выровняли парадигму единственного числа по первому лицу. Глаголы, принимающие во 2-ом и 3-ем лице единственного числа умлаут в литературном немецком языке, не обнаруживают его и в нижненемецких говорах:

<i>vousə «wachsen», fo:rə «fahren», foulə «fallen», houlə «halten»</i>			
1. <i>vous</i>	fo:rə	foulə	houlə
2. <i>voust</i>	fo:rəst	foulst	houlst
3. <i>voust</i>	fo:rət	foult	hoult

Таблица 4. Спряжение сильных глаголов в настоящем времени единственного числа с устранением умлаута

Но своеобразие нижненемецких говоров проявляется и при оформ-

лении форм сильных глаголов в презенсе. Несмотря на усиление тенденций к унификации до настоящего времени формы 2-го и 3-го лица единственного числа заметно расходятся с остальными формами презенса по вокализму (ср.: [Филичева, 1983, с. 169]) и консонантизму. Так, во 2-ом и 3-ем лице наблюдается расширение корневого гласного и оглушение согласного: 1. *gro:v* 2. *jra:fst* 3. *jra:ft* (*gro:fst/gro:ft*).

В нижненемецких говорах сильные глаголы с корневым гласным е (<= син. е 4-го и 5-го рядов абраута) имеют формы 2-го и 3-го лица единственного числа без преломления, при этом, как правило, происходит расширение корневого гласного:

<i>ne:mə «nehmen», /ste:lə «stehlen», e:tə «essen», je:və «geben»</i>				
Sg. 1.	<i>ne:m</i>	<i>/ste:l</i>	<i>e:t</i>	<i>je:v</i>
Sg. 2.	<i>nemst</i>	<i>/sta:lst</i>	<i>a:tst</i>	<i>jefst</i>
Sg. 3.	<i>nemt</i>	<i>/sta:lt</i>	<i>a:t</i>	<i>jeft</i>

Таблица 5. Спряжение сильных глаголов в настоящем времени единственного числа с устранением преломления

Перед l + согласный расширение син. е происходит во всех формах (син. е =>a): *ha:lpə «helfen»* 1. *ha:lp* 2. *ha:lpst* 3. *ha:lpt*.

Система диалектных глагольных форм включает не только синтетические, но и аналитические конструкции. Эти аналитические образования представляют некоторые различия по диалектам и не всегда совпадают с литературным языком. Для выражения действия в настоящем в исследуемых говорах, как и во многих немецких диалектах, но в отличие от литературного немецкого языка, употребляется настоящее перифразическое, которое является аналитической конструкцией, состоящей из вспомогательного глагола *tun* в презенсе и инфинитива полнозначного глагола. Например:

Sg.	Pl.
1. <i>dou opvoʃə</i>	<i>denə opvoʃə</i>
2. <i>deist opvoʃə</i>	<i>denə opvoʃə</i>
3. <i>deid opvoʃə</i>	<i>denə opvoʃə</i>

Таблица 6. Спряжение глаголов в настоящем перифразическом

Конструкцию с *tun* образуют, как правило, только глаголы, обозначающие деятельность.

Перифразы с глаголом «*tun*» + инфинитив, включенные в расширенную парадигму, в значительной степени дублируют флексивные глаголы. В подобных аналитических сочетаниях значимый элемент представляет собой неизменяемую форму глагола, десемантизованный компонент, выполняющий служебную функцию, имеет флексию.

Расширению использования таких аналитических конструкций способствует заимствование лексики из русского языка. Русские глаголы заимствуются в форме инфинитива и в сочетании с глаголом *tun* получают все необходимые глагольные характеристики. Например: *he deid hulaə «er geht spazieren»*.

Но в данном случае форму настоящего перифрастического нельзя рассматривать как полный синоним синтетической формы презенса, так как она не обладает полным набором маркеров последней и по сравнению с синтетической формой слабее функционально нагружена.

В нижненемецких говорах в отличие от верхненемецких сохранился претерит. Но и здесь наблюдается его вытеснение аналитическими формами.

Основной формой для выражения прошедшего времени не только в верхненемецких, но и в нижненемецких говорах служит перфект. Перфект образуется при помощи вспомогательных глаголов *haben* или *sein* и причастия II.

Sg.1. <i>ha: jəholpə zi: jəfo:rə</i>	Pl.1. <i>ha: jəholpə zen' jəfo:rə</i>
Sg.2. <i>hast jəholpə best jəfo:rə</i>	Pl.2. <i>ha: jəholpə zen' jəfo:rə</i>
Sg.3. <i>haft jəholpə es jəfo:rə</i>	Pl.3. <i>ha: jəholpə zen' jəfo:rə</i>

Таблица 7. Спряжение глаголов в перфект

В нижненемецких говорах, как и в средненемецких, могут быть образованы все формы плюсквамперфекта индикатива, так как в этих говорах сохранились формы претерита вспомогательных глаголов *haben* и *sein*.

Важной особенностью немецких диалектов является то, что специальная форма будущего времени не получила в них достаточного развития [Жирмунский, 1956, с. 532; Канакин, 1983, с. 13]. Футурум, как характеристика временной ступени будущего, начал входить в употребление лишь в новонемецкий период. Сочетания с глаголами *werden*, *sollen* и *wollen*, выражающие значение будущего времени, являются аналитическими образованиями, сохраняющими модальный характер [Frey, 1975, с. 145; Bock, 1933, с. 92]. Но если сочетания *sollen*, *wollen* и инфинитив остались свободными морфологическими образованиями, то конструкцию с *werden* можно считать грамматизированной формой, хотя она так и не нашла широкого распространения в немецких диалектах.

Из форм конъюнктивива во всех рассматриваемых говорах распространены только претеритальные формы [Жирмунский, 1956, с. 469-470; Филичева, 1983, с. 165; Frey, 1975, с. 142-146]. В качестве форм конъюнктивива выступают претерит и плюсквамперфект. Широкое распространение получили аналитические сочетания инфинитива со служебным глаголом *tun* в претерите конъюнктивива, которые, как и синтетическая форма прете-

рита конъюнктива, служат для обозначения ирреального действия в настоящем и будущем в отличие от плюсквамперфекта, который обозначает ирреальное действие в прошлом. В нижненемецких говорах исследуемого ареала обе формы конъюнктива – претерит и плюсквамперфект – полностью совпали с соответствующими формами индикатива. Это явление характерно и для других нижненемецких диалектов. Развитие омонимичных форм послужило поводом для некоторых авторов утверждать, что конъюнктив уже не является особым типом наклонения, вытесненный индикативом [Fischer, 1896, s. 124; Semrau, 1915, s. 238; Quiring, 1928, s. 94; Jedig, 1966, s. 106]. Но функциональное и парадигматическое различие омонимичных форм служит подтверждением наличия конъюнктива и в нижненемецких диалектах. Так же как и в верхненемецких диалектах, происходит вытеснение синтетической формы конъюнктива аналитической конструкцией *doune* «*tun*» в претерите и инфинитивом основного глагола: *dot deid bete om a:m sto:nə* «*Es täte besser um ihn stehen*».

В островных говорах, развивающихся в условиях междиалектных и межъязыковых контактов, в большой степени проявляется действие аналогии, стремление к унификации. При этом интенсивность преобразований в этом направлении затрагивает прежде всего морфологический уровень языка.

Литература

- Авдеев И.Е. Фонетический строй нижненемецкого диалекта Алтайского края. Новосибирск, 1965.
- Беренд Н.Г. Семантический потенциал глагольных форм категорий наклонения и залога в южнонемецком языковом ареале // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1980.
- Гринева Н.М. Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М. –Л., 1956.
- Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Канакин И.А. Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск, 1983.
- Кузьмина А.И. Немецкие диалекты Славгородского и Знаменского районов Алтайского края. Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1961. Т. 19. Вып. 1.
- Смирницкая С.В., Баротов М.А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб., 1997.
- Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. М., 1983.
- Bock K.N. Niederdeutsch auf dänischem Substrat. Studien zu Dialektgeographie Südost-schleswigs. Kopenhagen – Marburg, 1933.
- Fischer E. Grammatik und Wortschatz der plattdeutschen Mundart im preußischen Samlande. Halle (Saale), 1896.
- Foss G. Die niederdeutsche Siedlungsmundart im Lipnoer Lande. Posnan, 1971.

-
- Frey E. Stuttgarter Schwäbisch. Laut- und Formenlehre eines Stuttgarter Idiolekt. Marburg, 1975.
- Gebhardt A. Grammatik der Nürnberger Mundart. Leipzig, 1968.
- Grimme H. Plattdeutsche Mundarten. Berlin, Leipzig, 1922.
- Jedig H. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundarten des Altai-Gebietes. Berlin, 1966.
- Semrau M. Die Mundart der Koschneiderei. Halle (Saale), 1915.
- Quiring J. Die Mundart von Chortitza in Südrussland. München, 1928.
- Ziesemer W. Die ostpreußischen Mundarten. Breslau, 1924.

ВНЕШНИЙ ЛОКУС КОНТРОЛЯ КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЕ СВОЙСТВО «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

A.B. Жучкова

Ключевые слова: «маленький человек», повести Белкина, «Шинель», ответственность, внешний локус контроля, власть, раб.

Keywords: common person, *Belkin's stories*, *the Overcoat*, responsible, external locus of control, authority, slave.

В данной статье мы рассматриваем «маленького человека» с точки зрения его личностных, нравственных характеристик, что не во всем совпадает с бытующим в литературоведении определением этого типа. Но в современной науке нет единого мнения по поводу термина «тип» и даже термина «реализм», так как кафедра зарубежной литературы МГУ во главе с ее руководителем В.М. Толмачевым, например, отрицает существование реализма как литературного направления. Поэтому наш подход, отличающийся от традиционного, не претендует на статус единственно верного, а лишь позволяет рассмотреть этих персонажей с нового ракурса.

В процессе поиска героя нового времени XIX век открывает тип «маленького человека». Начиная с произведений А.С. Пушкина, этот образ становится ключевой фигурой литературы, однако его сложно назвать героем в полном смысле этого слова. В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова «маленький человек» в большей степени является антигероем, его безмятежная безответственность противоречит представлению о герое в первоначальном смысле этого слова.

В частности, представители «натуральной школы» провозглашают отмену героя как такового и берут курс на изображение физиологии современного общества, рассматривая персонажа только как функцию действительности. По наблюдению М.В. Строганова, в русской литературе с 1840-х годов господствует принцип понимания героя как социальной функции, обусловленной исключительно обществом [Николаев, Швецова, 2014, с. 130].

Мы же остановимся на личностных особенностях «маленького человека», ведущего литературного типажа XIX века, и попытаемся найти ответ на вопрос, где кроются причины его неблагополучия.

Первый «маленький человек» русской литературы – это Иван Петрович Белкин, чье имя объединяет повести А.С. Пушкина «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» (звучание фамилии чеховского футлярного человека Беликова также отсылает к нему). Белкин представляет собой тип «добряка»-обывателя, не удрученного сложностями мироздания и ведущего рассеянную жизнь помещика, мало заботящегося о своем деле (*«в ту самую минуту, как я своими разысканиями и строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привел... услышал я Ивана Петровича крепко храпящего на своем стуле»* [Пушкин, 2012, с. 5]). Белкин не отмечен ни страстью, ни, соответственно, грехами (*«Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось мне видеть его навеселе...»* [Пушкин, 2012, с. 6]).

Однако отсутствие мучительных раздумий о собственном несовершенстве, как и отсутствие особых талантов и добродетелей, Белкина не смущает, он выбирает в качестве жизненного ориентира соглашательство с существующим порядком вещей. *«В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общегудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?»* [Пушкин, 2012, с. 46].

С подобного соглашательства и начинается тип «маленького человека» в русской литературе. В заглавии произведения Ивану Петровичу присвоен эпитет *покойный*: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». По меньшей мере странно уточнять факт смерти автора, если каждому предуготован данный конец. Значит, эпитет *покойный* имеет особую функцию в поэтике произведения. Он проливает свет на сущность повествователя: Белкин, остающийся безмятежно спокойным в любых обстоятельствах, не возмущающийся несправедливостью, не негодующий на жестокость, никого не любящий и ничем не восхища-

ющийся – это первая «мертвая» душа русской литературы. Собственно, Белкин в качестве рассказчика, по всей видимости, и нужен Пушкину, чтобы служить своеобразной психологической «матрицей» образов остальных героев. Заметим, что социальный статус Ивана Петровича Белкина не влияет на формирование его личности: у Пушкина нравственная причина появления такого типа важнее социальной.

Какие же нравственные характеристики присущи действующим лицам историй, «рассказываемых» Белкиным? Если отвлечься от легкого, игривого стиля пушкинской прозы, то перед нами предстанет череда людей откровенно непорядочных, безнравственных. Завистливый и злобный Сильвио, ради низкой мести загубивший собственную жизнь и чуть не оборвавший чужую, страстно желает заставить противника испытывать смятение и страх. Его целью является не убийство, а нравственное падение графа. Только таким образом мелкие души могут почувствовать собственное «величие» – за счет унижения ближнего. В повести «Метель» действующие лица безответственны до абсурдности: она тайно венчается в угоду романтической моде; он занимает место жениха «проказы» ради. Гробовщик, герой одноименной повести, наживаясь на горе родственников умерших, обворовывает и обсчитывает их, боясь, что не грешит против совести. Из-за самолюбивой обиды на неосторожное слово, что свойственно мелочным натурам, он богохульствует, приглашая в дом «клиентов»-покойников. Нашествие умерших, открывающих герою глаза на его обманы и подлости, не заставляет его задуматься. Осознав, что страшное событие только привиделось, он с облегчением приказывает подать чай.

История «станционного смотрителя» более явно, чем остальные повести, раскрывает облик «маленького человека». Раболепствуя перед вышестоящим, Самсон Вырин, (имя *Самсон* выявляет противопоставленность рабской натуры героя свободолюбию ветхозаветного тезки), униженно просит гусара вернуть ему дочь. После неудачной попытки он отрекается от дочери в сердце своем, предоставив молодую девушку ее несчастной, как он уверен, судьбе.

«Барышня-крестьянка» – наиболее светлая и игривая из всех повестей Белкина. Однако за внешним юмором ситуации кроется бесчеловечность тех, кто живет не по совести, а следуя средневековым представлениям о «кровной мести» и браке по расчету. Сложись ситуация чуть иначе – и разыгралась бы драма, описанная в повести «Дубровский».

Таким образом, хотя не все герои «Повестей» соответствуют установившемуся в литературоведении типу «маленького человека», с нравственной точки зрения они, безусловно, «малы». Собственно,

Пушкин и не стремился создать «тип», однако много думал о «добрых чувствах» и способах их пробуждения в человеческих сердцах.

Счастливый финал – общая тенденция повестей Белкина, словно легкий тон и радостная связка призваны еще раз продемонстрировать легкомыслие и безволие героев, оставляющих решение жизненных вопросов на волю обстоятельств или непредвиденной случайности (как в finale «Выстрела»). Они относятся к собственной жизни как к истории, сказке, рассказываемой посторонним. Благополучное разрешение коллизии противостоит экзистенциальной пустоте, безнравственности и бездуховности, которые оно прикрывает. Легкий флер игривости и иронии Пушкин набрасывает на мертвенностъ душ «маленьких людей». Обратим внимание, что социальное положение не является в повестях Белкина сущностной характеристикой «маленьких людей»: ни в «Выстреле», ни в «Метели», ни в «Барышне-крестьянке» персонажи не «униженны» и не «оскорблены», они материально обеспечены и занимают достойное положение в обществе. Да и станционный смотритель не голодает, и гробовщик не бедствует. Очевидно, что первая разработка темы «маленького человека» в русской литературе не связана с мотивом нищеты и бесправности. Доминантой пушкинского образа обывателя является мелочность и мертвенностъ души, нравственная глухота, стремление уйти от ответственности за свою жизнь и за жизнь ближних.

В написанной немного позже поэме «Медный всадник» к образу мелкого душой обывателя Пушкин добавляет еще одну характерную черту – стремление найти виноватого, сделать ответственным за свои неудачи другое лицо. Типичное поведение «маленького человека» – сетование на судьбу, на бога, который мог бы улучшить его жизнь. Не своим умом и волей стремится он изменить жизнь к лучшему, а ищет обидчиков (как гробовщик) и хозяев, на кого можно было бы возложить ответственность.

Едва появиввшись на страницах поэмы, Евгений уже сетует на судьбу:

*О чём же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливцы,
Ума недальнего, ленивцы,
Которым жизнь куда легка!*

В.Я. Брюсов писал: «Пушкин стремился всеми средствами сделать одного из них – Петра – сколько возможно более “великим”, а другого – Евгения – сколько возможно более “малым”, “ничтожным”. “Великий Петр”, по замыслу поэта, должен был стать олицетворением мощи самодержавия в ее крайнем проявлении; “бедный Евгений” – воплощением крайнего бессилия обособленной, незначительной личности... Образ Петра преувеличен здесь до последних пределов. Это уже не только победитель стихий, это воистину “властелин Судьбы”» [Брюсов, 1975].

«Медный всадник» добавляет к характеристике «маленького» героя мотив рабского подчинения власти – и негодования на нее. Однако первично подчинение. Едва осмелившись высказать обвинение Всаднику, Евгений тут же «стремглав бежать пустился»,

*И с той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.*

Чем же он был настолько смущен, что испытывал смятенье? Тем, что выказал недовольство бездушному камню? Тем, что вообще лишился высказать обиду? Человек рожден свободным. Нельзя сказать, что эта идея принадлежит XX веку. Начиная с античности, мы встречаем ее затем в культуре Возрождения, Просвещения, Романтизма. Вслед за Вийоном, Вольтером, Руссо, Байроном и др. Пушкин ищет идеал свободного человека. В начале пути Пушкин полагает, что свобода – понятие социально-политическое (ода «Вольность»). Но в зрелые годы он понимает, что Закон сам по себе не сможет изменить жизнь людей, которые выбирают для себя роль «маленького» человека, обывателя. Обвинение рабу, готовность которого отречься от собственной воли приносит в мир яд злобы и несправедливости, А.С. Пушкин высказывает в стихотворении «Анчар».

В мировой литературе XX века наиболее ярко и полно данная тема была разработана Ф. Кафкой. Кого обвиняет К. Йозеф, герой романа «Процесс» в том, что «словно собака» готов умереть рабом? Бога. «*И внезапно К. понял, что должен был бы схватить нож, который передавали из рук в руки над его головой, и вонзить его в себя. Но он этого*

не сделал, только повернул еще не тронутую шею и посмотрел вокруг. Он не смог выполнить свой долг до конца и снять с властей всю работу, но отвечает за эту последнюю ошибку тот, кто отказал ему в последней капле нужной для этого силы... Где судья, которого он ни разу не видел? Где высокий суд, куда он так и не попал?» [Кафка, 1991, с. 427].

Кого обвиняет Евгений? – Петра, которого считает властелином своей судьбы.

Для каждого открыты Врата Закона, о которых писал Кафка. Однако никто не облегчит путь к постижению истины и свершению, никто не ответит на вопрос, который каждый должен решить для себя: «Врата Закона, как всегда, открыты, а привратник стоит в стороне, и проситель, наклонившись, старается заглянуть в недра Закона. Увидев это, привратник смеется и говорит: «*Если тебе так не терпится – попытайся войти, не слушай моего запрета. Но знай: могущество мое велико. А ведь я только самый ничтожный из стражей!*» [Кафка, 2000]. Поселянин, не ожидавший таких преград, остается ждать, когда будет можно. Он предпринимает попытки уговорить или подкупить стража, но тщетно. И вот приходит последний час жизни человека. Перед смертью он решается задать вопрос: «Ведь все люди стремятся к Закону, как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?» И привратник, видя, что поселянин отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот успел услыхать ответ: «*Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их!*» [Кафка, 2000].

Каждому человеку предназначен путь, «озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо его, в глухой темноте, текли люди» [Гоголь, 1971, с. 214], – с горечью констатирует Гоголь. Чтобы идти по освещенной светом дороге истины нужно не жалеть себя и быть готовым к принятию решений и к ответственности за их последствия. Именно этого избегают «маленькие люди».

Гоголевский Хлестаков, по сути, также является представителем «маленьких людей». Душевная пустота и мертвенност, которую на всех уровнях композиционной организации текста подчеркивает автор в «Ревизоре» (и в описании города, от которого три дня скачи – никуда не доскачешь, и в отражении хлестаковщины во всех персонажах комедии, и в финальной немой сцене), а также позиция «слабого» и привычка во всем обвинять других или судьбу, а к себе, напротив, относиться с презрением («чиновник для письма, эдакая крыса» [Гоголь, 1951]) – это и есть отличительные черты «маленького» человека. Если нет развития внутреннего, то оно подменяется видимостью внешнего

движения, простейшей симуляцией которого является карьера. Презирая свое нынешнее положение, Хлестаков метит в зятья городничего, который, также презирая свою текущую роль, желает стать генералом (*«Случится, поедешь куда-нибудь – фельдъегеря и адъютанты поскакут везде вперед: лошадей! и там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титуллярные, капитаны, городниче, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе»* [Гоголь, 1951]). Эта дурная бесконечность предстает наваждением темных сил, разгул которых застит глаза, сбивая с пути. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь описывает это мракобесие в фольклорных образах, в Петербургских повестях – в образах фантасмагоричных. (Однако наиболее страшен шабаш внешне пестрых, но внутренне мертвых образов в реалистичном повествовании «Ревизора» и «Мертвых душ». Как в «Повестях Белкина» за анекдотом скрывается бездна, так и в этих произведениях за социальной тематикой просматривается проблема экзистенциальная: проблема неосознанного существования человека. Основой жизни, по мнению писателя, является движение (мотив дороги, образ птицы-тройки и т.д.). То, что А. Бергсон позже назовет потоком, неостановимым процессом творчества. Именно этого лишены «маленькие люди», дороге жизни они предпочитают *покой* (как и *покойный* Иван Петрович Белкин), однако в неудачной судьбе своей они обвиняют других, себя рассматривая как *жертву*.

Единственное, что любит Акакий Акакиевич, – это переписывать буквы, а высшей страстью его жизни становится шинель. По словам Ап. Григорьева, образ Башмачкина – «последняя грань обмеления божьего создания» [Русская эстетика и критика, 1982, с. 113]. Его превращение в привидение с точки зрения христианского мировоззрения – страшный приговор несостоявшейся жизни духа. Не очень понятно, как можно было увидеть в Башмачкине жертву социальной несправедливости. Если кто и мучает его, так это люди, занимающие то же положение в общественной иерархии – сослуживцы. И если оставался он всю жизнь титуллярным советником, так это не потому, что чинились какие-то преграды на его жизненном пути, а потому, что ничего другого ему и не нужно было. Игорь Золотуский старается найти гуманистический пафос в том убогом существовании, в которое превратил свою жизнь Башмачкин: «Акакий Акакиевич денно и нощно трудится. Он даже берет бумаги на дом. Чтобы переписывать, и делает это не из услуги начальству, а из удовольствия. Он засыпает в своей каморке с улыбкой на устах – то улыбка от предвкушения переписывания... Его довольство можно принять за довольство раба: так доволен раб, кото-

рый ничего другого не видел на свете. Но раб никогда не находит наслаждения в своем труде. Раб трудится из-под палки – Акакий Акакиевич делает это с охотою» [Золотусский, 1979, с. 294]. Полностью соглашаясь во всем предыдущем, позволим себе не согласиться с последним утверждением: к сожалению, природа рабства заключается как раз в том, что раб получает удовольствие от своего рабского состояния. Он стремится к нему сам, желая такой ценой оградить себя от мук свободного выбора и ответственности за него. Психологическая зависимость жертвы от тирана – одно из наиболее сильных извращенных наслаждений. «Сама шинель в повести не предмет гардероба, а нечто живое, жена, подруга Акакия Акакиевича, существо, греющее не только в прямом, но и переносном смысле. Она не обижает его, и потому он готов отдать ей все свои чувства, всю свою любовь» [Золотуский, 1979, с. 295]. Человек, созданный по образу и подобию божию, наделенный не только силами невиданными, но и чувствами безграничными, во-первых, всю жизнь остается духовным «эмбрионом», воспринимающим окружающих как тех, кто его «обижает» и «умоляющим голосом ребенка» просит о снисхождении (даже портного); и во-вторых, он никому ничего не дает за всю свою жизнь, никого не жалеет, никому не приносит хоть толики тепла и добра, зато как жену готов «полюбить» шинель. Акакий Акакиевич в своем фетишизме мало чем отличается от Жана-Батиста Гренуя, героя «Парфюмера» П. Зюскинда: единственный светлый миг его жизни, когда душа Башмачкина развернулась «широко и светло», – это момент обладания шинелью. Страшен гоголевский персонаж, который возвращается из гостей к себе по темному Петербургу, словно путешествуя по заколкам собственной души к самой ее сердцевине, в которой – пустота: *«Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глупее и уединеннее... пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души... Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею»* [Гоголь, 1994].

Уже в сумрачном состоянии призрака он готов творить зло и, возможно, служить причиной гибели людей «не разбиная чина и звания» ради *idée fixe* – мести за шинель.

Также есть в повести и социальный аспект, развивающий мотив противостояния «маленького человека» и власти. Значительное лицо, олицетворяющее идею бюрократизма, не принимает участия в бедствии маленького чиновника и грубо отчитывает его. Акакию Акакиевичу ничего не остается, как пойти домой и умереть. Единственное,

чем отличается его душевное состояние от переживаний умирающего «как собака» К. Йозефа, так это отсутствием переживания, что он посмел омрачить своим появлением настроение значительного лица. И то в бреду предсмертной горячки кроме сожалений о потерянной шинели периодически «чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «*Виноват, ваше превосходительство!*» [Гоголь, 1994]. Пародийное и горькое продолжение этой темы находим у Чехова в «Смерти чиновника».

Высокий гуманизм русской литературы проявляется в том, что к падшим она выказывает не презрение, а милость: «И милость к падшим призывал» (А.С. Пушкин «Памятник»). Так и в повести Гоголя молодой чиновник вдруг осознает, насколько низко издеваться над Акакием Акакиевичем, над калекой,увечьем которого является недостаток души. «И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья...» [Гоголь, 1994]. Но вопрос в том, о бесчестье какого человека говорится в последнем предложении? Мы предполагаем, что того, чей образ представлялся бедному молодому человеку. Бесчестье в том, чтобы стать «последней гранью обмеления божьего создания» [Русская эстетика и критика, 1982, с. 113]. Хотя, действительно, Акакий Акакиевич – брат наш, в каждом из нас живет желание трусливо спрятаться, избежать переживаний, закрыться в себе и любить что-то заведомо безопасное.

Гуманизм же русской литературы мы видим не в жалости к убогим, от которой никому не становится лучше (такой тип жалости воплотил Горький в образе странника Луки), а в призыве Чехова «молоточком стучать» в сердца тех, кто считает себя счастливыми, напоминая, сколько в мире еще «бесчеловечья».

Атмосфера ранней повести Ф.М. Достоевского «Бедные люди» из-за отсутствия ярко выраженного мотива обвинения власти и по общей психологической тональности напоминает стиль повестей Белкина. Сам Девушкин, читая «Станционного смотрителя», находит много общего с Самсоном Выриным, однако «Шинель» приводит героя в негодование. Стыдно насмехаться над убогими, считает он, оскорбляясь, как это свойственно «маленьким людям». Такое же прекрасно-душное на первый взгляд существо, как и пушкинские герои, Девушкин оказывается ни по-человечески, ни по-мужски несостоятелен. Сочувственными вздохами, пассивной своей любовью Девушкин неосо-

занно лишает Варю сил к сопротивлению. Никак не истинной заботой, а трусливым самоуспокоением предстают хлопоты Макара к отъезду Вари, когда она решает выйти замуж за Быкова, обесчестившего ее.

«Маленькие люди» так называемого «пятикнижия» Достоевского уже иные. Они озлобленнее и умнее, оправдание своему бесчеловечью им удалось найти вовне – в нищете, в бесправии и в сетовании на судьбу. Некоторые поднимаются до признания себя мучениками, чуть ли не добровольно «страдающими» ради нравственного подвига. Недаром Мармеладов получает такую приторную фамилию – его довольство собой, глубоко спрятанное от посторонних глаз, это довольство раба, та самая улыбка Акакия Акакиевича, с которой раб по склонности, а не по принуждению, принимает свое положение и... наслаждается им: *«Такова уж черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи, скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте с измалечества привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною, и я это чувствую. Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! – И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову»* [Достоевский, 1989]. Особенно показательна авторская ремарка – *«как бы в отчаянии»*. Современной психологии известен такой распространенный способ ухода от ответственности, как позиция жертвы. Считая себя жертвой, человек в глубине души наслаждается страданиями, которые дают ему иллюзию полноты и даже возвышенности бытия.

На рубеже XIX-XX веков, в неспокойные времена революционной переделки мира и модернистской трансформации сознания, мотив власти оказывается уже не столь тесно интегрирован с темой «маленького человека», и на первый план выходит психологическая и философская трактовка этого образа. В творчестве А.П. Чехова мы находим развернутую и психологически заостренную рецепцию беззаботности пушкинских героев. Все возможные виды и варианты избегания ответственности и «покоя» представляет нам Чехов: «Крыжовник» – иллюстрация того, как «иметь» подменяет «быть»; «Человек в футляре» – демонстрация опоры «маленьких людей» на циркуляр («общеудобные

правила») вместо совести; «Попрыгунья» продолжает тему пушкинской «Метели», где стремление за модой подменяет чувство; в рассказах «О любви» и «Княгиня» с разной степенью откровенности показаны люди, избравшие общественные нормы лекалами собственной судьбы («Ср. «Барышня-крестьянка»»); «Смерть чиновника» – яркая метафора переноса ответственности за свои поступки и за свою жизнь на другое лицо и т.д.

В романе А. Куприна «Гранатовый браслет» тема «маленького человека» не раскрывается во всей своей психологической и экзистенциальной глубине, а помогает автору отразить основополагающую в символизме идею духовного поиска, стремления человеческой души ввысь. (По типу «и крестьянки любить умеют».) Однако финал романной коллизии – самоубийство Желткова ради спокойствия Веры – снова заставляет нас вспомнить о характерной черте этого литературного типа: о стремлении переложить ответственность за свою жизнь на другого, что в современной психологии получило название «внешний локус контроля».

Мы утверждаем, что социальный аспект в разработке темы «маленького человека» не является имманентным этому образу, это лишь один из вариантов репрезентации стремления «маленького человека» избежать личной ответственности, возложив ее на кого-то или что-то внешнее, в данном случае, на социум. Упрек власти, убеждение, что во всех несчастьях повинен социальный статус – один из вариантов экстернального локуса контроля. В психологии внешний локус контроля – это качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам. Анализ произведений русской литературы XIX века показывает, что причины несчастливой жизни «маленький человек» может находить в семейных, социальных, политических, фатальных явлениях, но неизменным остается сам факт переноса ответственности, то есть внешний локус контроля.

Литература

- Золотусский И.П. Гоголь. М., 1979.
Николаев Н.И., Швецова Т.В. Русская литература 30-40-х гг. XIX в. «Ожидание героя» // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2014. № 3 (29).
Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982.

Источники

- Брюсов В.Я. Медный всадник // Брюсов В.Я. Собр. соч. в 7-ми тт. М., 1975. Т. 7.
Гоголь Н.В. Шинель // Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1994. Т. 3.
Гоголь Н.В. Мертвые души. Л., 1971.

- Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Полное собр. соч. в 14-ти тт. М., 1951. Т. 4.
- Достоевский Ф.М. Бедные люди. М., 2008.
- Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1989. Т. 5.
- Кафка Ф. Процесс // Америка. Процесс. Из дневников. М., 1991.
- Кафка Ф. Процесс. СПб., 2000.
- Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Сочинения в 3-х тт. М., 1986. Т. 2.
- Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина; Дубровский; Пиковая дама. М., 2012.

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ):
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

H.A. Хуббитдинова

Ключевые слова: фольклорно-литературные взаимосвязи, фольклорные традиции, интертекстуальность, фольклористика, литературоведение, перспективы.

Keywords: folklore and literature relationship, folk tradition, intertextuality, folklore, literature, prospects.

Известно, что литература, выросшая и питавшая свои корни «живительным субстратом» фольклора, во все века своего существования вновь и вновь обращается к нему, одухотворяется его бессмертным духом и немеркнущим колоритом [Нурланова, 1987, с. 95]. Литература художественно перенимает отдельные мотивы, стилевые особенности, поэтическое своеобразие фольклорного произведения, систему образов или целые сюжеты (сказки, эпоса, легенд или преданий). Это подготовило плодородную почву для развития и укрепления фольклорно-литературных взаимосвязей – «явлению постоянному на протяжении формирования и развития художественной культуры» [Иткулова, 2002, с. 109].

Проблема «литература и фольклор» включает в себя два аспекта: 1) использование фольклора литературой и 2) влияние литературы на фольклор. Нас прежде всего интересует первый вопрос.

Историческая взаимосвязь фольклора и литературы выражает одну из существенных закономерностей развития мировой культуры

ры. Из восточной литературы известны имена выдающихся поэтов, которые на основе легенд и преданий написали свои бессмертные произведения (Фирдоуси «Шахнаме», Навои «Фархад и Ширин», Низами «Лейла и Меджнун» и т.д.). Известные русские писатели А.Н. Радищев, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, В.И. Даль, М.Ю. Лермонтов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Н. Мамин-Сибиряк и многие другие при создании своих произведений также обращались к фольклору. Так, В.И. Даль перевел на русский язык башкирский эпос «Заятуляк и Хыу-хылу» и издал его под названием «Башкирская русалка» (1843). Писатель не только перевел, но и художественно интерпретировал эпос, обогатив известный сюжет новыми поэтическими вставками, дополнениями и, самое интересное, во введении своего произведения дал обширный этнографический материал из жизни и быта башкир, привел их легенды и предания и т.д. Этим он отличается от своих современников, пишущих на башкирскую тематику.

Яркое художественное освоение фольклорных традиций, наличие фольклорных цитаций, имплицитно выраженных идей, другими словами, интертекстовых связей можно проследить в некоторых образцах общетюркских памятников, произведений урало-волжской тюркской литературы, частью которой является и башкирская литература. Это произведения тюркской литературы булгарского (Кул Гали «Кисса-и Йусуф») и кыпчакского («Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Джумджума-султан» Хусама Кятиба, «Гулистан бит-турки», «Сухаиль и Гульдурсун» Сайфа Сараи, а также произведений анонимных авторов) периодов, национальной башкирско-татарской литературы российской эпохи (шежере, таварих «Чингиз-наме», хикаяты, творчество сэсэннов-певцов-импровизаторов, поэзия С.Юлаева, «Тарих-наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгула, поэзия Манди-Кутуша Кыпсаки, Хибатуллы Салихова, Шамсетдина Заки, Акмуллы, Мухаметсалима Уметбаева, Ризы Фахретдина и т.д.). В этих произведениях нашли художественно-эстетическое применение фольклорные мотивы, образы, обряды, которые в разных произведениях, созданных в разное время, видоизменяются, обогащаются в зависимости от социально-политических перемен, свойственных той или иной эпохе. Так, в поэме Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» (1212), сюжет которой восходит к библейской, коранической теме о Йусуфе (Иосифе) Прекрасном, традиционный мотив «Вещего сна» («Вещий сон, Женитьба на полюбившейся во сне девушке») имеет важное сюжетообразующее значение. Он в произведении повторяется

несколько раз, позволяя сюжету развиваться, расширяя его пространственно-временные грани: герои влюбляются друг в друга во сне, сон же предрекал им встречу и счастливую жизнь, но их встреча не была скорой, для этого должны были пройти многие годы. Данный мотив и события, происходящие затем, вызывают интертекстовую связь с другим произведением «Бузъегет», написанным башкирским автором Багави в XIX веке. В дастане (поэтическое литературное произведение) у Багави герои видят друг друга во сне три года подряд и лишь на четвертый начинают общаться, вступая в поэтические диалоги. Наконец, юноша пускается в путь на поиски девушки. У Кул-Гали Йусуф, два раза подряд приснившись, на третий раз заговаривает с Зулейхой, которая, изнемогая от безудержной любви, спешит отправиться в путь на встречу с ним. Однако, как оказалось, она поторопилась, и события начинают развиваться в жанре детективного и запутанного любовно-романтического романа. Багави не нашел необходимым растягивать на столь длительный срок момент встречи влюбленных, максимально приблизив его к традициям народного эпоса.

Если у средневекового поэта Кул-Гали события происходят по воле Всевышнего, а в центре действия находится небом предопределенный святой Йусуф, рожденный от пророка Якупа, то у Багави все происходит в более жизненных реалиях, события развиваются вокруг двух влюбленных сердец, каких в жизни было немало, и их счастье не всегда совпадало с желаниями и намерениями окружающих. Это произведение, действительно, стало популярным в народе, когда происходили перемены в общественно-экономической обстановке страны и края в частности. Как верно отметил Г.С. Кунафин, «в тот тяжелый в истории башкирского общества переходный период от феодализма к капиталистическим отношениям читатели принимали близко к сердцу идеи гуманизма и справедливости, отраженные через образы гордых и свободолюбивых людей, людей пылкого сердца, могучей воли, готовых идти даже на смерть за духовную свободу, за чистую любовь, за верность взглядам и чувствам» [Кунафин, 2004, с. 211]. В произведении Багави «Бузъегет» прослеживается использование традиций средневековой поэмы Кул Гали «Кисса-и Йусуф», а также фольклора башкирского народа. Благодаря этому произведение завоевало популярность и даже стало бытовать в устной форме.

Проблема взаимосвязи фольклора и литературы в целом издавна исследуется в фольклористике и литературоведении. Наиболее значительными являются труды М.К. Азадовского, В.Г. Базанова,

В.В. Блажеса, А.М. Веселовского, У.Б. Далгат, Л.И. Емельянова, В.М. Жирмунского, А.И. Лазарева, Д.Н. Медриша, Е.М. Мелетинского, В.В. Митрофанова, О.А. Нурмагамбетовой, Э.В. Померанцевой, А.А. Потебни, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, Б.Л. Рифтина, Е.В. Чистова и др. Данная проблема также освещалась в монографиях, отдельных параграфах в трудах и статьях Ф.В. Ахметовой, К.А. Ахмедьянова, М.Х. Бакирова, С.А. Галина, М.Х. Идельбаева, Р.Ф. Исламова, Т.А. Кильмухаметова, А.Н. Киреева (Кирея Мэргэна), Г.С. Кунафина, К.М. Миннуллина, М.Г. Рахимкулова, А.Х. Садековой, С.Г. Сафуанова, А.М. Сулейманова, А.И. Харисова, Н.Ш. Хисамова, Г.Б. Хусаинова, Ф.З. Яхина и т.д.

Проблема становится особенно актуальной, когда жанры, мотивы, образы, а также обряды и обычаи башкирского народного творчества находят художественное освоение в творчестве русских писателей XIX века, что в свою очередь приводит к зарождению и укреплению башкирско-русских фольклорно-литературных связей.

Проблеме места башкирского фольклора в творчестве русских писателей в отдельных записях и публикациях посвящены труды видных фольклористов и литературоведов А.И. Харисова, А.Н. Киреева, А.Н. Усманова, М.Х. Мингажетдинова, В.Г. Прокшина, Л.Г. Барага, Б.Г. Ахметшина и т.д. Однако в них проблема рассматривается с точки зрения констатации самого факта присутствия фольклора в литературе вообще, но мало говорится о художественной значимости фольклорных традиций в произведении, а также интертекстуальных связях фольклора и литературы, когда тексты могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Первой крупной монографической работой, посвященной проблеме башкирско-русских фольклорно-литературных связей, является книга М.Г. Рахимкулова «Страницы дружбы» (Уфа, 1972), в которой автор показал различные формы взаимодействия фольклора и литературы, в частности, «изображение жизни одного народа писателями другого и творческое использование писателем иноязычного фольклора» [Рахимкулов, 1972, с. 9]. Здесь особую актуальность представляет связь башкирского фольклора с дооктябрьской русской литературой, идеально-эстетические функции национального фольклора в художественном и национальном переосмыслинии.

В отечественной науке предпринималась попытка исследования вопросов художественной взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и

литературы в свете изучения интертекстуальной теории. Проблеме интертекстуального дискурса было посвящено немало работ, однако в отношении цитат, цитации исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Нет теоретического исследования, в котором, как говорит Е.А. Козицкая, была бы «предпринята попытка суммировать накопленный опыт и предложить концепцию цитат с учетом многообразия имеющихся литературных фактов» (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, В.М. Жирмунский, Р. Барт, Д.Н. Медриш, О.Ю. Трыкова и т.д.) [Козицкая, URL]. Понятие интертекстуальности было впервые предложено в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой. Она приходит к мысли о том, что «...открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы» заключается в том, что «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [Кристева, 1995, с. 99; Кристева, 2004, с. 166]. При этом тексты не только «пересказывают» друг друга, а вступают друг с другом в диалог, где смысл не только повторяется, а заново рождается именно в этом сопоставлении одного текста с другим [Десницкий, 2008, с. 14].

В этом отношении нами была предпринята попытка совместить традиционные методы исследования проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей с методом интертекстуальности. Так, в тюркско-башкирской литературе средневековья художественно использовались афористические выражения, меткие изречения и мудрые слова. Они являются не только авторскими, но также вызывают аллюзию и на народные пословицы и поговорки или реминисценцию на уже известный факт или событие. К примеру, в произведении древнетюркского автора Баласагуни «Благодатное знание» («Кутатгу-билиг»), в дастане С. Сараи «Гулистан-бит тюрки» (XIV век) упоминаемые афористические выражения и мудрые изречения имплицитно либо эксплицитно репрезентируют башкирские народные пословицы и поговорки.

Связь фольклора и литературы не прерывалась и в более позднее время, в начале XX века. В этот период она, как и литература других народов России, переживала новый виток в своем развитии, сопряженный с тяжелой социально-политической обстановкой в kraе и в стране в целом, а также зарождением и усилением в последующие годы национального самосознания народа. Национальная литература

как никогда сблизилась с жизнью народа, которая ярче всего отразилась в его устно-поэтическом творчестве. «С одной стороны, она отстаивала общенациональные интересы башкир, их право на духовную и национальную самобытность, призывала народ к борьбе против незаконных захватов и расхищения башкирских (вотчинных. – *H.X.*) земель, с другой – довольно ярко стала отражать классовую дифференциацию в обществе, поднимала острые социальные вопросы» [Кунафин, 2006, с. 207].

Эти и другие насущные проблемы, касающиеся жизни башкирского народа и его будущего, обостренные революцией 1905-1907 годов, нашли широкое отражение в творчестве Мажита Гафури, Шаихзады Бабича, Сафуана Якшигулова, Фазыла Туйкина и многих других писателей, которые пришли в литературу в эти годы. Связь между фольклором и литературой проявлялась во всем своем многообразии. Одни писатели напрямую обращались к устно-поэтическому народному творчеству, фиксировали и издавали его отдельной книгой или в различных газетных, журнальных изданиях, в своих публицистических выступлениях призывали к борьбе за чистоту родного языка. Другие творчески осваивали фольклорные традиции – мотивы и сюжеты сказок, эпоса или кубаира¹ в своих произведениях, создавали на их основе собственные произведения и т.д. [Кунафин, 2006, с. 21] (С. Якшиголов, Д. Юлтый «Положение башкир», М. Тангатаров, С. Якшиголов «Обращение к братьям башкирам», Ф. Туйкин «Башкирская женщина», «Идельбай», «Сыны Отчизны», М. Гафури записал, литературно обработал и издал народный эпос «Заятуляк и Хыухылу», М. Буранголов зафиксировал эпос «Урал-батыр», «Акбузат», «Идель и Яик» и др., а также песни, легенды, предания, кубаиры, С. Мухаметкулов – эпос «Кусяк-бий», Ф. Вали – «Ек-Мэргэн» и т.д.). В этот период «художественная башкирская словесность становится на путь самостоятельного развития» [История башкирской литературы, 2012, с. 367].

Эти и другие события из жизни башкирского народа продолжали оставаться объектом творческого переосмыслиния и интерпретации его фольклора в творчестве русских писателей начала XX века. Для полноты литературного слова и достоверности в изображении событий и явлений русские писатели в своих произведениях обраща-

¹ Семисложное поэтическое эпическое произведение, основными темами которого являются восхваление героических деяний батыров, независимости родной земли, ее величественной красоты и исторического прошлого народа и т.д. Кубаиры создавались в решающий в истории жизни народа момент, вдохновляли батыров на войну, восхваляли героические качества воинов и возвеличивали родную землю – родной йорт.

лись к сокровищам устно-поэтического творчества башкир, их этнографии (М. Горький, В. Канторович, Н. Крашенников, П. Бажов, С. Злобин и т.д.). Проблема фольклорно-литературных башкирско-русских взаимосвязей начала XX века нашла системное и полное отражение в исследованиях М.Г. Рахимкулова, Б.Г. Ахметшина, И.Г. Кульсариной и других¹.

Таким образом, проведенное исследование расширяет представление о фольклорно-литературных взаимосвязях как актуальной проблеме филологии; оно служит базой для дальнейших научных исследований башкирской литературы, а также значимо для изучения проблем фольклора и литературы, литературы и фольклора, межнациональных фольклорно-литературных взаимосвязей, взаимообогащений, в том числе и в контексте интертекстуальной теории.

Литература

- Десницкий А.С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник МГУ. Сер. 9. 2008. № 1.
- История башкирской литературы: с древнейших времен до начала ХХ века. Уфа, 2012. Т. 1.
- Иткулова Л.А. Нравственный выбор в башкирской сказке (Философско-мировоззренческий анализ). Уфа, 2002.
- Козицкая Е.А. Цитата, «чужое слово», интертекст: материалы к библиографии. [Электронный ресурс]. URL: // <http://uchcom.botik.ru>
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Сер. 9. 1995. № 1.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Кунафин Г.С. Поэтическое эхо прошлого. Уфа, 2004.
- Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX - начала XX века. Уфа, 2006.
- Нурланова К.Ш. Эстетика художественной культуры казахского народа. Алматы, 1987.
- Рахимкулов М.Г. Страницы дружбы. Башкирско-русские фольклорно-литературные связи. Уфа, 1972.

¹ См.: статьи М. Рахимкулова: «Башкирская легенда в интерпретациях А.М. Горького» // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1986; «Фольклор в рассказах Н.А. Крашенникова о Башкирии» // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1983; книги «Народной мудрости родник» (Уфа, 1998) и т.д.; статью Б. Ахметшина «Предания о Салавате Юлаеве» // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974; монографию И. Кульсариной «Мотивы и образы башкирского фольклора в русской литературе XX века» (Уфа, 2007) и т.д.

ЛИДЕР, НАЧАЛЬНИК, ПЕРВЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА: К ОБРАЗУ МИРОВОГО ЧЕЛОВЕКА¹.

P.B. Шубин

Ключевые слова: В.М. Шукшин, В. Айрапетян, мировой человек, первый человек, Степан Разин

Keywords: V.M. Shukshin, V. Naugrapetyan, man of the world (homo mundi), first man, Stepan Razin.

«Не “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”, а русская герменевтика способна осуществить сказочного Ивана-дурака, будущего царя, чье слово – закон».

Вардан Айрапетян. «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски».

0. Проблема, вынесенная в эпиграф статьи, полемически охватывает и истолковывает конфликтологию В. Шукшина, вне которой, по мнению режиссера и друга А. Саранцева, Шукшин немыслим [Белов, 2002, с. 88]. Впрочем, полемически, но уже не первый раз. В статье Л. Бодровой создается попытка осмыслить русский бунт Разина и узнавшего себя в нем Шукшина через «припомнания» Пушкина и Достоевского [Бодрова, 2013], а эти припомнания основаны на совершенной иной программе осуществления «будущего царя»: не через русский бунт, а через мирового человека.

1. Понятие «мирового человека» ввел Вардан Айрапетян в качестве конструкта, объясняющего принцип представительского говорения и толкования. Русская герменевтика, ориентированная на говорящего и слово, и прежде всего на фольклорную мудрость, пытается истолковать основы русскости через речь². Поэтому герменевтика мирового человека

¹ Данная статья представляет собой продолжение статьи о мировом человеке (см.: [Шубин, 2014]).

² К идеям русской герменевтики, разрабатываемым ереванским русистом и редактором еще с начала 1970-х годов, можно приблизить высказывания В. Библера о присущности русской национальной идеи «каждому человеку, говорящему и думающему по-русски» [Библер, 1993, с. 182]. Однако при внимательном изучении статьи В. Библера следует говорить скорее о сумме отличий, чем о сходстве. Это выражается хотя бы в принципиально различном цитатном материале. Если за основу исследований русского герменевтика взято полнозначное и почвенное русское слово – пословица (именно «не голая речь»), то В. Библер почерпнул свою концепцию, так и оставшуюся голословной, из литература-

воплощает не коллективные формы бытия (от русской общины до колхозов, от коммуналок до лагерно-барацных форм общежитий и островной империи на одной шестой части суши), а собирательную личность первоговорящего, собирательного *homo loquens*, образовыми примерами которого являются Иван-дурак русских сказок и А. Пушкин, «наше все» в самосознании русского интеллигента.

В работах Вардана Айрапетяна можно выделить несколько ипостасей мирового человека: мифологический перво человек (Адам, Пуруша); полу мифологический посредник между богами и людьми, Гермес-Логий, Христос-Логос, Христос-пастырь [Айрапетян, 2011, д6622¹]; писатель, осуществляющий народный Логос (в русском самосознании это А. Пушкин, Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Платонов, М. Пришвин); *первый / главный человек* в историческом событии, воплощенный в культурно-исторические образы *вождя, лидера, начальника (главы)* – в русской истории это государствообразующие деятели, народные герои. В нем, отдающем, дарующем, жертвующем и творящем герое, проявляются такие черты мирового человека, как толкование и спасение. Наконец, мировой человек – это концентрированное воплощение *людей* вообще, общечеловеческой этики и духовного ресурса человека, выраженного через *рост и движение*.

Первое свойство говорящего мирового человека – толкование. Очевидно, что первопроходец, ведя за собой людей, создает прецедент и закладывает правовую основу, которую необходимо осмысливать и истолковывать в контексте всего *пути или целостности*. Другая важная функция – *спасение*, взятое в широком смысле. Например, для герменевтав-словесника чрезвычайно важно, что человека спасает его речь, прежде всего тем, что слово вовлекает *говорящего* как *видящего* различия и уравнивает со *всеми* для того, чтобы знать общее, единое. Истолкованное значение слова – это и есть сочетание различия и общего, вида и рода, того что *видим* и того что *знаем* (ср. важное этимологическое единство *genus=gnosis*).

Спасает также *единство* и связанная с ним *родовая свобода*. Переосмысливая бахтинскую категорию *Другого* («я-для-другого»),

ведческих рассуждений Иосифа Бродского с его приоритетом «я» над «мы» и отрывом от «почвы», ср.: «Писатель <...> создает тип сознания, тип мироощущения, дотоле не существующий или не описанный... Писатель – то дерево, что отталкивается от почвы...» [Библер, 1993, с. 165]. Русская герменевтика в этой связи изучает архаическую структуру мира, «обломки того, что он [ученый. – Р.Ш.] давно знает и сам отчетливо не сознает» [Айрапетян, 2011, с. 5].

¹ Учитывая фрагментарно-ризоматическую структуру книг В. Айрапетяна, ссылки на цитаты производятся по изданию 2011 года с указанием в скобках буквенно-цифрового номера фрагмента.

В. Айрапетян выводит формулу *другости* («все как один»), главного принципа собирательной личности: *если никто, то все/все как один* [Айрапетян, 2011, б24, б313]. «Чем я должен быть для другого, тем Бог является для меня», – пишет М. Бахтин, связывая другого человека и его, чужое, слово с *самостью* человека (исключительной индивидуальностью, «я-для-себя») в идеи спасения: «Душа – это дар моего духа *другому*» [Бахтин 1979, с. 116, 52].

Реализацию функции спасения ереванский русист рассматривает в сказке о девятых людях, а точнее одного эпизода в сказке о Лутоне, № 406 в сборнике А.Н. Афанасьева. Толкование на этот анекдот вышло отдельным изданием в 2010 году [Айрапетян, 2010]. По сюжету десять глупцов не могут себя сосчитать, ибо каждый считающий – иной для себя и «в счет себя не кладет». Оттого им кажется, что кто-то пропал / погиб и для спасения всех им нужно себя сосчитать. Спасителем в этой ситуации является одиннадцатый «встречный», который своим счетом восстанавливает искомое единство и целостность. Мифологизация этого встречного, *иного* по отношению к другим, служит созданию мифологемы бога-спасителя: «Наш образ бога-спасителя делает из нас одно тело, мир; отсюда мифологемы первочеловека и бога-творца» [Айрапетян, 2011, б1276]. Таким образом, спасителем выступает не только единство коллектива или команды (*один как все*), но и – по более общему правилу инакости *если никто, то иной* – представитель или символ единства, например, капитан корабля, глава, руководитель, вождь. Эти образы у В. Шукшина мы и рассмотрим в данной статье.

2. Государственно-социальная иерархия, отраженная в художественном мире В. Шукшина, превосходно демонстрирует вес и значение безликого «накопленного количества», в частности государствообразующего человека Николая Князева («Штрихи к портрету»), действующего по принципу *все как один* и заботящегося о тотальной ответственности каждого за всех. Но эту иерархию пронизывает и распирает изнутри постоянная борьба самобытных шукшинских героев, показывающая принципиальное расхождение ролей первого (государственного) и второго (частного) человека.

Первые для Шукшина люди – последние для государства. Стремясь заявить о себе через бунт или маргинализацию, они, бунтари, правдоискатели и изгои, чудики (синоним дурака) и психопаты, люди с ущемленным чувством достоинства, выражают *волю* как главное качество русской ментальности. В то время как главенство первых по общественному положению людей, «властей и воинств» советского государства лишено другой составляющей русской духовности – *правды*, и поэтому *первые* постепенно умаляются до роли формальных блюстителей

порядка, хранителей традиции. Псевдопервые, такие как генерал Малафейкин и генералиссимус Суворов, и вовсе развенчиваются и ниспревергаются. Положительный образ первого (например, первого секретаря Байкалова в группе текстов, связанных с кинофильмом «Из Лебяжьего сообщают» (1960) и второй частью романа «Любавины») крайне редок у Шукшина.

Итак, шукшинская конфликтная ситуация в пределе предполагает, что *правде* не хватает *волевой* законченности, а *волевой* активности не хватает *правды*. Правда и воля оказываются разъединены (так же разъединены первый и второй человек, государство и народ, лидер и массы), их соединение либо невозможно, либо выглядит драматично. Ярким примером соединения воли и правды является драматический образ Степана Разина. Он борется с внешними врагами, но и образ врага оформляется в его душе как отдельная личность, *второй* человек, а душа становится ристалищем для еще более ожесточенной борьбы. В пределах его личности происходит столкновение *первого* и *второго* человека: один борется за всех, другой – за себя, против всех. Один низвергает власть и устанавливает безраздельную свободу (волю), другой же пользуется этими благами и приходит к деспотии и крайнему эгоцентризму.

Такое взаимопроникновение *первого* и *второго* человека даже в одном лице (ср. из *грязи в князи*) объясняется – автором исследования этих категорий Арменом Григоряном – тем, что существует слишком большая дистанция между властью и народом и отсутствуют промежуточные институты и посредники, то есть, по сути, *средние люди*, «гении золотой середины» [Библер, 1993, с. 158]: «<...> Русское общество – общество без второго. В нем два полюса: первый человек, вознесенный в заоблачные высоты, и все остальные – “народ”, опущенный ниже низкого, в грязь. *Один* первый и *все* последние. Нет между ними переходных ступеней – второго, третьего и т. д. Второй или сближается с последними, или сам начинает претендовать на первое место. Даже если у него и нет никаких амбиций, характер отношений в обществе таков, что толкает его к одному из полюсов. Так считает народ, так считает и первый человек, видящий во втором не помощника, а соперника» [Григорян, 2014, с. 287, 292].

3. Начальник как первый, последний как спаситель. К истории, рассказанной в рассказе «Начальник» (Новый мир. 1967. № 1), В. Шукшин обращается дважды, второй раз в рассказе-дуплете «Ораторский прием» (Наш современник. 1971. № 9), где полностью переворачивается и развенчивается статус центрального персонажа.

Рассказ «Начальник» явно выпадает из так называемой шукшинской темы развенчания псевдоличности: «социальных демагогов», «ге-

нералов Малафейкиных» и т.д. Более того, развенчивающему персонажу, Митьке Босых, наделенному некоей правдой, так и не удалось сбить с пьедестала фигуру волевого начальника, а последний в свою очередь укрепил свой авторитет, в то время как развенчивается сам правдолюб и спаситель.

Ситуация, в которой оказались лесорубы вместе с начальником в «крутом, яростном аду» февральской метели, взвывает к архаичной модели «общественного стереотипа» [Куляпин, 2005]. Замкнутое, герметическое пространство само по себе уже *иное* и создает прецедент герменевтической ситуации, где «все» претворяются в одно, одно – в целое, а целое – спасает. Формула дружбы «если никто, то все как один» наделяет целостностью весь коллектив. Однако в шукшинском рассказе начальник не может спасти всех лесорубов; спаситель, *иной*, приходит извне.

Героизм Митьки Босых, правда, облечен в иронию: он сам попал в снежный занос, его, спасителя, спасали, а он спасал себя – спиртом, предназначенным для всех. Возникший на этой почве конфликт Митьки, бывшего уголовника, с начальником разрешается – и это главная пружина интриги – в пользу «маленьского» начальника с «тонким голосом». Выясняется, что начальник и водитель когда-то вместе отбывали заключение, только Митька Босых был уголовником, а начальник – политическим заключенным («Сто шестнадцать пополам», то есть пятьдесят восемая статья, политическая), и уже тогда Митька был в подчинении (в бригаде) у «начальника».

Это обстоятельство заставляет пересмотреть схематически данную «сталинскую» идею, что начальник уже одним своим высоким положением является фигурой неоспоримой и правой («кадры решают все»), а руководитель – наподобие «отца народов» – своевольно становится спасителем. Прошлое начальника, в отличие от прошлого Митьки, образует зловещее зияние в представлениях о тотальной ответственности и круговой поруке каждого в государстве-утопии, позже критически разработанной в рассказе «Штрихи к портрету». «Оттепельный» подход, тем более явственный на фоне крайне редкого обращения В. Шукшина к теме лагерей и реабилитации, демонстрирует, что *первый* был когда-то последним: отверженным, зеком.

«Понижение» статуса начальника органически связывает и уравнивает его с низами: стал *как все* и вместе со всеми стал *мировым человеком*. Пьет спирт со всеми, а спирт иллюзорно объединяет, как и слово,ср.: «*homo loquens* похож на пьяного, слово пьянит не только слушателя, но и самого говорящего»; при этом опьянение делает каждого отдельно-

го человека мировым и первым, ему «море по колено и сам черт не брат» [Григорян, 2014, с. 336, 337].

«Сталинский» и «оттепельный» варианты спасения обладают важным подспорьем – герменевтическим. Количество лесорубов вместе с начальником и водителем составляет тринадцать – сверхполное число, образованное по формуле круглое число плюс единица ($K+1$, $12+1$). Спаситель извне реализует формулу «Если никто (из нас), то иной», он же *лишний*. В обычной ситуации своеобразным «лишним» выступает начальник, без которого лесорубы спокойно справляются сами, но в критической – тринадцатый по счету водитель Митька Босых, «деревенский вор в прошлом, поэт, трепач и богохульник» [Шукшин, 2012, с. 266].

Эта нелицеприятная характеристика, изрядно портящая образ спасителя, тем не менее единственное в тексте указание на особую значимость (инакость) героя в плане речевого представительства и порождает траверсированные христологические мотивы. Митька своего рода «переодетый» Христос, как и его другой собрат волосатик-хиппи Генка Пройдисвет: *Босых* – намек на апостольскую нищету духа и странничество; *трепач*, то есть враль, говорящий – траверсированный образ пророка; *поэт* – говорящий притчами, но и *вор* – тот, кто *врет, плут*. Он, *homo loquens*, шантажирует начальника тем, что может *сказать всем* что-то о нем (то есть раскрыть тайну, которая может унизить начальника). Тайна эта – факт политического заключения, а это в свою очередь может открыть широкое поле для различных домыслов.

Само понятие *лишнего* содержит идеи избытка и недостатка. Соответственно в этой стычке можно усмотреть столкновение двух типов личности, претендующих на *мирового человека*: эгоцентрической личности, лишенной целостности, и представительской личности, говорящей за всех. О начальнике мы вообще мало что знаем. Безымянный, он воплощает рядового участника «события бытия» и представляет предельно обезличенных в Гулаге, в этой «лагерно-тюремной Индии» [Айрапетян, 2011, 63313] людей; представляет личность, впитавшую лагерный опыт выживания, но при этом насильственно лишенную личностных привилегий, о которых пишет Варлам Шаламов в рассказе «Сухим пайком»: «У нас не было гордости, себялюбия, самолюбия, а ревность и страсть казались нам марсианскими понятиями, и притом пустяками» [Шаламов, 2004, с. 76].

Зато на первый план выпячивается кичливая грудь Митьки. Его эгоцентризм, вознесшийся в результате особого случая, начал жить своей жизнью, ориентироваться на других, требуя к себе повышенного внимания. «Грай был детина, который требовал себе людей» [Шукшин, 2009, т. I, с. 221], – эта загадочная фраза из сценария «Посевная кампа-

ния» к фильму «Из Лебяжьего сообщают» так же точно подходит к данной ситуации, в которой поставлены друг перед другом частная личность и мировой человек. На фоне последнего протест зарвавшегося Митьки не более чем детский каприз, игра, рассчитанная на публику. Поэтому начальник по-отечески егонейтрализовал произведя справедливый раздел спирта с учетом выпитого Митькой, урезав его долю (лишнее) и уравняв его *со всеми*. В своем блокноте он сначала хотел писать о «самоотверженном поступке» шофера, но затем умалил героизм, заменив его на «умелые действия», а тему «спасения» («лесорубы спасены!») перевел в разряд «крупной неприятности» и ее устранения. Таким образом, целостность коллектива вновь становится подконтрольной начальнику, самоспасительной, начальник возвращает себе авторитет, а иной герой-спаситель был умело «возвращен» коллективу и становится его рядовым членом.

Спасение, по Айрапетяну, это «включение себя» в мир и осознание своей целостности. Даже отсутствие «одиннадцатого-спасителя в индийских вариантах притчи может значить, что десятеро в целом считаются по-индийски же за такого одиннадцатого (целое как иное всему). Все спасаемые миряне как один спасающийся монах» [Айрапетян, 2011, 612765]. Круглое число, *все*, но и внеположенный один лишний, иной, без которого *все* неполно, – такова архаическая формула спасения, основанная на включении, а не исключении иного из ряда: «Все и иной, или еще один, все и иное. Всего без иного нет и потому нет правила без исключения, но есть включение, приобщение иного, отраженное в схеме натурального ряда $n \rightarrow n+1$ » [Айрапетян, 2011, 6124]. Так и у Шукшина: спасительная целостность возникает, когда ущемленный и обиженный вор-плут – *лишний человек* перестает быть лишним, он «сосчитан» и возвращен «единству» мирового человека.

4. «Спаситель», вывернутый наизнанку. То, что скрыто присутствует в «Начальнике», иронически вывернуто и названо в более позднем рассказе «Ораторский прием». Здесь герменевтическая модель обнажена, «Христос» и «апостолы» сосчитаны уже в самой наррации: «– Значит, Щиблетов… ты, значит, теперь Христос, а это – твои апостолы» [Шукшин, 1985, т. II, с. 554]. Точно сказано и о спасительности «небольшого коллектива», который находится «на приличном расстоянии от основной базы», но «все равно остается наш коллектив, со своей дисциплиной, со своей маленькой, но системой планирования» [Шукшин, 1985, т. II, с. 559]. В отличие от «вождя» из предыдущего рассказа Щиблетов (в фамилии угадывается чуждое, мещанское происхождение: *Щиблетов* – *шишиблет*), начальник-Христос, *homo loquens*-оратор и очередной «шукшинский псевдоспаситель» [Куляпин, 2005, с. 123], за

дело берется с полным осознанием своей роли. Шукшин уже открыто использует символ, работающий на создание целостности: даже слово *целинник* намекает на спасительную *целостность*, а странная личная жизнь героя, лишенного полноценной семьи, делает его *лишним* уже в экспозиции. Всем рассказом подчеркивается, что Щиблетов противопоставляет себя и свое *отличие* хоровому и родовому началу, *всеобщему*.

По словам А.И. Куляпина, «прекрасно владея “символическим языком” своего времени», в частности метафорами советского государства (государство – семья, руководители – отцы, герои – сыновья), В. Шукшин способен «трансформировать общественные стереотипы». Если в раннем творчестве («Начальник», «Леля Селезнева с факультета журналистики») намек на евангельский текст (12 лесорубов или 12 плотников) и религиозные ассоциации «нейтрализованы», то в позднем, в «Ораторском приеме» например, миметическая связь разрушается и возникает ситуация семиозиса [Куляпин, 2005, с. 29].

В чем же заключается новая ситуация? В этом рассказе выплескивается наружу речевая стихия, вступающая в противоречие с реальностью. Естественная изоляция лесорубов в первом рассказе (буран) заменяется метафорической, более того, словесный план начинает доминировать над сюжетным; собственно действием в рассказе становится борьба метафор. Рассказ пронизывает метафора мира как житейского моря, определяющая новую семиотическую ситуацию: начальник – кормчий, капитан, «атаман», а лесорубы – моряки, которые, судя по песне Борьки Куликова, должны «посчитаться с атаманом» за то, что Щиблетов отошел от «традиции» и запретил водку (традиционную во флоте) перед дорогой. На это Щиблетов отвечает своей «морской» метафорой: «Представьте себе другое положение: мы *дрейфуем на льдине*. И среди нас завелся один… субъект, который *мутит воду*. Все горят желанием взять правильный курс, а этот субъект явно тормозит. И подбивает других. Славлю вопрос честно и открыто: что делать с этим субъектом?» [Шукшин, 1985, т. II, с. 559].

Идея спасения подготовлена морской метафорой: кораблем, капитаном-атаманом, островом. Модель спасительного *острова* в первом рассказе легко реконструируется благодаря теме тюрьмы-*острога*, в котором сидели начальник и водитель. Тем более и Колыма, устойчиво связанная с лагерной темой, – советский остров (требует предлогов *с* и *на*), самый крупный в *архипелаге* Гулаге. Модель корабля во втором рассказе озвучена на нарративном уровне (в песне) и также реконструируется через связь с островом и судном (грузовик, везший лесорубов, более чем напоминает корабль): «корабль это плавучий остров», а «остров это стоячий корабль» [Айрапетян, 2011, г533, в564].

Финал рассказа также предопределен значениями морской метафоры. На риторический вопрос Щиблетова «что делать с таким субъектом» следует предсказуемый ответ «в воду», озвученный хором (а именно персонажем по имени *Славка Братусь*): «Для того чтобы *всем спастись* и взять правильный курс, необходимо вырвать из сердца всякую жалость и *столкнуть ненужный элемент в воду*» [Шукшин, 1985, т. II, с. 560]. Этот ответ истолковывается в двух планах: как ораторский прием (с точки зрения «катамана») и как буквально-метафорическое стремление избавиться от вредителя. Однако вряд ли боксер Борька Куликов, ударивший за эти слова Щиблетова, не понялfigуральности этого оборота (говоря «меня в воду?») – ведь эти слова можно понять и буквально, и метафорически одновременно. Зато у наказанного и обиженного Щиблетова появляется новая оговорка: «Дурак, это ораторский прием!», – которая не объясняет значения сказанных слов, а делает это значение недосягаемым, а всю ситуацию – еще более неразрешимой.

Щиблетов верует в свои слова, но со своей ролью толкователя он не справляется и не может объяснить значения метафоры. Куликов вполне справедливо воспринял этот ораторский прием как оскорбление, а Щиблетов полагает, что его метафора настолько условна, что ей и верить нельзя. Таким образом, комически показана попытка «псевдоспасителя» вернуться в риторику и воссозданную ею реальность, из которой его выбил реальный кулак Куликова: «...Щиблетов в суд не подал, а подал директору... протокол собрания, где в точности записана речь, за которую он пострадал» [Шукшин, 1985, т. II, с. 560].

При сравнении двух рассказов очевидна противоположность исходных посылов, связанных с темой спасения: в «Начальнике» вор и хулиган Митька Босых ради «спасения всех» вписывается в коллектив, в то время как в «Ораторском приеме» предполагаемый «спаситель» за одну только возможность на словах избавиться от «ненужного элемента» поплатился и кончил бегством. Более того, первое решение «уравнять» Митьку Босых (в тексте рассматривался вопрос о его наказании, но не изгнании) ощущается как исполнение нравственной нормы; наоборот, исключение одного ради спасения всех – нарушение этой нормы. Коллектив, где нет лишних, предстает как носитель правды («Начальник»), в то время как в «Ораторском приеме» лишним в подлинном смысле слова оказался тот, кто претендовал на роль мирового человека – ненастоящий первый человек и псевдоспаситель.

5.1. Степан Разин в романе В. Шукшина поистине титаническая и трагическая в своей противоречивости фигура, выражаяющая трагизм социального протеста на Руси и одновременно драму самопознания. Противоречивость фигуры русского разбойника-заступника, то есть

фактически очередного *спасителя*, безусловно, связана с художественным развенчанием персонажа, «строящего свое дело на крови». В перспективе мирового человека (то есть *людей* вообще и общечеловеческой этики) Разин также выражает конфликт между прогрессивным и консервативным векторами, выступающими в русской культуре как разрушительные и творческие силы соответственно.

5.2. Здесь уместно вспомнить другие категории русской герменевтики – образы титанов Прометея и Эпиметея. Для Айрапетяна эти имена стали символом двух типов мышления: Прометеева («Передний ум»), прогрессивного, революционного, для которого характерна триада мысль-слово-дело, и Эпиметеева («Задний ум»), консервативного, выраженного триадой дело-слово-мысль. «Гордый титан», самый известный в европейской культуре [Шубарт, 2003, с. 13], связан с бунтом против господствующего миропорядка, но титан-трикстер, бездумно распределивший способности между людьми и тварным миром [Платон, 1990, с. 430-431], практически не отражен в европейском самосознании. Зато он есть в русском. Эпиметеево, творческое начало более всего созвучно русской поговорке «русский мужик задним умом крепок» [Айрапетян, 2011, в5] и исходит из приоритета действия над мыслью.

Оба начала присутствуют в Разине. Для него движение к свободе – это движение к прогрессу, движение вперед, которое с лихвой насыщает желание атамана подчинить своей идеи свободы «бородатую, разопревшую в бане лесовую Русь» [Шукшин, 1984, т. I, с. 569]. Центральный императив «я пришел дать вам волю» делает Разина просветителем, глашатаем новой истины, героем прометеева типа. «Это вождь, таким следует его показать» [Шукшин, 2010, с. 748], – писал Шукшин в заявке на фильм. Серьезность Разина и высокомерие по отношению к отсталым крестьянским и мещанским слоям, к непросвещенным «гольным дуракам» тоже прометеева черта: «“Губошлепа никто не любит <...> По смерть губошлепа любит”. Он самолично карал за неловкость, за нерасторопность и ротозейство» [Шукшин, 1984, т. I, с. 328]. Впадая в самомнение, Разин переносит свое высокомерие и на весь народ: «То жалко их, а то – прямо избил бы всех в кровь, дураков» [Шукшин, 1984, т. I, с. 519].

Однако на образ Разина-подвижника накладывается эпиметеев слой: характер импульсивный и деятельный. «Важнейшими для Шукшина были факторы, идущие “снизу”» [Бодрова, 2013, с. 28]. Доминирование эпиметеева действия над прометеевым думанием проявляется в диалогической конструкции романа: разинская идея рассыпана во многих участниках, а не сосредоточена в мысли центрального героя. И это объясняет, почему у атамана, находящегося во *главе* целого движения, с

головой как символом главенства и движения вперед складываются сложные отношения.

Сама голова у Разина выразительна и передается пословичной характеристикой: «Золотая голова, а дурню досталась» [Шукшин, 1984, т. I, с. 507]. Теряя в своей прометеевой значимости, голова наделяется эпиметеевым внешним, статуарно выпуклым значением, собственно знаковой природой: по движениям головы нарратор передает то, что в голове оформляется как мысль. Головному (рассудочному) пути главного героя противодействуют сердце, болящая душа, страсти, страдание, порыв мгновенного решения, энергия тела и даже магические чары атамана. Первенство *головы* как органа мышления Разин отдает другому, например, хитроумному Фролу Минаеву: «У Фрола ведь и *голова* была... чего ты сейчас лежишь *думаешь* *своей головой*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 368]. Или в другом примере тоже унижительно о голове: «О чем ты только *думаешь* *своей корчагой*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 204]. Представляя себе свою будущую победу, Степан отказывается от роли царя (ср. «без царя в голове»), желая стать Первым Атаманом, который, по сути, является Вторым человеком после первого – царя. Наконец в мучительной борьбе с собой, в тяжелые минуты переживания греха Степаном одолевает желание казнить самого себя и он приказывает казакам срубить ему голову. Причем сам достаточно трезво и рассудочно видит – чем же? *головой!* – свое обезглавленное тело: «Срубите!! <...> Подальше оттолкните потом, – посоветовал. – А то прибьет волной» [Шукшин, 1984, т. I, с. 616]. Мотив откусенной и срубленной головы как *лишнего*, но *торчащего* органа (у Змея Горыныча их три) возникает в сказке «До третьих петухов», а в качестве реминисценции казни Разина появляется в одном из вариантов стихотворения «Это было давно» [Глушаков, 2012, с. 467-470].

5.3. Но и два других слова титульной фразы – *Я и воля* – тесно связаны с основами русской ментальности и приводят русского человека к онтологическому бунту (против мира, власти, порядка), а также и к взрыву собственной исключительности.

Воля, понимаемая как свобода от «лиходеев», которые «хуже татар и турка» [Шукшин, 1984, т. I, с. 569], наряду с *правдой*, – фундаментальное качество русского национального характера. Неслучайно этим словом называют и «воление», и свободу. *Воля* у Разина «предполагает связь личности и мира, состояние уравновешенного взаимодействия субъекта и всего окружающего мира, когда страсть не противопоставляет, а соединяет героя с миром...» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 454]. «Первичное основное свойство русского характера, – пишет В. Колесов о воле в том же ключе, – “могучая сила воли”, основанная на

чувстве, и как таковая она порождает *страстность*» [Колесов, 2007, с. 466].

Но и тем самым воля как проявление «русской тяги к иному» (Айрапетян) связана с комплексом *эго*, и заключается в движении от *ego* к *cogito*, в перевернутой формуле декартовского (шире: западноевропейского) эгоцентрического рационализма, самости без другости: *Sum, ergo cogito*. Для русского духа «верный путь лежит только от *sum* к *cogito*, и только слово соединяет мысль и мыслящего, *cogito* и *sum*» [Колесов, 2007, с. 400].

Русский атаман воплощает эту тенденцию в самом прямом смысле: он скручивает себя и других единой волей, единым взглядом, вне которого все «рассыпается прахом»: «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, дело – только отвернешься – рушится. Рассыпается прахом. Ничего прочного за спиной» [Шукшин, 1984, т. I, с. 616]. Обратим внимание на слова «видел; только отвернешься; за спиной». Атаману еще кажется, что только усилие все замечать и умение все видеть оправдывает «дело, взгроможденное на крови», а если что-то рушится, то из-за недостаточности тотальной воли и взгляда. В этой связи стоит вспомнить слова М. Пришвина о том, что человек, ощущая себя «бессмысленно покинутым Богом», сам становится на место Бога, и «этую волю свою быть Богом называет Правдой» [Пришвин, 2012, с. 387].

Вспомним, что между *эго* и *мыслить* у В. Колесова стоит «соединяющее слово». У Разина между его *волей* и *народом*, пребывающим в слепоте, рабстве и нищете, тоже есть слово, народные песни и предания. Но слово принадлежит народу (мировому человеку), в то время как воля, самость, «я» само по себе *не говорит* [Айрапетян, 2011, а34]. И здесь мы натыкаемся на важное противоречие шукшинского художественного образа, а также исследовательской стратегии: а был ли народ таким беспомощным, жалким и глупым, как он рисовался Разину, и неужели трагизм поражения Разина заключается в том, что «народ не готов взять волю, идет за Разиным как за «батюшкой», «своим» царем [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 455], то есть не созрел для свободы без царя?

В русле этой проблемы следует реконструировать понятие свободы как качества *мирового человека*, мира и народа (ср. «мирская воля» и «божья воля») в его противопоставлении личной воли отдельного человека. Учтем, что реконструкция – не критика, так же как и В. Белинский, односторонне доказывающий в знаменитом письме Н. Гоголю по некоторым поговоркам нерелигиозность русского народа (и эту критическую точку зрения подхватил В. Шукшин в «Монологе на лестнице»), не Влад-

димир Даль, любовно собирающий каждое слово и сознающий амбивалентность поговорки.

Известные русские поговорки «Своя воля страшней неволи» [Даль, 1984, т. I, с. 161], «Неволя крушит, а воля губит. Не бойся неволи, а бойся воли», «Своя воля заведет в неволю. Своя воля – либо рай, либо ад», «Жить по воле, умереть в поле», «Воля портит, а неволя учит», «Волю неволя учит. И на волю приходит неволя» [Даль, 1984, т. II, с. 279] и т.д. показывают не страх перед свободой, а негативное последствие своееволия. *Своя воля* обнаруживается в *щах, жене, бане, в своем ломте, где своя доля, в поле* – то есть там, где человек либо ограничен своим личным бытием (еда, жена, судьба), либо нет человека вообще (поле). Личная воля противоположна *свободе* как месту *общежития и родовой свободы*, ибо «В тесноте люди песни поют, а на просторе волки воют», «В тесноте люди живут, а на просторе волка гоняют» [Даль, 1984, т. II, с. 53] «В тесноте живут люди, а в обиде гибнут» [Даль, 1984, т. I, с. 147]. Да и вообще в *тесноте и в бедах* люди живут, а гибнут в *обиде, лихоте и неправде*, судя по родственным поговоркам. «Вместе люди свободны, ср. *слобода и свобода*, мировой человек всемогущ...» [Айрапетян, 2011, д42, 6316] – пишет В. Айрапетян, для которого родственность слов *слобода и свобода* служит сращению понятий в народном сознании (ср. «выйти на свободу» означает вернуться в мир, к людям), а другая пара слов *поле и воля* объединяются в новый концепт, ср.: «В поле воля; кто в поле съезжается, родом не считается», «В поле две воли: чья сильнее». «В поле – ни отца, ни матери: заступиться некому» [Даль, 1984, т. I, с. 202], «Двое в поле воюют, а один в доме горюет» [Даль, 1984, т. II, с. 229]. Сюда же реконструированная В. Айрапетяном поговорка: «*В поле воля, а в слободе свобода*», – так можно сказать «вопреки мнению Георгия Федотова о нерусскости свободы» [Айрапетян, 2011, 6316]. Поэтому разинская *воля в поле* вместо обещанной свободы ведет к произволу личности и самоволию. «Дерзкое нарашивание возможностей для исполнения своих же собственных желаний ведет к своееволию, произволу, к насилию над другими». В то время как «нарашивание силы, моши ведет к *родовой свободе*, а к личной свободе ведет отказ от неосуществимых желаний, самоограничение, самоотчуждение...» [Айрапетян, 2011, д423].

Таким образом, даря людям волю, Разин переводит народное самосознание, всемогущего мирового человека, живущего в *мире, слободе и тесноте*, в плоскость *поля* как места войны и конкуренции личных и отдельных воль, обрекая тем самым становление самосознания и свободы на кровавую братоубийственную резню и произвол личности. Отсюда «самовольное», «дурное» отношение к людям (и мировому человеку) в регистре высокомерной жалости или слепого насилия: «То жалко их, а

то – прямо избил бы всех в кровь, дураков», – воспринимается как бессильная попытка навязать свою волю и свое представление о свободе подлинно свободному мировому человеку. Именно неспособность народа пойти по пути Разина – в противовес мнению о «неготовности нации к свободе как ответственности за собственное существование» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 455] – свидетельствует как раз об *ответственности народа* в целом, что подтверждается хотя бы тем, что Разин не *отвечать* учил, а вопросы задавал, а отвечал народ в лице его представителей.

В этом плане характерно шукшинское противопоставление Разина другому бунтовщику Емельяну Пугачеву, восставшему под именем императора Петра III «во имя государства» [Шукшин, 2009, т. VI, с. 342]. В защиту тоталитарного государства написал свои записки Николай Князев и назвал себя Пугачевым («Штрихи к портрету»). К тому же Пугачев отрекся от *себя*, от своей самости, судя по его покаянным словам: «Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство» [Пушкин, 1962, т. VII, с. 98], где как раз «я» и есть окаянство для всех (России). Разин же со своим императивом «я пришел дать вам волю» остался верен своей эгоцентрической воле до конца.

5.4. Сложные отношения складываются у Разина и с *другими*. Шукшинский герой, подобно героям Достоевского, помещен в сильнейшее поле диалогических отношений, что обусловлено драматургической формой романа, в котором события, связанные с центральным действующим лицом, «предстают как следствие его воли или силы, прямо противостоящей герою» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 453]. То есть герой помещен в бахтинскую систему *я – другие*, вне которой «Я» себя не видит и практически не существует: «А *сам по себе* я не говорю, ведь у меня без других нет лица, я себя не вижу» [Айрапетян, 2011, а34]. *Другие люди* в окружении Разина играют роль «зеркала самопознания», так как самое заветное и непостижимое для самого себя – собственная мысль атамана раскрывается через зеркальную реакцию: *дело и слово* других людей, врагов и друзей. Поистине поражает, с какой жадностью и прозорливостью Разин читает в лицах, понимая все то, что хочет понять. Ни одно движение мускула не может укрыться от его цепкого взгляда.

Но, читая в других лицах как в книге, он не может разобраться в себе, увидеть себя. Вот эту разинскую «самость» отражают и называют по-разному: Матвей Иванов – «дуростью», Стырь – «болестью» (вероятно, намекая на психику героя). «Хитрый» Фрол Минаев ответил своим бегством, невенчанная жена Алена – желанием спасти Разина через двусмысленный договор с атаманом Корнеем: «Алена хотела удержать Сте-

пана возле себя, для себя, для счастливой, спокойной жизни. Ради этого она и не на такой сговор пошла бы» [Шукшин, 1984, т. I, с. 477]. Разин помещен между двумя центрами родовой жизни, по-своему оформляющими центрального героя: младшим братом Фролом (матушкин сынок) и старшим братом Иваном, заместителем отца, а точнее памяти о нем. Митрополит Иосиф тоже зеркально ответил Разину на крушение икон (Богоматерь – мать): «свою мать ударил, пес» [Шукшин, 1984, т. I, с. 588]. Даже саму мысль о войне («тряхануть» бояр) «засадил» в атамана некто Серега Кривой с прямым взглядом.

Но и соглашаясь на ликвидацию своих советчиков (Матвей Иванов), Разин остается в одиночестве. А убив казака Куприяна, принесшего злые вести, Разин сам разбивает очередное зеркало. Этот бессознательный жест показывает, насколько информативен и прочитываем для Разина тот или иной персонаж, несущий «свою правду» о нем: «Как зеркало показывает невидимое – возвращает мне мою другость, так моя мысль возвращается ко мне в дружеском ответе понимающего словом, в котором я узнаю смысл» [Айрапетян, 2011, д58].

Вспомним, что один из первых мотивов разинского текста посвящен драме предательства и изображает момент пленения атамана бывшими соратниками в рассказе «Стенька Разин» (Москва. 1962. № 4). В этом мотиве, очень сильно поразившем В. Шукшина, в полной мере проявляется драматизм одновременного понимания и недопонимания предательства, когда *другие*, вырвавшись из-под воли разинского «*я*», восстали на Разина, не захотев с ним мириться и ему соответствовать. «Богатые казаки» словно бы являются объективированным продолжением внутренних душевых процессов Разина, его зеркальными отражениями. Они вышли из разинской души и совести и, являясь губительным началом, уничтожали душу – «дар моего духа *другому*» (Бахтин) и исток другости, ибо «моя душа это родные, близкие, другие во мне и моих глазах начиная с матери; отсюда загадка “Ты во мне, а я в тебе” про душу» [Айрапетян, 2011, в447]. Характерно и то, что в момент пленения атаман выкрикивает, различая *мое* и *твое* (*ваše*), но не разделяя тела и души, сошедшихся в образе глаз (ср. «глаза – зеркало души»): «*Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора*», – совсем как при желании срубить себе голову, чтобы самому не испытывать муки совести. А избиение тела другими равносильно распятию души и совести: «Глумились. Топтали могучее тело. *Распинали совесть свою. Били по глазам*» [Шукшин, 1985, т. II, с. 24].

5.5. Итак, Разин, понятый как «ренессансный человек» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 454], выражает острую конфликтную ситуацию на пересечении линий *личность – мировой человек*. Конститутив-

ный момент личности – голос совести, голоса *других* – заглушен шумом социального протesta и антигосударственной борьбы, а важный аспект мирового человека (человечества) – нравственность и родовая свобода низведены до косности и консерватизма народа, недооцененного атаманом. Жалость и жестокость – вот что вызывает у Разина отдельный человек и народ. А сам Разин виделся Шукшину в драматической точке личностного становления в мировом человеке, в людях. Русский разбойник-заступник оказался между правдой народа, с одной стороны, и центробежным ростом эгоцентрической воли, с другой. В этой связи можно утверждать, что народ, отдавая должное духу протesta, не пошел за Разиным не в силу своей отсталости, а из-за приверженности идеи родовой свободы и внутренней защиты от эгоцентрически понимаемой личной свободы.

Литература

- Айрапетян В. Толкование на анекдот про девятых людей. М., 2010.
- Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М., 2011.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979.
- Белов В.И., Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М., 2002.
- Библер В.С. Национальная русская идея? – Русская речь!: опыт культурологического предположения. // Октябрь. 1993. № 2.
- Бодрова Л.Т. «Литературные припомнания» как фактор поэтики в прозе В.М. Шукшина о «русском бунте» // Шукшинский вестник. Барнаул. 2013.
- Глушаков П.С. О текстологии и поэтике В. Шукшина // Текстологический Временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2.
- Григорян А. Первый, второй и третий человек. М., 2014.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. М., 1984.
- Куляпин А.И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису. Барнаул, 2005.
- Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1990. Т. I.
- Пришвин М.М. Дневники 1942-1943, М., 2012.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1962. Т. 7.
- Шаламов В. Т. Собрание сочинений в 6-ти тт. М., 2004. Т. 1.
- Шубарт В. Запад и душа Востока, М., 2003.
- Шубин Р.В. От каменного человека к человеку с железным желудком. К образу мирового человека в творчестве В.М. Шукшина // Традиции творчества В.М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.
- Шукшин В.М. Нравственность есть Правда. М., 1979.
- Шукшин В.М. Космос, нервная система и шмат сала: рассказы, публицистика. М., 2010.
- Шукшин В.М. Полное собрание рассказов в одном томе. М., 2012.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений в 8-ти тт. Барнаул, 2009. Т. 1.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 3-х тт. М., 1984-85.
- Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011.

ЛИРО-ЭПИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОЗЫ СЕРГЕЯ ПЕСТУНОВА

O.B. Янковская

Ключевые слова: сибирская проза, эпичность, лирика, синтаксис, лексика.

Keywords: Siberian prose, epic, lyric, syntax, vocabulary.

Проблема изучения регионального аспекта русской литературы достаточно актуальна на современном этапе и приобретает все большее значение в связи с наблюдающимся возрождением интереса к истории, культуре, литературе родного края. К сожалению, этот интерес чаще всего нечем удовлетворить, поскольку освещается и пропагандируется местная литература сегодня чрезвычайно слабо. В школах, колледжах, высших учебных заведениях сибирская литература практически не изучается, несмотря на свою давнюю историю и достойных писателей, без которых невозможно представить не только русскую, но и мировую историю литературы.

В частности, литературный процесс Хакасии второй половины XX века трудно представить без прозы и поэзии Сергея Пестунова. Уже первая его повесть «Белая птица – лебедь» была опубликована в центральной печати (во втором номере журнала «Молодая гвардия» за 1973 год, а затем – в двенадцатом номере «Роман-газеты» за 1974 год) и отмечена Первой премией ЦК ВЛКСМ.

Главное лицо его произведений – это сам рассказчик, причем не тот «условный» литературный рассказчик, задача которого «ввести в повествование», а тот, наличие которого характерно для лирической прозы.

Важно отметить, что творческое наследие С. Пестунова одинаково ярко представлено как прозаическими, так и поэтическими произведениями. Как поэт он проявил себя довольно рано – первое стихотворение было создано и опубликовано в Боградской районной газете «Знамя коммунизма», когда его автор учился в восьмом классе. Позже стихи С. Пестунова печатались во многих периодических изданиях: газетах «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец», «Советская Хакасия», в альманахе «Енисей», коллективных сборниках, журнале «Молодая гвардия». Первый сборник его стихов – «Заповедная обитель» – был выпущен Хакасским книжным издательством только в 1995 году, а второй – «Озорные посмеюшки» – в 1997, в год смерти автора.

Поэтическое творчество С. Пестунова имело ярко выраженный автобиографический и автопсихологический характер. В лирике отражаются

лись детские впечатления, первые дружеские симпатии и любовные увлечения. Лирические стихотворения складывались в обширный лирический «дневник».

Именно лирическая природа миропонимания, «поэтический» склад натуры С. Пестунова являются истоками лиризма его прозаических произведений. Стихи иногда «оживляют» прозу писателя («Песня отца», «Красные рубахи», «Пчела улетает на восход» и др.). Как утверждает литературовед Ю.И. Минералов: «Весьма сложно суметь перестроить органически присущее, природой данное поэтическое (то есть субъективно-ассоциативное) мировидение на мировидение прозаика (по типу своему едва ли не противоположное, поскольку оно предполагает объективный анализ окружающей действительности, а не созерцание движений собственной души). <...> Вполне понятно, что, даже перестав почему-либо писать стихотворные произведения, человек с поэтической творческой натурой неизбежно сохраняет (во всяком случае, на определенное – скорее всего, не короткое – время) субъективно-ассоциативное мировидение» [Минералов, 2004, с. 95-96].

Самые лирические рассказы и повести С. Пестунова посвящены любви. Именно в них наиболее отчетливо проступают поэтические корни его творчества.

В лирическом рассказе, раскрывающем внутренний мир человека, его размышления и переживания, значительную роль играет выражение авторского отношения к окружающему миру, субъективное восприятие, чаще всего используется повествование от первого лица. По мнению литературоведа Э. Бальбурова, лирическая проза «...есть результат такой активизации образа автора в повествовании, которая не просто видоизменяет традиционные жанровые структуры, но делает их принципиально иными. Авторское сознание как бы «поглощает» собой весь предметно-образный, объективный материал произведения, выстраивая его в ассоциативные ряды впечатлений, раздумий» [Бальбуров, 1979, с. 72].

Критика пост тоталитарного времени много писала о резко возросшем интересе к внутреннему миру личности, который «был связан с усилением гуманистических тенденций в середине 50-х годов» [Бальбуров, 1979, с. 57]. Тогда лирический рассказ явился своеобразным откликом на общественную потребность в нравственном самосознании личности, прежде всего, самого рассказчика. Появились рассказы В. Лихоносова «Брянские», «Родные», рассказы В. Белова «Бобришний угорь», «Холмы», многие рассказы В. Астафьева, С. Залыгина, В. Распутина и др. Усиление в лирических рассказах авторского начала позволило показать не только богатство внутреннего мира человека, но и гуманистические взгляды автора. Так, в рассказах В. Лихоносова – это

лирические размышления о судьбах поколений русских крестьян, в лирико-философских рассказах В. Белова – о малой и большой родине, проблеме счастья, об историческом пути русского народа. Проза В. Астафьева, одного из наиболее «субъективных» писателей современной литературы, невозможна без авторского начала. Его рассказ миниатюра это, прежде всего, лирическая проза, но лиризм В. Астафьева более окрашен социально, чем у большинства других писателей.

Лирические рассказы С. Пестунова, такие, как «Ах ты степь, ты степь», «Проводы», «Осколок семейной вазы», «Пиалы под солнцем», «Цветы ко дню рождения» и многие другие, посвящены малой родине, проблемам человеческого общения и творчества, передают сложные перипетии человеческих чувств и переживаний.

Автор в этих рассказах – поэтическая душа. Эту сторону его образа С. Пестунов акцентирует уже в первом рассказе цикла «Сватова деревня» («Ах ты степь, ты степь»). Читатель воспринимает как должное то, что его то и дело отвлекают от сюжетной линии для того, чтобы полюбоваться красотами родной природы, которая в свою очередь не остается безучастной к происходящим с героями событиям.

Мы уже неоднократно упоминали о той роли, которую играет пейзаж в произведениях С. Пестунова. В его лирических рассказах он наиболее часто выполняет функцию создания психологического настроя восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героев, подготавливает читателя к изменениям в их жизни. Показателен в этом плане рассказ «Проводы», где сама природа скорбит вместе с людьми, уходящими и провожающими на фронт. *«И тогда взывали, не выдергивав женского плача и раскатистого ржания лошадей, деревенские дворняги: трусливо поджав хвосты, сиганули прочь из села за окопицу на самую Змеиную гору и там разноголосо жутко завывали. <...> И не успела рассеяться пыльная мгла, налетела из-за Змеиной горы вместе с вихревым ветром – степняком толстая, клубастая, иссиня-черная туча, ссыпанула по деревне градом, рясным, с голубиное яйцо, и хлобыстала шипящими молниями, загоняя людей в дома. И по всей широченной курганной степи раскатывалось тяжелое гулкое эхо»* [Пестунов, 1979, с. 86-87].

Душевная красота героев С. Пестунова вырастает не из отвлеченного понятия «патриотизм», а из переданного через пейзаж глубокого чувства природы, малой родины. Природа выступает здесь не только как эстетическая ценность, но и как высшая этическая категория. Пейзажные образы в рассказах С. Пестунова приобретают богатую символику, становятся многозначными. Они символизируют и чувство родины, и романтику любви, и полноту бытия, счастье взаимопонимания.

Пейзажный образ, как знак определенного чувства, имеет место во многих произведениях С. Пестунова. Таковы, например, подсолнухи, ставшие символом любви Васени и Василия («Васенины подсолнухи» / «Сватова деревня»). Именно они в рассказе являются скрытым фундаментом возникающего чувства любви между героем и героиней. Близость их характеров, их ранимый и чуткий внутренний мир видны через одинаковое, внимательное и трепетное отношение к памяти погибших на войне супругов. Цветение подсолнухов символизирует в рассказе наступление мирной счастливой жизни взамен военного лихолетья: *«через малое время к августовскому звездопаду увидели сельчане, что в Тимофеевом огороде на месте черного бурьяна заполыхали одни лишь желтые, как слитки золота, подсолнухи»* [Пестунов, 1979, с. 149].

Пейзаж существует в лирических рассказах С. Пестунова и как форма присутствия автора, когда, данный глазами автора и психологически близких ему героям, он одновременно «закрыт» для персонажей – носителей чуждого автору мировоззрения. Например, Петрован Ламский, абсолютно не видящий красоты окружающей природы, который еще в детстве *«...удивлялся способностям подсолнухов вести свои шляпы за солнцем, смотреть ему прямо в глаза. Утром подсолнухи смотрят на восток, на закате уже на запад – встречают и провожают солнце. «И как это они умеют?» – не мог понять тогда Петрован. И один даже привязал на распорках, чтоб не вертел он своей золотой головой. Привязал его и получил потом большое удовольствие: подсолнух без солнца зачах»* (рассказ «Чужак») [Пестунов, 1979, с. 144-145]. Диссонансом к всеобщему утреннему умиротворению звучит и весть о смерти Петрована: *«...на спелой заре уже, когда зацветающие подсолнухи подставили восходящему солнцу свои пушистые желтые мордашки, когда уже пчела вокруг них делала утренний облет, когда уже и петухи охрипли, трубя дружно побудку, и где-то уже громыхнуло у колодезного сруба пустое ведро, – раздался в бане выстрел, разнося по селу глухое эхо...»* [Пестунов, 1979, с. 147-148].

Важную роль в создании художественной атмосферы рассказов С. Пестунова играет синтаксис, который традиционно используется автором «как средство экспрессивного выделения каких-либо предметов, признаков, действий, как прием косвенной символизации сопутствующего описываемым или повествуемым объектам общего настроения – например, грустно-лирического, взволнованно-тревожного, торжественно-патетического и т.п. или как своего рода техническое средство (как у художника – краски) для создания описательных «полотен» с большей или меньшей степенью детализации изображаемого, для рассказа, повествования о событиях, которые развиваются либо стремительно, быст-

ро, либо, наоборот, неторопливо, медлительно» [Иванчикова, 1977, с. 210].

В основном в рассматриваемом виде рассказов употребляются традиционные средства изобразительного синтаксиса – такие как акцентирующие повторы, перечислительные ряды однородных членов, разнообразные ритмообразующие средства (инверсии, параллелизм строения следующих друг за другом фраз и др.), комбинации разных приемов изобразительного синтаксиса.

Часто в речевой обрисовке изображаемого объекта основная роль принадлежит не синтаксису, а, например, лексике, фонетическим средствам языка. В следующем отрывке – отображение состояния души героя, разрывающегося между городом, в котором он живет с постылой женой, и родным селом, где ждет его возвращения «засидевшаяся в девках агрономша Любка»: «*Он услышал их и остался стоять посреди просыпающейся улицы все еще чужого и душного города. Ему просто не верилось, даже показалось, что мерецится чудо, продолжает сниматься родное село...*

Голубые птицы детства невидимыми звонарями заполнили городское пасмурное поднебесье, чтобы снова оживить в груди святую тревогу.<...>

Жаворонки пели невообразимым голубым хором, в такт этим трелям лопотали пробудившиеся тополя, заиграли веселыми бликами окна, и даже рык проезжающих мимо машин не омрачал эти солнечные звуки. Когда небо поет, и душа просветляется (рассказ «Жаворонки над городом») [Пестунов, 1979, с. 208-209].

Здесь полярные чувства Василия рисуются семантикой самих слов, называющих с одной стороны негативные признаки города (чужой, душный, пасмурное поднебесье, рык машин), а с другой – состояние «святой тревоги», овладевшей героем при звуках песни жаворонков (чудо, голубые птицы детства, невообразимый голубой хор, лопотали тополя, заиграли веселыми бликами, солнечные звуки, небо поет, душа просветляется).

Синтаксис в данном случае играет вспомогательную роль. Неожиданность, внезапность возникновения «разлада» в душе героя под впечатлением пения жаворонков рисуется коротким, лаконичным первым предложением. Состояние «остолбенения» поддерживается и углубляется вторым предложением, где отсутствие подлежащего создает эффект недосказанности и растерянности.

В некоторых других случаях синтаксис в рассказах С. Пестунова выполняет роль основного изобразительного средства. В рассказе «Прощанье» слово «горе», поставленное приемом повтора в акцентированную

позицию, становится смысловым центром всего абзаца: «*Алексей, весельчак и балагур, бледный, покрытый испариной, старался изо всей моченъки на своей русской голосухе – гармонике расплескать весь этот разноголосый вой. Силился заглушить, заткнуть развеселыми переборами зевастое горло нахлынувшему на сельчан горю. Но горе продолжало расти, дыбиться»* (рассказ «Проводы») [Пестунов, 1979, с. 86].

В рассказе «Цветы ко дню рождения» отрывистые короткие фразы передают чувство горечи, охватившей автора, крайнюю степень его усталости, возникшей от постоянного столкновения с людской злобой: «*Вот и все. Не надо никакого деревянного креста и даже ржавых гвоздей в запястья: пусть лежат эти цветы, не поставленные в банку с водой, и злая записка под ними... И этого уже достаточно, чтобы распнуть душу...*

Боже! Что же мы за люди?!» [Пестунов, 1997, с. 90].

С. Пестунов обильно насыщает тексты своих рассказов различными типами восклицательных фраз (формами экспрессивного синтаксиса), передающими эмоциональное состояние автора, героев или их эмоциональное отношение к происходящим событиям: «*Вот в этом боярышнике я поймал когда-то лисенка. Радости-то сколько было!*» (рассказ «Ах ты степь, ты степь...») [Пестунов, 1979, с. 6]; «*Ну, как же я могу обидеть маму! Я, конечно, ем все, что приготовили ее ласковые руки. Ах, какое наслаждение!*» [Пестунов, 1979, с. 7]; «*Зато хорошо Николай запомнил войну. А кто ее может забыть, если прикоснулся к ней, хотя и жил в далеком тылу!*» [Пестунов, 1979, с. 9]; «*Но сельчане на этом не смирились: принцип на принцип, коса на камень! <...> Такой уж они закваски и норова, такого характера. Один за всех, все за одного!*» [Пестунов, 1979, с. 118].

Придает рассказам лирический характер, усиливая живописующую функцию, традиционный прием насыщения текста рядами однородных членов-эпитетов: «*дети его веселы и добродушины, отзывчивы и просты*», «*люди... чистые, доверчивые, добрые, как веинее тепло, несущие и святые даже в своих грехах, справедливые в любых своих поступках*», «*песенная, чудная, родниковой прозрачности любовь*», «*глаза голубые да тихие, ровно заводь енисейская*». С. Пестунов охотно «украшает» свое повествование многочисленными олицетворениями: «*мороз в окнах кружева вяжет да дремучую тайгу рисует, дымок из труб синими столбами небо подпирает*», «*ждут меня горячие блины, парное молоко*», «*медведем навалилось горе*», «*каждая травинка умывается росой*», «*заря взлетела рыжим петухом на хребет Змеиной горы*», «*ворковала весна*», «*о чем-то шептались черемуха с тополем*». А любимым из его тропов можно по праву назвать сравнение: «*горочка, как треснутое яйцо*».

цо», «водокачка... облепленная голубями, как рыба чешуей», «дворняги, как медведи, лохматые, здоровенные», «кобель... рыжий, как огонь», «дед... как воробей под стрехой» и т.д.

Интересно проследить функции, исполняемые вещами в разных типах рассказов С. Пестунова. В частности, его лирические рассказы наполнены вещами-знаками, вещами-символами: гармонь-голосуха Василия Смелого, являющаяся в начале рассказа его неразлучной подругой, в конце заменяет безъязыкому Василию голос (рассказ «Чудный месяц» из одноименного сборника) [Пестунов, 1982]. Значимость вещей автор еще больше подчеркивает, вынося их в заглавие произведения: рассказ «Пастебуха» (пастебуха – символ одиночества, оторванности от людей для Семена Дрыги), рассказы «Васенины подсолнухи», «Цветы в оконной раме» (цветы как символ любви героев).

Эпичность рассказа проявляется в широком охвате действительности, повествовании о большом отрезке человеческой жизни, прослеживании пути развития личности персонажей, преобладании в нем повествования над изображением. Поэтическая сторона деревни в подобных рассказах отходит на второй план, изображается трудная, иногда трагическая жизнь военной и послевоенной деревни, глубокие нравственные конфликты. И поставленные в них сложные проблемы духовной жизни исследуются и анализируются писателями через человеческие характеры.

Эпический подход к осмыслиению жизни характерен и для многих рассказов о войне, но если в рассказах 40-х – начала 50-х годов господствовал героический пафос, изображалось мужество защитников родины, то в произведениях более позднего времени, таких, как «Индия», «Ясным ли днем», «Жизнь прожить» В. Астафьева, «Красное вино победы», «Шопен, соната номер два» Е. Носова, «Миль пардон, мадам!» В. Шукшина, остро ставится проблема духовных утрат, понесенных людьми из-за войны.

Жестокий трагизм войны, ее влияние на личность, судьбу и жизнь человека раскрываются в рассказах С. Пестунова «Юбилейная медаль», «Песня отца», «Шаровая молния», «Когда молчали жаворонки» и многих других. Эпическая природа проявляется в творчестве С. Пестунова, когда в характерах и судьбах людей деревни, воссозданных во всей их сложности, утверждаются нравственно-этические ценности. Часто героями рассказов являются старики, выступающие как хранители крестьянской, общечеловеческой морали, а их прожитая жизнь имеет огромный поучительный смысл.

Фаина – героиня рассказа «Кукушка в сердце» – родилась в день, когда пришла похоронка на отца. Рассказывая об этом, автор украшает

свою речь элементами фольклорно-повествовательного стиля. «*Укрыв дочурку кожухом, не знала мать, не ведала, что ждет ее дома похоронка на мужа, эта самая страшная бумага войны, что воронье крыло над умершим. А когда приехала с поля домой с новорожденной, ее добрая свекровь металась, что залетная птичка в силках, не знала, как ублажить дорогой невестушке, не знала, как отвести от ее чуткого, ранимого сердца такую черную смертельную беду <...> Пошла невестку мыть да обихаживать, а у самой-то ноги от горя подсекаются, язык спекся за зубами, губы от жара потрескались, глаза умольно что-то просят, к Богу обращаются, иконы ласкают. Невестка чуткая все видит, сердце в догадках усмиряет, а оно все равно прыгает в груди тревожно, больно, до ребер достает, вот-вот высокочит наружу, чего-то страшное вещует, неотвратное...*» (рассказ «Кукушка в сердце») [Пестунов, 1997, с. 75]. Показателем фольклорно-повествовательного стиля в приведенном отрывке является и строение предложений – конструкции с двумя или несколькими однородными сказуемыми, обрамляющими подлежащее. Одно из сказуемых выносится в начало предложения перед подлежащим, остальные следуют после него.

Подобные отрывки, отличающиеся законченностью формы и своеобразным ритмико-интонационным рисунком, встречаются в рассказе в самые драматичные моменты: сошедшая с ума мать взбирается ночью с привязанной вожжами к спине Фаей к кресту «*на самой большой луковице церкви, до бога, до самого сотворителя, к самым звездам, чтобы показать ему дочь свою, чтобы он увидел очами своими, какая она у нее красивая и хорошая, рожденная в любви и ласке, от суженого, богом дарованного мужа, чтобы спас ее он от лютых врагов, каждую ночь наседавших на нее*» [Пестунов, 1997, с. 76-77]; убивает во время помутнения рассудка собственного зятя. Эти лирические отступления напоминают плачи-причитания, свойственные речи рассказчика из народа, и характеризуются наличием постоянных эпитетов и определенных фразеологических оборотов, присущих просторечной лексике.

Так причудливо переплелись в судьбе Фаины смерть любимого мужа, самоубийство матери и давно прошедшая война: «*Я еще родиться не успела, а фашисты для меня готовили беду неизживную, – завершает она рассказ о своей судьбе. – И пуля их в моем сердце до сих пор сидит. Вот беду они какую нашим людям принесли...*» [Пестунов, 1997, с. 84].

Широко использует С. Пестунов и прием повтора. Актуальность этого приема подчеркивает в своей статье литературовед Е. Иванчикова, говоря о том, что «благодаря своей синтаксической

гибкости и практически неограниченной вариативности этот способ экспрессивно-смысловой акцентуации свободно включается в контексты самой разной тональности» [Иванчикова, 1977, с. 211-212].

Яркой иллюстрацией может послужить отрывок из вышеупомянутого рассказа «Кукушка в сердце»: «*Марии Ивановне всегда казалось, что вот-вот придет и обнимет ее незабвенный Александр, что вот-вот, только надо ждать-ждать, улыбнется он ей своей приветливой улыбкой, и будут они вместе навсегда. Но только надо ждать, только ждать. И ждала солдата, вот уже двадцать с лишним лет ждала...*» [Пестунов, 1997, с. 80].

Мелодика этого отрывка как бы имитирует неспешное течение времени, заполненного лишь утомительным, непрерывным, неустанным ожиданием возвращения любимого с войны.

Прием повтора усиливает контраст между предгрозовой тишиной в начале и радостным звучным финалом рассказа «Когда молчали жаворонки»: «*Я почему-то обратил внимание на то, что все в округе молчит. Молчит тревожно. Молчит страшно. Молчали женщины, молчал Иван Скотников, молчали волокушники и грабельщицы. И самое печальное – молчала степь*» [Пестунов, 1979, с. 100]; «*А дождь все шел и шел, и пели жаворонки. Люди слушали шум дождя, и песни веселых птиц. Никому не хотелось зла. Все были добрые, разговорчивые. Жаворонки пели, как не пели, казалось, за все это лето*» [Пестунов, 1979, с. 104].

Правдиво воспроизводит С. Пестунов в своих эпических рассказах далекие военные воспоминания. Непомерная тяжесть свалившейся на женские и неокрепшие детские плечи работы воссоздается семантикой самих слов: «*Бабы осторвлено, с широким размахом втыкали вилы в копны пересохшего сена. Оно хрустело и трескалось, как мелкое стекло. Натужно поднимая навильники над головой, женщины, пошатываясь, несли сено на зарод*» (рассказ «Когда молчали жаворонки») [Пестунов, 1979, с. 99].

Затронул автор и проблемы национального характера. Преемственность поколений – тема, довольно часто встречающаяся в его эпических рассказах. Показателен разговор автора с отцом:

«*Батя, подавая мне конфеты в хрустящих бумажных обертках, говорил:*

– Главное, во всем будь мужчиной. Вырастешь, не обижай слабых, особенно женщин. И ничего никогда не бойся. Страх – это, сынок, гадость. <...> И не жмурь глаза. Пусть даже слезы, как искры, из глаз, но никогда их не жмурь. На все смотри прямо и честно. <...> Вот так-то, дружице! И грома не бойсь. Если ты грешен, он

тебя и под горшком убьет. Потому в открытую живи» (рассказ «Шаровая молния») [Пестунов, 1979, с. 89-90].

Распространенной в эпических рассказах С. Пестунова является сюжетно-композиционная функция вещей. В рассказе «Юбилейная медаль» рукоятка трактора, «убившая» Полю Вострикову, рисуется автором как нечто живое, получая такие эпитеты как «постылая», «гадюка» и т.д. Детское сознание Сережи находит понятное для него сказочное сравнение: *«рукоятка, откованная в кузнице неумелой женой кузнеца Матреной, была что клюка бабы-яги. На конце острыя, сама шершавая, как неоструганная кочерга»* [Пестунов, 1979, с. 201].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что для творчества С. Пестунова характерна ярко выраженная установка на поэтизацию быта. Понятие «лирический рассказ» включает не только выражение чувств, переживаний, тип повествования, характеризующийся исповедальностью, наличием ярко выраженной авторской речи, но и комплекс вопросов, объединенных вокруг центральной проблемы личности. Генетика лиризма прозы С. Пестунова – в самом складе его мышления, которое изначально было поэтическим. Поэтому не просто провести четкую границу между лирическим и эпическим началами его прозы. Эпическим рассказам С. Пестунова присущ определенный тип проблематики, традиционно относимый исследователями к эпическим рассказам: проблемы национального характера, взаимоотношения человека и мира, человека и природы, народа и истории. Вся его проза пронизана авторскими чувствами и переживаниями, идущими из глубин сердца и разума. Эпичность и лиризм придают творчеству С. Пестунова и стремление к циклизации – подспудное желание автора объединить все свои прозаические произведения в один большой роман.

Литература

- Бальбуров Э.А. Лирическая проза в литературном процессе 1950-1960-х годов // Русская литература. 1979. № 2.
- Иванчикова Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной русской художественной литературы: проза. М., 1977.
- Минералов Ю.И. История русской литературы: 90-е годы XX века. М., 2004.
- Пестунов С.А. Жизнь бы текла да людей радовала: повести и рассказы. Абакан, 1997.
- Пестунов С.А. Сватова деревня. Красноярск, 1979.
- Пестунов С.А. Чудный месяц. Красноярск, 1982.

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЗЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ: ДИАЛОГ С «ОПОЗДАВШИМ СОБЕСЕДНИКОМ»

A.A. Суворов

Ключевые слова: авторская стратегия, внутритекстовый автор, проблема читателя.

Keywords: interactive strategy, inline author, problem of the reader.

Литературный процесс конца XX–XXI веков характеризуется, среди многих других параметров, процессами соприкосновения с коммуникационными системами и новыми медиа¹. Среда, которая обуславливает информационные возможности и запросы потенциальной аудитории, как правило, рассматривается литературоведением в качестве историко-культурного контекста произведения художественной словесности. Однако она влияет и на внутренний мир литературного текста, во многом определяя структуру его поэтики. В частности, именно система доступных массовому читателю коммуникационных активов (уровень образования и языковых компетенций, специфика информационных запросов и интересов) определяет принципы восприятия художественного произведения. Образ читателя («М-Читатель» по У. Эко) уже «заложен» в литературном сюжете, именно его автор эксплуатирует в качестве идеального собеседника. Интерактивные² составляющие поэтики могут быть рассмотрены как маркеры авторской стратегии взаимодействия с потенциальным читателем – a priori «настроенной» на определенный тип восприятия. Проверить предложенную гипотезу нам поможет творчество одного из наиболее обсуждаемых и признанных отечественных писателей рубежа XX–XXI веков – Татьяны Никитичны Толстой. Необходимо уточнить, что (помимо литературного по-прища) Т. Толстая – успешный блогер³, телеведущая⁴,

¹ Разработкой комплекса научных проблем, связанных с развитием «новых медиа», занимаются ученые по всему миру (см.: [Засурский, 2005], а также тематический раздел «Медиаконвергенция» электронного научного журнала факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова «Медиаскоп» (<http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/411>)).

² Интерактивным ресурсам художественного текста посвящена статья В.В. Прозорова [Прозоров, 2010, с. 9–29].

³ Татьяна Толстая ведет блог на платформе «Живого журнала», а также аккаунт в социальной сети Facebook.

⁴ Наибольшей популярностью среди телезрителей пользовался проект «Школа злословия» (телеканалы «Культура» и «НТВ»); см. раздел программы на сайте телеканала НТВ (<http://www.ntv.ru/peredacha/shkola/last23628772/>).

журналист¹ и (эпизодически) литературный и медиакритик².

В литературных произведениях Т. Толстой нас будут интересовать «системы читательской направленности» [Прозоров, 2010, с. 9–29], то есть те элементы поэтики, которые могут прямо или косвенно характеризовать взаимоотношения «автор – имплицитный читатель» (вслед за У. Эко [Эко, 2005, с. 23–24] названную систему мы будем изучать, применяя термин «авторская стратегия»). В литературоведении существует устоявшееся представление о текстовых модальностях – уровнях контакта произведения и его предполагаемого читателя: «внимание – текстовая модальность, побуждающая читателя – зрителя – слушателя как можно экономнее и органичнее «войти в произведение», попасть в его ритм, понять и принять художественные условия данного рода (жанра) художественного высказывания; соучастие – свойство текста вызывать более или менее устойчивые и интенсивные сопереживания (соразмыщения), связанные с отраженной и выраженной в нем художественной реальностью; открытие – вызванный (спровоцированный) совершенным текстом, подготовленный всей его (торопливой или нарочито замедленной) сюжетной динамикой взрыв очищения, обновления, потрясения» [Прозоров, 2010, с. 19]. Предложенную В.В. Прозоровым систему мы используем в качестве отправного методического принципа, позволяющего идентифицировать и систематизировать (в пределах доступного) такие компоненты поэтической структуры литературных текстов, которые могли бы, будучи осмысленными в комплексе, охарактеризовать авторскую стратегию, реализованную в произведениях Т. Толстой конца ХХ–XXI веков.

Начиная говорить об уровне внимания, обратимся к сборнику рассказов, статей, эссе и интервью «Не кысь». Он включает значительный объем прозаических произведений автора, написанных в рамках интересующего нас периода³. Коммуникативный успех, то есть максимальное вовлечение вероятного читателя в художественный мир или другую (созданную писателем) реальность, возможен лишь при условии выбора удачной формы первого контакта – «крыльца и дверей» текста. Рассматривая заголовочные конструкции и композиционные

¹ Татьяна Толстая в разное время сотрудничала с различными зарубежными и отечественными изданиями, среди которых: газета «Московские новости», журналы «Столица», «Русский телеграф» и «Контрапункт».

² Среди журнальных и газетных публикаций Толстой – аналитические отзывы на телевизионные передачи, новые литературные произведения и англоязычные переводы русских книг.

³ В сборник, что явствует из заглавия, не вошел роман «Кысь».

«завязки» рассказов Т. Толстой, мы обнаружим замечательные системно проявляющиеся особенности, позволяющие идентифицировать одну из авторских стратегий писателя (метод активизации читательского внимания).

Рассказ «Окошко»: *«Шульгин часто, раз в неделю уж непременно, а то и два, ходил к соседу играть в нарды. Игра глуповатая, не то что шахматы, но тоже увлекательная. Шульгин сначала стеснялся немножко, потому что в нарды только чучмеки играют, – шеш-беш, черемша-урюк, – но потом привык. Сосед, Фролов Валера, тоже был чистый славянин, никакой не мандаринщик. Кофе сварят, все интеллигентно, и к доске. Поговорить тоже. – Как думаешь, Касьянова снимут?»* [Толстая, 2013, с. 7]. С первых строк читателю предлагается «заглянуть в окно» частной жизни персонажей рассказа. Важно, что жизнь этих людей (даже после нескольких бытовых подробностей) можно безошибочно определить как типично российскую. Благодаря упоминанию фамилии председателя Правительства Российской Федерации, мы можем довольно точно определить и время событий (с 2000 по 2004 год). Для нас важен не только «соседский» типаж героев, но и языковые приемы, точно подобранные автором для *обильно быстрого* введения потенциального читателя в мир рассказа. Просторечные звукоподражательные формы («шеш-беш») и граничащие с оскорблением характеристики («мандаринщик», «чучмеки») дают возможность наметить речевой портрет автора: этот человек совершенно не выделяется из описываемой среды, страдает от тех же невзгод и, что называется, ходит теми же маршрутами.

Подобный тип завязки мы обнаружим и в рассказе «Милая Шура»: *«В первый раз Александра Эрнестовна прошла мимо меня ранним утром, вся залитая розовым московским солнцем. Чулки спущены, ноги – подворотней, черный костюмчик засален и протерт. Зато иляна!... <...> Ей девяносто лет, подумала я. Но на шесть лет ошиблась»* [Толстая, 2013, с. 23]. Далее читатель знакомится с обстоятельствами жизни Александры Эрнестовны и ее (эпизодической, но запоминающейся) роли в судьбе самого автора. В первой же строке нам предлагается опосредованное знакомство с Александрой Эрнестовной. И в первых же строках автор отмечает все возможные сомнения в «подлинности» персонажа. Это типичная пожилая москвичка, прожившая девять десятков лет именно здесь – в той же стране и городе, что и автор. Она одна из многих, но именно с ней читатель, практически того не заметив, уже познакомился. Доверительный тон, сниженная лексика – все эти повествовательные методы создают эффект давнего знакомства не только с персонажем, но (неожиданно стремительно) и с читателем: в

такой раскрепощенной языковой форме на такие – неформальные – темы не рассуждают с коллегой или незнакомцем.

Следующий текст в сборнике «Не кысь» (мы используем метод сплошной выборки) – рассказ «Факир»: «*Филин – как всегда, неожиданно – возник в телефонной трубке и пригласил в гости: посмотреть на его новую пассию*» [Толстая, 2013, с. 34]. Повествование – изобилующее бытовыми подробностями воспоминание об удивительном шарлатане – начинается «на ходу». Читатель словно бы опоздал на дружескую встречу, а прибежав, начал старательно улавливать суть начавшегося без него диалога. На его появление «не обратили внимания» специально – в качестве дружеского порицания за задержку, но тона и темпа разговора автор не сменил, ведь «опоздавший собеседник» – не посторонний человек. Значимая художественная деталь: Филин оказывается человеком, относящимся к общему кругу знакомств автора и «опоздавшего» на встречу читателя. Нужно отметить, что роль воспринимающего текст идентифицируется в качестве «уже состоявшегося» знакомого. При этом такой статус определяется естественно, без давления или напряжения – с помощью художественной детализации («новая пассия») и языковых средств («возник в телефонной трубке», «как всегда»). Чтобы проследить системно проявляющиеся черты диалога «автор – читатель» в малой прозе Т. Толстой, необходимо сделать еще несколько выписок.

Продолжим применять принцип последовательного рассмотрения цикла и обратимся к композиционному «старту» рассказа «Лимпопо»: «*Могилку Джуди в прошлом году перекопали и на том месте проложили шоссе. Я не поехала смотреть, мне сказали: так, мол, и так, все там уже закончено, машины шуршат и несутся, в машинах дети едят бутерброды и собаки улыбаются, проносясь в охапку с хозяйствами – мелькали и нету. Что мне там делать?*» [Толстая, 2013, с. 57]. Текст знакомит читателя с воспоминаниями о Джуди, ее потенциальных женихах и многочисленных деталях распространенного в советское время коммунального быта. Кроме нарочитого несоответствия названия (река в южной Африке, ассоциирующаяся со сказочной южной страной) и мотива смерти, с сообщения о которой и начинается рассказ, необходимо обратить внимание на бытовую интерпретацию неизбежного конца человеческой жизни. Словоформа «могилка», а также следующая за ней конструкция из местоимений и частицы «так, мол, и так» – маркеры разговорной речи¹. Впечатление усиливают детали: «машины шуршат и

¹ Результаты запроса «мол» (второе значение) // Грамота.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%EC%EE%EB>

несутся, в машинах дети едят бутерброды и собаки улыбаются». Эти образы фокусируют внимание читателя на кощунственном (но реально существующем) жизненном укладе и пробуждают эмоциональное соучастие. Уже второе предложение «передает» потенциальному читателю ощущение безысходности и сожаления. Именно таков эмоциональный фон завязки рассказа. Парадоксальное совмещение смерти и жизни, шире – противопоставленных явлений, мы встретим во многих произведениях Т. Толстой. Такова же природа грустного (порой даже «черного») юмора писательницы.

Сформулированное наблюдение о юморе подтверждается текстом рассказа «Охота на мамонта»: *«Красивое имя – Зоя, правда? Будто пчелы прожужжали. И сама красива: хороший рост и все такое прочее. Подробности? Пожалуйста, подробности: ноги хорошие, фигура хорошая, кожа хорошая, нос, глаза – все хорошее. Шатенка. Почему не блондинка? Потому что не всем в жизни счастье. Когда Зоя познакомилась с Владимиром, тот был просто потрясен. Ну, или, во всяком, случае, приятно удивлен. – О! – сказал Владимир»* [Толстая, 2013, с. 115]. Кроме отмеченного ранее набора языковых средств (разговорные конструкции – «все такое прочее»), в этом тексте мы обнаруживаем еще один прием активизации *внимания* потенциальному читателю. «Охоту на мамонта» автор начинает с диалога, требующего включеного участия воспринимающей стороны. На деле автор угадывает вопросы собеседника («как бы» слышит их и отвечает), то есть формирует иллюзию полноценного интерактивного взаимодействия. Если в процитированных выше произведениях потенциальный читатель занимал позицию «условно опоздавшего» участника дружеского разговора, то теперь автор изменяет правила литературной игры и напрямую объясняет, почему вымышленный персонаж – шатенка, а не блондинка. Безусловный комический эффект провоцирует первая реплика Владимира, она же уравновешивает совершенный автором выход за пределы литературной условности, переключая внимание читателя на диалог персонажей.

Прямой контакт с «опоздавшим собеседником», имитация разговорной речи и шутливо-фамильярная техника повествования – эти черты художественного стиля Т. Толстой достигают точки фокусировки в одной фразе, являющейся и экспозицией, и завязкой композиционной системы рассказа «Спи спокойно, сынок»: *«У Сергеевой тещи в сорок восьмом году сперли каракулевую шубу»* [Толстая, 2013, с. 126]. Анекдотично-афористичный характер литературного высказывания определяется не только самой темой (кражи одежды), но и лексическим рядом

(во главе которого разговорно-сниженное «сперли»¹). Быт можно считать центральной линией рассказа, он уже определил персонажей (Сергей и его теща), временные ориентиры (страшное событие произошло явно в XX веке, то есть в 1948 году) и ценностную шкалу (архетипически дорогой статусный предмет одежды – каракулевая шуба – остается в памяти и по прошествии десятков лет). Предметный мир поглощает персонажей, события, эпохи. Течение жизни подчиняется именно логике рутинных действий человека, а не его «пиковых» поступков. Автор развивает эту тематическую линию от текста к тексту: цикл «Не кысь» продолжает рассказ «Круг», первая – афористичная – фраза которого: «*Мир конечен, мир искривлен, мир замкнут, и замкнут он на Василии Михайловиче*» [Толстая, 2013, с. 137]. Здесь также читателя ждет история типическая, главный герой которой – «несогласный» со сложившимися обстоятельствами и уже прожитой жизнью «маленький человек». Фантасмагорическая история подходящей к своему завершению биографии Василия Михайловича с ее любовной составляющей снова демонстрирует глубокую, непреодолимую зависимость человека от традиционных поведенческих моделей. Быт не отпускает, не дает возможности вырваться из пресловутого «Круга». Персонаж «замкнут» в надындивидуальном сюжете, который, в свою очередь, согласно сформулированным автором законам художественной логики, не имеет ответвлений или вариаций. Василия Михайловича, несмотря на все усилия, ждет типовой финал. Аналогично реализуется этот мотив – «замкнутой жизни» – в романе «Кысь»: «*И стоишь. И думаешь: куда же я иду-то? Чего мне там надо? Нешто там лучше? И так себя жалко станет! Думаешь: а позади-то моя изба, и хозяйка, может, плачет, из-под руки вдаль смотрит; по двору куры бегают, тоже, глядишь, истосковались; в избе печка натоплена, мыши шастают, лежанка мягкая...*» [Толстая, 2010, с. 11]. Так рассуждает герой о потенциальной возможности расставания с привычной жизнью. Автор не скрывает оценочных элементов в описании условной «постапокалиптической» художественной действительности – легко считываемой грустной пародии на объективную социальную реальность. Саму мысль о разрыве бытового шаблона Бенедикт изначально отвергал как крамольную и предельно опасную, демонстрируя привитое с детства общинное поведение. Поведенческая модель персонажей романа поз-

¹ Результаты запроса «спереть» // Грамота.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovare/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%F1%EF%E5%F0%E5%F2%FC>

воляет нам отнести их к галерее образов, представленных в сборнике «Не кысь».

Используемый нами метод сплошной выборки (мы следовали за логикой расстановки рассказов внутри сборника) позволяет сделать промежуточные выводы о специфике авторской стратегии, реализованной в прозе Т. Толстой, в той части ее многообразного функционала, которая связана с текстовыми модальностями внимания и соучастия. Однако, для соблюдения принципа доказательности, приведем еще несколько текстовых примеров, подтверждающих отмеченные выше функциональные особенности: типажи героев, элементы быта, стилевая природа авторской речи.

Укажем (используя полужирное выделение) на очередное молниеносно-быстрое знакомство читателя с героем рассказа «Поэт и муза»: *«Нина была прекрасная, **обычная** женщина, врач и, безусловно, заслужила, как и все, свое право на личное счастье»* [Толстая, 2013, с. 150] (выделено нами. – А.С.). Интерактивное взаимодействие с другом-читателем продолжается и в рассказе «Огонь и пыль»: Интересно, где теперь безумная Светлана по прозвищу Пипка, та, про которую одни с беспечностью молодости говорили: *«Да разве Пипка – человек?», а другие возмущались: «Что вы ее к себе пускаете? Книги бы поберегли! Она же все растищит!»* [Толстая, 2013, с. 164]. Дачный быт (одна из постоянных тем в творчестве Т. Толстой) является полноправным (а может быть и главным) персонажем текста «Пламень небесный»: *«Этот Коробейников, он приходил на дачу из соседнего санатория. Его там оперировали по поводу язвы»* [Толстая, 2013, с. 179]. Суммируем наши наблюдения.

Основными смысловыми параметрами вводных конструкций художественных текстов Т. Толстой (преимущественно малых прозаических форм) можно назвать:

- повседневный быт как один из определяющих художественную реальность компонентов: рутинные жизненные процессы поглощают героев и всесторонне определяют их;
- язык повествования изобилует разговорной, просторечной и сниженной лексикой; тон обращения автора к потенциальному читателю – прямолинейный и предельно внятный – формирует позитивную коммуникационную среду, сводящую к минимуму конкретно-смысловые разнотечения;
- фабула повествования прямо или подспудно связана с личной (частной) историей, которая и становится поводом для «знакомства» читателя с персонажами и мгновенного перевода диалога в сферу дружеского доверительного общения.

В прозе Т. Толстой интимная, изобилующая реалистичными подробностями – создающая эффект документального повествования – история становится достоянием «избранного» читателя. Автор использует прием персонального обращения и делится со своим собеседником закрытой от невнимательных и ничего не замечающих лиц информацией; так создаются условия для уникального, возможного только в условиях полного взаимопонимания, диалога. У Т. Толстой «посторонним вход» – как это ни парадоксально – разрешается. Только понятия «посторонний» в системе интерактивных отношений автора и имплицитного читателя не существует, а точнее – не предполагается.

Рискованная авторская стратегия предполагает, что потенциальный читатель, под которым буквально «проводится пол» рассказа (заглавие и стремительная завязка повествования), с первых строк поглощен текстом на уровне внимания. При этом другая реальность – художественный мир истории, свидетелем которой «опоздавший собеседник» столь быстро (почти помимо своей воли) стал – не мыслится без его активного участия; произошло погружение в тот самый, знакомый читателю мир – пространство его собственных воспоминаний: его страна, его квартира и дача, его соседи и так хорошо знакомые городские улицы. Отказаться от точно подобранных бытовых деталей нет никакой возможности, ведь такой отказ (провал идентификации) полностью лишит смысла жизненный опыт самого читателя. Именно здесь кроется главный риск авторской стратегии. Он связан с необходимой для старта интерактивных отношений «автор – читатель» идентификацией вещного мира, который обрамляет глубинные смыслы прозы Т. Толстой, как своего. Очевидные риски можно связать и с возрастом потенциальной аудитории (которая может не опознать многочисленных деталей советского и постсоветского быта).

Прежде чем перейти к анализу системы интерактивного контакта автора с потенциальным собеседником на уровне открытия, отметим, что обозначенные риски уравновешиваются точным и, безусловно, талантливым подбором тем, портретных характеристик и языковых средств. Художественный мир произведений Т. Толстой выстроен как интерактивная модель отечественной исторической реальности, соприкосновения с которой подавляющая часть русскоязычной читательской аудитории конца XX–XXI веков избежать никак не могла. Удивительным образом авторская стратегия взаимодействия с предполагаемым читателем, идентифицируемая в рассмотренных текстах, совмещает уровни внимания и соучастия, сливает две текстовых модальности воедино, а точнее, предопределяет следующую ситуацию: уровень внимания властно требует от читателя соучастия.

Устремление авторского внимания в прошлое – один из ключей к пониманию системы факторов, обуславливающих «включение» модальности открытия. Комплексное воздействие на читателя можно охарактеризовать метафорой – лоскутное одеяло множества историй об известном заранее. Почему известном? Дело в том, что автор зачастую апеллирует к реальному опыту обширных сегментов аудитории – к тем ячейкам коллективной памяти, которые и представляют собой комплекс надындивидуальных черт, формирующих массовое сознание (от тех, кто был свидетелем политики времен Касьянова, до всех жителей коммуналок и владельцев летних дач). Галерея образов «маленьких людей» с их маленькими, но полными драматизма судьбами создает иллюзию постоянного незримого (и до знакомства с текстом неприметного) присутствия автора в жизни читателя.

Переход от описания событий или передачи прямой речи к элементу композиции, традиционно именуемому в литературоведении «лирическим отступлением», в прозе Т. Толстой плавен и трудноуловим (осуществляется по законам «нечеткой логики» [Прозоров, 2005, с. 11–14]). Но именно от точного определения «точки равновесия» в балансе различных композиционных и поэтических структур зависит наше понимание принципов построения авторской стратегии на самом сложном ее уровне (модальности открытия).

Попробуем проследить искомый повествовательный «переход» из одного состояния в другое (рассказ «Лимпопо»): «*Прощай, Джуди, скажу я ей, не ты одна пропала ни за гроши, пропадаю и я, все звери моей породы разбежались кто куда – ушли за зеленые летейские воды, за стеклянную стену океана – он не раздвинется, чтобы дать проход; кто зазевался – подстрелен, охотники славно поохотились, усы их в крови, и к зубам прилипли свежие перья; а те, что прыснули во все стороны в отчаянной жажде выжить, – поспешно переоделись в чужие шкуры: прилаjkивали рога и хвосты у осколков зеркал, натягивали перчатки с когтями, и теперь уже не отодрать бутафорскую, мертвую шерсть*» [Толстая, 2013, с. 76–77]. Выстраиваемый автором ассоциативный ряд предполагает цепочку соответствий: во-первых, указание на близости судьбы персонажа (даже в самых причудливых преломлениях) и жизненного пути самого автора; во-вторых, вовлечение в эту же цепочку ассоциаций личности читателя, который уже не воспринимается как сторонний наблюдатель. Самоотчет автора – в данном случае – максимально откровенен. Подтверждением тому служат скрытые на втором смысловом плане библейские («стена океана», которая не раздвинется) и мифологические («летейские воды») аллюзии. Здесь же и логика исторических перевоплощений: «кто за-

зевался – подстрелен» (попал «под колеса» истории), «а те, что прыснули во все стороны в отчаянной жажде выжить – поспешно переоделись» (жизнь в политических условиях, вынуждающих изменять себе ради выживания). Безрадостное, но предельно откровенное признание – именно к этой идеи ведут смысловые линии сюжета. Открытие, совершаемое вовлеченным в ход сюжета и сопереживающим герою (необходимое условие) читателем, назовем «двойным осознанием». Оно случается вслед за авторской самоидентификацией: «история» персонажа не просто вымысел, это наша – общая – жизнь. Приобщение читателя к исповеди уже случилось (условием тому стали модальности внимания и соучастия, которые должны были либо состояться, либо «сбросить» собеседника), потому неизбежна идентификация читателя с происходящим «на экране творческого воображения». Если воспринимающее текст сознание комфортно ощущает себя в статусе доверительного собеседника, то линия интерактивного полилога (автор – персонаж – воспринимающее сознание) выстраивается естественным образом, что и является условием перехода к уровню открытия.

Сложный комплекс элементов поэтики, способных «привести» читателя к открытию, включает еще один принципиально значимый параметр – условное время художественной реальности. Одна из характерных особенностей авторской стратегии Т. Толстой – обращение к прошлому. Время «работает» в поэтике ее текстов как форма психологического эксперимента – погружения читателя в пространство общей памяти (коллективного сознания). Автор активизирует такие исторические маркеры, которые понятны и близки гигантским людским массам, пришедшим вместе со своей эпохой к рубежу XX века (рассказ «Йорик»): *«Бабушка устыдилась и согласилась на прямую планшетку; портниха набрала кусочков изо рта серого К., а может, гладкого К., а может,олосатика, и вшила в бабушкин корсет <...> и головы поворачивались ей вслед, и сердца бились, и она неосторожно и опасно полюбила, и вышла замуж, и началась война, а потом революция, и она родила папу, – в день, когда строчил пулемет из тумана, – и волновалась, и забаррикадировала матовое окно ванной, и бежала на юг, и ела виноград, а потом опять застрочил пулемет, и она снова сбежала на последнем пароходе...»* [Толстая, 2013, с. 344–345]. В процитированном отрывке предложен код, открывающий «своему» читателю (прошедшему «проверки» на внимание и соучастие), доступ к глубинным смысловым уровням прозы Т. Толстой. Гигантский объем подробностей полной перипетий жизни бабушки, постоянно перемежаемый ненужными, казалось бы, де-

талями («ела виноград, а потом опять застрочил пулемет») – совершенно несоразмерными по значению с пунктирно переданными судьбоносными поворотами (эта своеобразная линия человеческой жизни уложилась в один объемный абзац), – создает масштабную картину исторической судьбы целого народа. Крайне важное авторское заключение следует по окончании феноменального перечисления. Автор формулирует итог всей истории: «*Чтобы пересказать жизнь, нужна жизнь. Пропустим это. Потом как-нибудь*» [Толстая, 2013, с. 345]. Эти три предложения можно принять за типичный речевой оборот: ироничное использование частотного для разговорной речи выражения с практически стертоей семантикой (констатация очевидного – для пересказа целой жизни нужен соответствующий объем пространства-времени). Однако речевой оборот дополняется принципиально важным обращением к читателю, имитирующем ответ на его просьбу о подробном рассказе. «*Пропустим это. Потом как-нибудь*», – это при условии, что судьба уже очерчена, ее суть раскрыта «опоздавшему» собеседнику, который точно знает, почему и когда «строчил пулемет».

Подводя далеко не окончательные итоги предпринятой попытки очертить авторские стратегии в прозе Татьяны Толстой, назовем еще один важный интерактивный компонент поэтики ее текстов – «инерцию читательской памяти». Эта личностная черта созданного силой авторской фантазии образа – друга-собеседника – позволяет обнаружить логичное обоснование играющим ведущую роль во многих произведениях писателя мотивно-тематическим комплексам, связанным с понятием «быт». Читательское (шире – человеческое) сознание наиболее точно и последовательно воспроизводит частотные паттерны (поведенческие модели, которые повторялись человеком наибольшее число раз). А комплексом таких моделей как раз и является повседневная рутина: формы необходимой жизнедеятельности, избежать которых практически невозможно. Таким образом, во многих аспектах рискованная авторская стратегия (слияние уровней внимания и соучастия, пунктирная повествовательная манера и активное использование разговорной лексики) при внимательном рассмотрении оказывается поэтической коммуникационной системой с высочайшим интерактивным потенциалом.

Литература

Аккаунт Татьяны Толстой в социальной сети Facebook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya>

Блог Татьяны Толстой на платформе «Живого журнала». [Электронный ресурс]. URL: <http://tanyant.livejournal.com>

Филология и человек. 2016. №1

Засурский Я.Н. Медиасистемы XXI века и новая философия журналистского образования // Информационное общество. 2005. Вып. 1.

Литературные «нулевые»: место жительства и работы. Круглый стол. Главные тенденции, события, книги и имена первого десятилетия. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru>

Маркова Т. Четыре кратких сюжета на тему «Авторские стратегии 2000-х» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44.

Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова «Медиаскоп». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru>

Сайт телеканала НТВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru>

Справочно-информационный портал «Грамота.ру». [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.ru

Прозоров В. До востребования...: Избр. статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010.

Прозоров В. Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005.

Толстая Т. Кысь. М., 2010.

Толстая Т. Не кысь. М., 2013.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.-М., 2005.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧАСТНЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОВТОРЯЕМОСТИ И ПРИВЫЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНО- ИНФИНИТИВНЫМИ АНАЛИТИЧЕСКИМИ СТРУКТУРАМИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Г.Ф. Лутфуллина

Ключевые слова: аспектуальность, повторяемость, аналитические конструкции, привычность, глагольно-инфinitивные конструкции.

Keywords: aspect, repeated actions, analytical structure, action frequency, Infinitival constructions.

Существует ряд определений грамматикализации в современном языкоznании: «Грамматикализация языкового знака – это процесс, в результате которого он теряет свою автономность, становясь в большей степени подверженным ограничениям знаковой системы» (Lehmann, 2003, р. 127; цит. по: [Майсак, 2005, с. 38]); «Грамматикализация – это диахроническая модификация в ходе которой части конструкционной системы (constructional schema) входят в отношения все большей зависимости» (Haspelmath, 1995, р. 5; цит. по [Майсак, 2005, с. 38]); «Грамматикализация – это процесс, в ходе которого лексический материал в ограниченных прагматических и морфосинтаксических контекстах обретает грамматическую функцию, а затем развиваются функции, свойственные грамматическим операторам (operator-like)» (Traugott, 2003, р. 627; цит. по [Майсак, 2005, с. 38]). Т.А. Майсак указывает, что «в самом упрощенном виде путь грамматикализации подразумевает развитие от конкретного источника к определенному результату» [Майсак, 2005, с. 83].

Актуальность исследования определяется необходимостью детального анализа средств выражения универсальной категории мно-

гократности глагольного действия, в частности, аналитических конструкций французского и татарского языков. Данная категория является компонентом функционально-семантического поля аспектуальности и не обладает средствами выражения на определенном уровне языковой системы. В данной статье для исследования аналитических средств репрезентации категории многократности глагольного действия во французском и татарском языках избран семасиологический подход, предполагающий анализ от формы к выражаемым значениям.

Вспомогательные глаголы татарского языка участвуют в конструировании глагольно-аналитических структур, среди которых принято рассматривать: сложные временные формы, períphrases, сложные глаголы, фразеологические единицы. Глагольно-именные аналитические структуры образуются глаголами: *иту / делать, булу / быть, килу / приходить, ясау / делать* [Байрамова, Сафиуллина, 1989, с. 14-15] и менее продуктивными: *биру / давать, кимеру / приносить, алу / брать* [Ганиев, 2000, с. 83-93, 118-121, 128]. Во французском и татарском языках глагольно-аналитические средства являются регулярными средствами выражения аспектуальных значений. В сопоставляемых языках повторяемость глагольного действия выражается глагольно-инфinitивными, глагольно-герундиальными, глагольно-именными и глагольно-адъективными аналитическими структурами (далее АС).

На материале французского языка исследованием глагольно-инфinitивных аналитических структур занимались многие лингвисты: Ж. Гугнейм, Ж. Майар, Ж. Дюбуа, Т.А. Абросимова, Л.М. Скрелина. Вспомогательные глаголы анализировали Ж.Р. Руа, Ж. Ажа, К. Манчев. В.Г. Гак выделяет следующие períphrases: 1) модальные; 2) модально-видовые; 3) фазисные; 4) видовые (длительность); 5) временные; 6) залоговые [Гак, 2000, с. 393]. Значения повторяемости могут быть представлены двумя видами АС: 1) собственно-кратными АС с участием предельных и непредельных глаголов; 2) фазисными АС с участием предельных глаголов в комбинации с дополнением во множественном числе или дискретных непредельных глаголов. Фазисные АС функционируют как дуративные при участии непредельных глаголов и как итеративные при участии предельных.

Собственно-кратными АС, репрезентирующими значения повторяемости, рассматриваются глагольно-инфinitивные АС со следующими глаголами: 1) глаголом *répéter + de + Inf / повторять*; 2) возвратными глаголами: *s'accoutumer + à(de) + Inf / привыкать*,

s'accomoder + de + Inf / привыкать,
s'habituer + à(de) + Inf / привыкать; 3) префиксальными глаголами с репродуктивным значением: recommencer à (de) + Inf / начинать заново, (se) remettre à + Inf / приниматься заново, (se) reprendre à + Inf / браться заново, repartir à (pour) + Inf / начинать заново; 4) глаголом faire: ne faire que + Inf / делать только что-то.

Единственная АС со значением многократности благодаря собственной акциональной семантике – это *répéter + de + Inf / кабатларга / повторять*. Данный глагол крайне редко сочетается с инфинитивами других глаголов и встречается в комбинации с глаголами *faire / делать* и *dire / говорить* в высказываниях противительной семантики, ср.: *On lui interdisait de le faire (dire), mais il répétait de le faire (dire) / Ему запрещали это делать, но он снова повторял это*. В татарском языке глагол *кабатларга / повторять* с инфинитивом не коррелирует. В обоих языках доминирует бикомпозитная глагольно-именная АС с процессным именем существительным, ср.: *il répétait son combat à nouveau / көрәшүен яңадан кабатлады / сражение возобновилось*.

Глагольно-инфиритивные конструкции *se (re-) (dés-) accoutumer à(de) + Inf*, *s'accorder de + Inf*, *se (re) (dés-) habituer à(de) + Inf / күнегергә, өйрәнергә, гадәтләнергә + Inf / привыкать* задействованы в репрезентации аспектуального значения привычности. Они конкурируют с глагольно-именными АС: *avoir coutume de + Inf, avoir habitude de + Inf, prendre coutume de + Inf, prendre habitude de + Inf, faire habitude de + Inf / иметь привычку, завести привычку* и глагольно-причастными конструкциями: *être accoutumé à + Inf, être habitué à + Inf / быть привычным* аналогичной семантики. К. Манчев утверждает, что они являются средствами выражения «реитеративного вида» [Mantchev, 1976, p. 94]. В татарском языке эквивалентное значение передается с помощью глагольно-инфиритивных конструкций с глаголами *күнегергә, өйрәнергә, гадәтләнергә / привыкать*: *Il s'est accoutumé de boire un verre de lait chaque matin / Ул иртәнгә бер стакан сөтөн эчәргә күнеккән / Он привык выпивать стакан молока по утрам*. Как можно убедиться, в обоих языках отмечается изоморфизм на структурном уровне, то есть речь идет о совпадении структурных элементов – инфинитива и глагола (1-4).

1) Et il s'est habitué à demander de l'argent à son père? Remarquer qu'à moi Couchet avait toujours tout refusé! / Он привык просить денег у отца? Заметьте, что касается меня, то Куше всегда мне отказывал (здесь и далее перевод автора) [Simenon, 2001, p. 48].

2) Aussi s'accommodeait-elle de faire bénéficier le jeune homme de sa présence... / Таким образом, она привыкла к тому, что молодой человек наслаждался ее присутствием... [Gagnon, 2000, р. 127].

3)...болар аптырамаска күнеккән / Дети привыкли не поддаваться отчаянию [Вәли-Баржылы, 2000, б. 6].

4)...ачыклыкны барыннан да өстен дип санарга күнеккән иде / Он привык считать, что прежде всего должна быть ясность [Тимергалин, 2000, б. 14].

Аспектуальный оттенок возобновления процесса привносится значением префикса *re-* в аналитические конструкции *recommencer à (de) + Inf* / начать заново, (*se*) *remettre à + Inf* / приступить заново, (*se*) *reprendre à + Inf* / заново взяться за дело, *repartir à (pour)* / снова уйти + *Inf*, рассматриваемые Л.Г. Абабий и В.И. Банару как «повторное начало действия» [Абабий, Банару, 1984, с. 43]. В татарском языке подобные конструкции отсутствуют. Аналогичное значение выражается с помощью наречий *кабат*, *яңадан* / снова, заново: *Il recommence (reprend) de lire sa lettre (d'écrire sa lettre)* / Ул хатын яңадан (кабат) укий башлый (язырга тотына) / Он снова принял читать (писать) письмо. В данном случае наблюдается функциональный изоморфизм: глагольно-инфinitивным конструкциям французского языка (5-6) соответствуют свободные комбинации татарского глагола с наречиями *яңадан* / снова, *кабат* / повторно.

5)...les portes *recommencent à claquer* / Двери снова начинают хлопать [Noël, 1900, р. 129].

6)...il avait *recommencé à frequenter la jeune fille...* / Он снова начал встречаться с этой девушкой... [Gagnon, 2000, с. 176].

7) Au bout de vingt-quatre heures, nos concitoyens *recommençaient à espérer* / По истечении суток наши приглашенные снова начали надеяться [Camus, 1947, р. 83].

Конструкция *ne faire que + Inf* / делать только что-то является синкретичной с паритетной репрезентацией значений длительности и многократности. Ее двузначность отмечает Н.В. Шеремета: «Вспомогательный глагол кроме «исключительности» действия выражает повторяемость» [Шеремета, 1988, с. 186]. Данный оборот выражает в перифразе ограничение количества действий: *ne faire que écrire* / заниматься только письмом, двоякая интерпретация действия и как длительного, и как повторяющегося. Имперфект акцентирует значение длительности и многократности. Непредельный глагол в имперфекте выражает только длительное или итеративное действия: *Il ne faisait que nager* / Он только плавал. Предельный

глагол функционирует в аналогичном значении при условии наличия прямого дополнения во множественном числе или обстоятельств многократности: *Il ne faisait qu'écrire des lettres / Он только писал письма*. Подобное же значение наблюдается и в форме настоящего времени. В татарском языке подобные структуры отсутствуют. Наречие *gel* репрезентирует значение *только*: *Il ne faisait qu'écrire des lettres / Ул гел хатлар язды / Он только писал письма*. Снова наблюдается расхождение, так как во французском языке многократность выражается глагольно-инфinitивной конструкцией, значение которой в татарском языке передается с участием наречия.

8) *Elle ne fait que pleurer / Она только плакала* [Bredin, 1985, p. 141].

9) *Au lycée, il n'avait fait que travailler... / В лицее он только работал* [Bredin, 1985, p. 43].

В данной статье также анализируются фазисные глагольно-инфinitивные АС со значением многократности с глаголами:

- финитной фазы в отрицательной форме *ne pas cesser à (de) + Inf / не прекращать делать что-либо*, *ne pas arrêter à + Inf / не переставать делать что-либо*, *ne pas finir à + Inf / не останавливаться делать что-либо*, *ne pasachever à + Inf / не прекращать делать что-либо*, *ne pas s'interrompre à + Inf / не прерываться делать что-либо*;

- медиальной фазы *continuer, poursuivre / продолжать* и синонимичными им глаголами состояния.

Многократность глагольного действия выражается отрицательной формой глаголов финитной фазы в сочетании с инфинитивом: *ne pas cesser à (de) + Inf, ne pas arrêter à + Inf, ne pas finir à + Inf, ne pasachever à + Inf, ne pas s'interrompre à + Inf / не прекращать делать что-либо*. В татарском языке в репрезентации данных значений снова задействованы лексические средства – наречия *туктаусыз / безостановочно, өзлексез / непрерывно*. Необходимо отметить функциональную значимость конструкций с процессными именами существительными: *Il n'arrête pas de téléphoner à Paris / Ул Парижга шалтыратудан туктамый / Ул туктаусыз(өзлексез) Парижга шалтыратты / Он непрерывно звонил в Париж*.

10)...la jeune touriste *n'arrêtait plus de s'exclamer devant ce qu'elle voyait... / Молодой турист не переставал восхищаться тем, что он видел* [Gagnon, 2000, p. 154].

11)...ils *n'arrêtaient pas de ronfler... / Он не переставал храпеть* [Bredin, 1985, p. 49].

12) Monsieur Fiore avait mis en marche sa radio, il *ne cessait de tourner* son bouton de chercher une autre musique... / Месье Фуар включил радио и безостановочно крутил ручку настройки в поисках другой музыки [Bredin, 1985, p. 45].

13)...le joueur *ne cessait de donner des coups* de pied dans les cailloux qu'il rencontrait / ...игрок не прекращал пинать попадавшиеся на пути камни [Camus, 1947, p. 216].

14)...la grosse juge blonde *n'arrêtait pas de prendre des notes*... / ...дородная блондинка не переставала записывать [Bredin, 1985, p. 123].

В данных конструкциях выражается неопределенное количество повторов действия вне зависимости от семантики предельности / не предельности глагола, так как в любом случае не теряет значения контекстная поддержка. В примерах 13 и 14 предельные переходные глаголы *donner* / давать, *prendre* / брать сочетаются с прямым дополнением во множественном числе: *des coups* / удары, *des notes* / записи. В примере 10 предельный глагол *arrêter* / остановиться сочетается с придаточным предложением обстоятельства места *devant ce qu'elle voyait* / перед тем, что он видел. Роль обстоятельства времени имеет главное значение в выражении многократности, например: *Chaque fois il ne s'arrêtait pas de parler de toi* / Каждый раз он, не останавливаясь, говорил о тебе. В фразисных АС дискретные непредельные глаголы *ronfler* / храпеть (11), *tourner* / крутить (12) представляют многократность. В татарском языке автономным маркером аспектуальной семантики в свободной бикомпозитной структуре является наречие, тогда как во французском данное значение выражается глагольно-инфinitивными АС.

Во французском языке имеются АС, конструируемые глаголами медиальной фазы: (*ne pas*) (*dis*)*continuer de/à + Inf*, *poursuivre à + Inf* / продолжать. Медиальная фаза содержит сему процессности действия в динамике его протекания: глагол *continuer* / продолжать фиксирует продолжительность, дуративность процесса и материализует значение многократности.

15) Car Paule *continuait à s'échapper parfois*... / Поль продолжал избегать меня [Sagan, 2000, с. 99].

В татарском языке аналогичное значение выражает глагольно-именная АС со сложным глаголом *дәвам итәргә* / продолжать и прямым дополнением. *Il continuait de recevoir des lettres* / Ул хат алуын дәвам итте / Он продолжал получать письма.

Таким образом, в татарском языке эквивалентами французских бикомпозитных глагольно-инфinitивных структур являются бикомпозитные глагольно-герундиальные АС или свободные глагольно-адвербильные словосочетания, имеющие синонимичные глагольно-именные структуры с именами действия – процессными существительными. В плане выражения во французском и татарском языках глагольно-инфinitивные АС участвуют в выражении многократности и привычности действий. Во французском языке выделяются собственно-кратные и фазисные глагольно-инфinitивные АС, сочетаемостный потенциал которых ограничен предельными глаголами, имеющими при себе дополнение во множественном числе, и дискретными непредельными глаголами. Эквивалентами данных бикомпозитных глагольно-инфinitивных структур французского языка выступают в татарском языке бикомпозитные глагольно-инфinitивные АС или сочетания глагола с наречием, являющимся автономным носителем аспектуальной семантики в свободной бикомпозитной структуре.

Литература

- Абабий Л.Г., Банару В.И. Аспектуальность и синтаксическая конструкция. Кишинев, 1984.
- Байрамова Л.К., Сафиуллина Ф.С. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань, 1989.
- Вәли-Барҗылы Мансур. Мәхәббәт мәңгелек. К., 2000.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
- Ганиев Ф.А. Татарский язык: проблемы и исследования. Казань, 2000.
- Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Тимергалин Адлер. Кабул булсын телђеһ. Казан, 2000.
- Шеремета Н.В. Межуровневые структуры глагольного класса. Минск, 1988.
- Bredin Jean-Denis. Un coupableю Paris, 1985.
- Noël Calef. Ascenseur pour l'échafaud. M., 1990.
- Camus Albert. La peste. Paris, 1947.
- Gagnon Hélène. Alexandra. Paris, 2000.
- Leeman D. Le passé simple et son co-texte : examen de quelques distributions // Langue française. 2003. № 138.
- Mantchev K. Morphologie française: Cours théorique. Sofia, 1976.
- Sagan Françoise. Aimez-vous Brahms? M., 2000.
- Simenon Georges. L'ombre chinoise. M., 2001.

ВАРИАТИВНОСТЬ ДЕВИАЦИЙ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ СЛОВА

O.C. Сальникова

Ключевые слова: орфографический портрет, орфографические девиации, письмо детей младшего школьного возраста.

Keywords: spelling portrait, spelling deviation, writing to children of primary school age.

Особенности письма младшего школьника рассматриваются в лингвистике и методике преподавания русского языка как определенный результат обучения с опорой на соотношение нормативных написаний и орфографических ошибок. Нас интересует орфографический портрет ребенка младшего школьного возраста как совокупность всей письменной речевой продукции детей, которая характеризует этап начала освоения письменной речи ребенком как речевой личностью. Орфографический портрет как целостность состоит из орфографических девиаций (отклонение от орфографической нормы) и нормативных написаний.

А.М. Шахнарович и Е.И. Негневицкая указывают на систематичность девиаций ребенка: «сама неправильность систематична, закономерна, она есть следствие созданной самим ребенком промежуточной языковой системы, внутри которой он действует весьма непротиворечиво. При создании этой системы играют роль, с одной стороны, аналитические действия со слышимой речью взрослых, а с другой – познавательные действия вообще (и те, и другие происходят бессознательно) [Негневицкая, Шахнарович, 1981, с. 39].

Выбранная тема исследования предполагает описание и анализ орфографических девиаций в письме учеников 2 класса. Количество респондентов – 20. Количество словоформ для анализа – 465.

Для орфографической девиации необходимы определенные условия: ситуация выбора, при этом выбор вариантов является ограниченным. А.В. Глазков рассматривает графическое слово как «множество $A = \{a_1, a_2, \dots, a_n\}$ где некое a_k – единственно верно, а любое a_i , если $i \neq k$, ошибочно. Существуют условия Y , приводящие к верному результату, и условия X , приводящие к неверному результату. Если операция $Y \Rightarrow a_k$ есть правило, то операция $X \Rightarrow a_i$ тоже есть правило. Процесс формулировки орфографических правил и обучения грамотному письму представляет собой сведение множества условий до Y » [Глазков, 1999, с. 3]. Графическая пара-

дигма слова представляет собой совокупность вариантов передачи графического слова.

Ученик 2 класса ориентируется не только на соотношение произношения и написания слова, но опирается и на свой постоянно меняющийся речевой опыт, и на изученные орфографические правила. Анализ девиаций, встретившихся в письме детей, показывает, что в 80% случаев они носят фонетический характер: *пабижит* (побежит) (Кирилл С., 8), *популярность* (популярность) (Алиса Ж., 8). В данных написаниях очевидно влияние устной речи: письмо ребенка напоминает упрощенную фонетическую транскрипцию. Постепенно ребенок начинает замечать отличие произношения и письма: мы не всегда пишем так, как говорим. Это наблюдается уже в старшем дошкольном возрасте и позже, при поступлении ребенка в школу. В начальной школе фонетическим (алфавитным) написаниям типа *трава* уделяется меньше внимания как «очевидным». Наоборот, начинают систематизироваться в виде наблюдения за написаниями, типа *мороз*, *молоко* и постепенно приобретают вид правила. Именно на данной стадии и начинает проявляться явление, которое принято называть гиперкоррекцией, как отмечает Л.Б. Парубченко, «субъективный учебный опыт пишущего проявляется в нарушении нефонемных орфографических правил и ошибках гиперкоррекции» [Парубченко, 2004, с. 7].

Наряду с фонетическими написаниями в письме детей младшего школьного возраста представлены и гиперкорректные написания, то есть написания против произношения как «отражение субъективного учебного опыта пишущего» [Парубченко, 2004, с. 53-54]. Гиперкорректные написания в области гласных и согласных представлены в письме 35% респондентов: *павильон* (павильон) (Максим Ч.), *майонэз* (майонез) (Алиса О.), *далеко* (далеко) (Миша К.), *спала* (спала) (Максим С.), *егурд* (йогурт) (Кирилл П.), *читаличка* (читалочка) (Саша Ф.), *щиталичка* (читалочка) (Артем Р.).

Письмо учеников 2 класса представляет собой совокупность нормативных написаний и девиаций, при этом вариативность написаний обусловлена сохранением элементов фонетического письма наряду с гиперкорректными написаниями. Девиации, встретившиеся в письме детей, не выходят за рамки графической парадигмы слова: *йо/е/егурт/д*.

Ненормативные написания могут быть вызваны множественностью буквенных соответствий одному и тому же звуку в русской графике.

Рассмотрим вариативность передачи звуков [ш:], [ж:] в письме детей 8 лет на примере диктанта из слов *счастье*, *веснушчатый*, *еще*, *можжевельник*, *извозчик*, *позже*, *визжать*, *блещет*, *мужчина*, *приезжий*, *дрожжи*.

В письме детей представлена передача полной ассилияции на письме: обозначение долгого диссимиллятивного согласного [ш:'] (букво-сочетание СЧ) графически буквой Щ: *щасте* (*счастье* – морфемный стык полностью утрачен).

В слове считалочка сочетание СЧ графически буквой Щ передают 8 учеников: *щиталитчка* (считалочка) (Артем Р.), при этом только у двух детей девиации подобного рода отмечены в обоих словах. Укажем, что данная девиация встретилась у 7 учеников: *щастье* (*счастье*) (Кирилл П.). Отмечено в письме детей 8 лет и обратное обозначение нормативной графически Щ сочетанием СЧ, возможно, как проявление гиперкоррекции при письме осторожного ребенка (написание слов *счастье* и *считалочка* у ребенка соответствуют норме): *блесчет* (блещет) (Даниил С.).

Буква Щ имеет такое фонемное значение, которое может быть выражено сочетанием букв ШЧ. «Для звука [ш:] избирается буквосочетание, а не буква Щ в тех случаях, когда можно доказать, что этот звук распределяется по двум разным морфемам... дериваты, в которых этот звук формируется путем непосредственного контакта производящей основы со словообразовательным суффиксом: словообразовательные суффиксы с начальным [ч], которым предшествуют согласные, обозначенные Щ, Ж, С, ЗД, СТ» [Мейеров, 1988, с. 196-197]. Сочетание ЖЧ также произносится как [ш:].

Девиации при передаче звука [ш:] отмечены у 85% респондентов.

1. Звук [ш:] графически обозначен сочетанием СЧ: *веснушчатый* (веснушчатый) (Артем Р.), *извосчик* (извозчик) (Даша П.), *мусчина* (мужчина) (Антон Г.).

2. Звук [ш:] графически обозначен буквой Ч: *весну~~ч~~атый* (веснушчатый) (Кирилл П.), *изв~~ч~~ик* (извозчик) (Артем Р.).

3. Звук [ш:] графически обозначен буквой Щ (у 13 из 20 респондентов): *изво~~ш~~ик* (извозчик) (Саша Ф.), *весну~~ш~~атый* (веснушчатый) (Саша Ф.), *муж~~ш~~ина* (мужчина) (Маша К.).

4. Звук [ш:] графически обозначен буквой Ш: *изво~~ш~~ик* (извозчик) (Алиса О.). На месте буквы Щ произносится двойной мягкий фрикативный согласный Ш ([ш:']): *е~~ш~~о* (еще) (Даша Ф.), *блеш~~ш~~ит* (блещет) (Илья Л.).

5. Звук [ш:] графически обозначен буквой Ж: *му~~ж~~ина* (мужчина) (Миша К.).

6. Звук [ш:] графически обозначен сочетанием ЗШ: *му~~з~~шина* (мужчина) (Артем Р.).

«Мягкий долгий согласный [ж:] специальной буквы в алфавите не имеет. Его графические знаки – буквосочетания ЖЖ и ЗЖ... Современная графика учла прежде всего, что звуки [жж] / [жж] – продленные (двой-

ные) согласные. Поэтому удвоение букв для такого звука принимается графикой как безальтернативное правило. Орфографические регламентации здесь нужны для того, чтобы принудительно разграничить однозвучные буквосочетания гомо- и гетерографического типа» [Мейеров, 1988, с. 200-202]. При передаче на письме звука [ж:] девиации встретились в 87,5% написаний:

1. Передача звука [ж:] буквой Ж: *можевельник* (можжевельник) (Саша Ф.), *поже* (позже) (Антон Г.), *вежять* (визжать) (Илья Л.), *ежио* (езжу) (Саша В.).
2. Передача звука [ж:] буквой Щ: *машивельник* (можжевельник) (Максим Ч.).
3. Передача звука [ж:] сочетанием ЗД: *дрозди* (дрожжи) (Ярослав Г.), *приездий* (приезжий) (Антон Г.).
4. Передача звука [ж:] буквой Щ: *дращ* (дрожжи) (Диана Н.), *поще* (позже) (Диана Н.), *приещий* (приезжий) (Диана Н.).
5. Передача звука [ж:] сочетанием ЖД: *дрожди* (дрожжи) (Даниил С.).
6. Передача звука [ж:] сочетанием ЗЩ: *дрозши* (дрожжи) (Лиза М.).
7. Передача звука [ж:] сочетанием ЖЖ: *пожже* (позже) (Артем Р.).
8. Передача звука [ж:] сочетанием ЗЧ: *приезчий* (приезжий) (Лиза М.).
9. Передача звука [ж:] сочетанием ЗШ: *приезшии* (приезжий) (Маша К.).
10. Передача звука [ж:] сочетанием ЗЩ: *визшать* (визжать) (Маша К.).
11. Передача звука [ж:] буквой З: *визать* (визжать) (Женя С.).
12. Передача звука [ж:] сочетанием ЖЧ: *ежчу* (езжу) (Лиза М.).
13. Передача звука [ж:] субSTITУЦИЯ З на Й: *пойже* (позже) (Аня Д.).

Примеры обозначения звуков [ш:] и [ж:] в письме детей 8 лет показывает «принципиально-неизбежную вариативность ненормативного письма» [Парубченко, 2004, с. 7], обусловленную в первую очередь фонетическими процессами. Графическое слово при этом рассматривается как парадигма графических вариантов, возглавляемая поддерживаемой нормой доминантой [Глазков, 1999]. Рассмотренные написания представляют собой вариативность графической передачи звуков [ш:] и [ж:]. Например, часть графической парадигмы слова *приезжий*, отраженная в письме детей: *приезжий*, *приежий*, *приезшии*, *приещий*, *приежчий*.

Анализ письменной речи детей младшего школьного возраста показывает, что дети используют в своем письме и фонетические, и морфологические, и гиперкорректные написания: вариативность написаний, возможно, обусловлена влиянием различных факторов на письмо ребенка.

Русская орфография и ее особенности накладывают отпечаток на появление и девиаций, и нормативных написаний: на ее основе ребенок первоначально строит свою индивидуальную систему письма, которая и отражается в орфографическом портрете. Параметры описания орфографического портрета ребенка выделяются Н.П. Павловой [Павлова, 2010].

Письменная речь детей младшего школьного возраста характеризуется обобщенностью, но не системностью: гиперкорректные написания и фонетические написания являются отражением способности детской психики к сверхгенерализации.

К орфографическому портрету ребенка школьного возраста добавляются следующие штрихи:

1. Орфографические девиации отражают вариативность письма детей.

2. На появление орфографических девиаций в письме оказывают влияние и лингвистические (система орфографии), и экстралингвистические факторы (выбор стратегии при письме), ведущим при этом становится личность пишущего, заключающая в себе множество вариантов для реализации выбора написания в конкретном случае.

3. Дети младшего школьного возраста при выборе написания опираются на стратегию «пишу, как слышу»: 80% орфографических девиаций носят фонетический характер.

4. Фонетические написания отражают качественную редукцию гласных (56% от общего числа орфографических девиаций), ассимиляцию согласных (20% от общего числа орфографических девиаций), при этом полная ассимиляция отмечена в 45% случаев, диссимиляцию согласных (3% от общего числа орфографических девиаций) и др.

5. Наряду с фонетическими представлены и гиперкорректные написания у 35% респондентов как проявления стратегии «слушаю и пишу по-другому».

Литература

Глазков А.В. Орфографическая ошибка как предмет лингвистического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Мейеров В.Ф. Типология буквенных орфограмм. Иркутск, 1988.

Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М., 1981.

Павлова Н.П. К орфографическому портрету ребенка // Русский язык в школе. 2010. №. 5.

Парубченко Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ АРТЕФАКТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

E.B. Дзюба

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая категоризация, виды и структура категорий, научная и наивная картины мира.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic categorization, types and structure of the categories, scientific and naïve worldview.

Изучение языковой категоризации – одна из актуальных проблем отечественной и зарубежной лингвокогнитологии (см. работы Э. Рош и ее коллег [Rosch, 1973, 1975a, 1975b], Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987], А. Вежбицкой [Вежбицка, 1996], Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2014], О.О. Борискиной [Борискина, 2011], О.О. Борискиной и А.А. Кретова [Борискина, Кретов, 2003], Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 2004], Т.Г. Скребцовой [Скребцова, 2011] и др.).

Определение сущности процесса категоризации, влияние особенностей человеческого сознания на формирование категорий – эти и некоторые другие вопросы на данном этапе развития науки вряд ли можно считать дискуссионными. Однако нельзя назвать полностью решенными следующие вопросы: о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографической практики и т.п. Данное исследование предлагает вариант решения некоторых из указанных вопросов.

Под языковой категоризацией понимается членение онтологического пространства на классификационные рубрики (категории), нередко осуществляемое под влиянием языка, носителем которого является субъект познания. Систематизация знаний далеко не всегда происходит на научной основе. Очевидно, что наивное и экспертное знание могут существенным образом отличаться. Различие научной (физической) и наивной (языковой) картин мира можно продемонстрировать на примере анализа структуры семантической категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА сферы «Артефакты».

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) проекта № 15-54-00010 «а(ф)» Категоризация действительности в русском языковом сознании 2015 г.

Следует отметить, что собственно физической классификации бытовой техники в том виде, какой она представляется носителю обыденного сознания (не физику-специалисту), не существует, так как сама по себе категория БЫТОВАЯ ТЕХНИКА в физической картине мира не выделяется. Физика сосредоточивает внимание не на готовых функционирующих объектах, не на предметах техники вообще, но на конкретных физических явлениях, которые используются для создания разного рода приборов и устройств. Эти приборы и устройства в свою очередь оказываются элементами (деталями) определенного предмета техники, предназначенного для удовлетворения хозяйственных или иных нужд человека. Тем не менее, физическую классификацию предметов бытовой техники можно представить, взяв за точку отсчета то физическое явление, которое лежит в основе действия бытового прибора.

Сложность рассмотрения физической классификации заключается в том, что отдельно взятый предмет бытовой техники может функционировать за счет действия разных физических явлений и, таким образом, с точки зрения физики относиться к разным категориям. Например, обыватели, как правило, не задумываются над различием физического устройства ламповых (кинескопных), плазменных, жидкокристаллических телевизоров, их больше интересует цена, качество цвета и изображения, иные функциональные характеристики, но не особенности физического устройства телевизора. Однако принцип действия каждого из названных видов телевизоров основан на разных физических явлениях: ламповые телевизоры (с кинескопами) функционируют благодаря работе вакуумного полупроводника [Дмитриева, Прокофьев, 2001, с. 237]; плазменные телевизоры работают на основе действия плазмы, представляющей собой высокотемпературный газ [Светцов, 2003]; при функционировании жидкокристаллического экрана оказываются задействованными жидкие кристаллы, пропускающие лучи света (изображение). Таким образом, каждый из названных телевизоров будет относиться к отдельной классификационной рубрике научной (физической) категоризации мира. Этот пример подтверждает идею о наличии существенной разницы в научной и наивной категоризации объектов вещественного мира.

В основе актуальной для данного исследования физической классификации бытовых приборов лежит один признак – физическое явление, обусловливающее основной принцип действия прибора или устройства. На этом основании выделяются 1) приборы, превращающие энергию электромагнитного поля в световую энергию (все виды электрических светильников и ламп, в том числе ламповые телевизоры), в тепловую энергию (все нагревательные приборы) или в звуковые сигналы (аудиотехника); 2) приборы, основанные на действии электромагнитного поля на

проводник с током (приборы с электродвигателем: стиральная машина, пылесос, кухонный комбайн, миксер и под.); 3) устройства, которые позволяют передавать тепловую энергию от тел менее нагретых телам более нагретым (холодильник, морозильная камера, кондиционер); 4) устройства, предназначенные для передачи информации посредством электромагнитных волн (мобильный телефон, телевизор, навигатор, телевизионные антенны и т.п.).

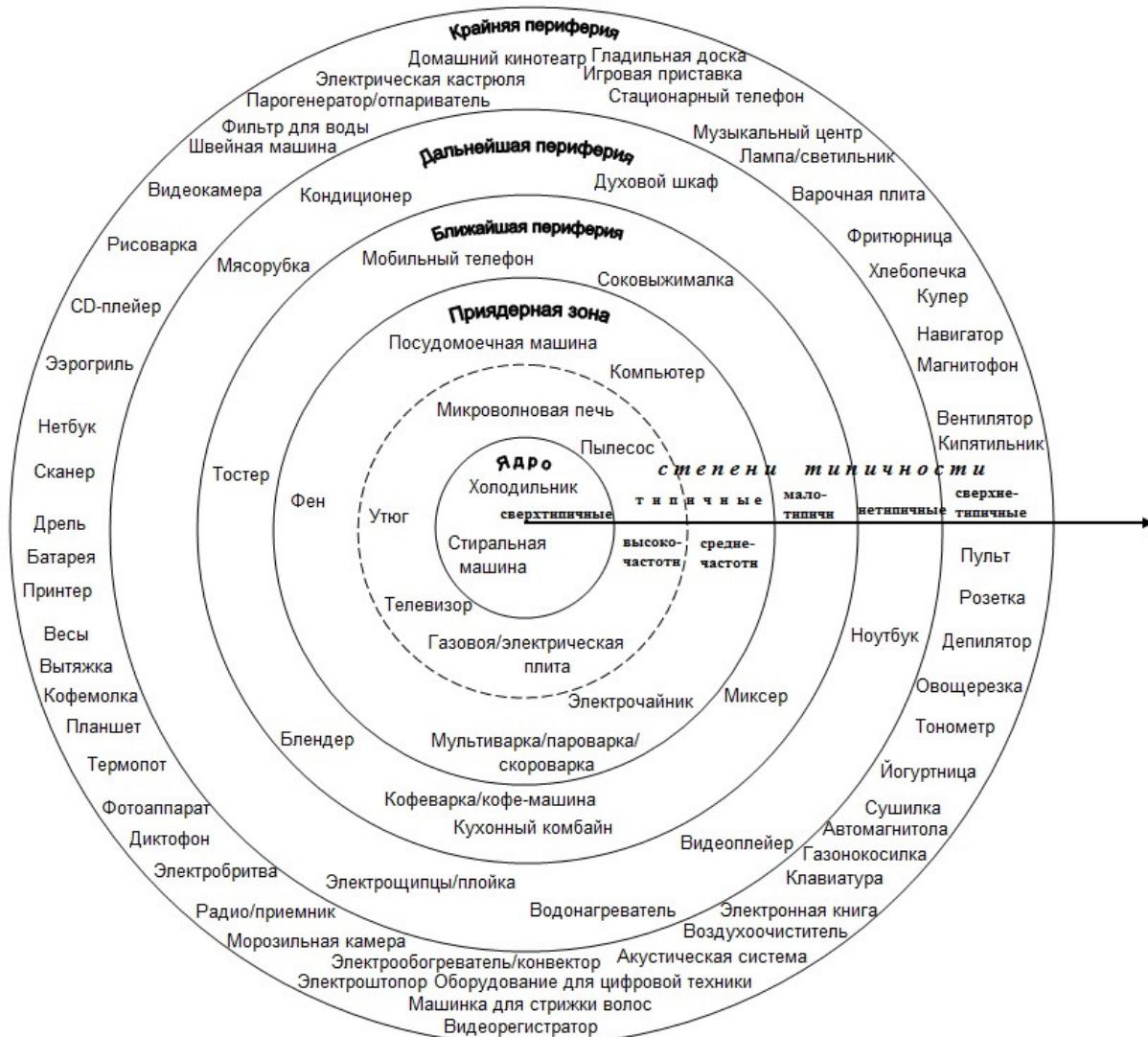
Безусловно, если рассматривать группы бытовых приборов с наивной точки зрения, то вряд ли холодильник, чайник и миксер (то есть то, что обыватель называет кухонной техникой) будут отнесены к разным категориям. Определение специфики категоризации БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ в наивной картине мира осуществлялось в данном исследовании посредством проведения ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 600 человек в возрасте от 17 до 63 лет. (Задание анкеты формулировалось следующим образом: *Какие предметы Вы представляете, когда слышите выражение «бытовая техника»? Запишите первые десять предметов, которые приходят Вам на ум*). Данный эксперимент имел целью определение членства и структуры категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. При обработке данных все указанные информантами образцы распределялись по пяти группам в зависимости от степени типичности: от сверхтипичных, которые встречаются более чем в 80% ответных листах – до сверхнетипичных, представленных менее чем в 5% анкетах. Статистическая обработка данных показала, что к лучшим образцам категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА в сознании носителей русского языка относятся холодильник, стиральная машина, микроволновая печь, пылесос, утюг, газовая / электрическая плита, телевизор, электрочайник, мультиварка, пароварка, посудомоечная машина, фен, компьютер. Вероятно, именно данные предметы являются электроприборами первой необходимости, обеспечивающими основные потребности человека в питании, в уходе за собой, в интеллектуальном и эмоциональном развитии. Такое распределение предметов бытовой техники соотносится с известной теорией Абрахама Маслоу о существовании иерархии человеческих потребностей, которые предполагают стремление человека удовлетворить сначала примитивные (физиологические) потребности, а затем – потребности более высокого уровня (познавательные, эстетические и др.) [Maslow, 1954].

Показательно, что все лучшие образцы категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА являются электрическими приборами (исключение – газовая плита). Среди лучших образцов категории нет, по результатам опроса, механических приборов (ручных кофемолок, механических соковыжималок, мясорубок), что объясняется современным уровнем развития науки и техники и, вероятно стремительным темпом течения повседнев-

ной жизни: с помощью техники современная хозяйка одновременно может стирать белье, мыть посуду, варить обед (в мультиварке) и отдыхать за просмотром телевизора или даже работать практически с эффектом присутствия на рабочем месте благодаря наличию электронных средств связи.

К худшим образцам изучаемой категории, по результатам опроса, относятся электрообогреватель, морозильная камера, швейная машина, музыкальный центр, электробритва, планшет, кофемолка, вытяжка, игровая приставка, стационарный телефон, термопот, фритюрница, хлебопечка и мн. др. Принадлежность этих образцов к сверхнетипичным (худшим) может быть обусловлена субъективными и объективными факторами. К **субъективным** относятся следующие: стереотипное восприятие прибора как части более типичного образца (например, морозильная камера чаще воспринимается как часть холодильника, а не отдельный прибор); индивидуальный опыт носителя языка, заключающийся в традиционных для человека особенностях быта и досуга, а также профессиональной принадлежности (газонокосилка чаще является типичным образцом категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА для сельского жителя, нежели для горожанина; для многих жителей большого города актуальна хлебопечка, которая вряд ли в скором времени заменит печь в русской деревне или тандыр в аулах Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и других азиатских стран); гендерная принадлежность носителя языка, которая влияет на актуализацию тех или иных бытовых приборов как типичных образцов категории (очевидно, что электробритва отмечается мужчинами, а фен и щипцы для завивки – женщинами; швейную машину также чаще упоминают женщины); ассоциативное и образное мышление, обуславливающее связь категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА со «смежными» категориями: ПОСУДА, МЕБЕЛЬ, КУХОННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и АКСЕССУАРЫ, а также ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕХНИКА и даже АВТОМОБИЛЬНАЯ ТЕХНИКА (иными словами, все те приборы, которые в сознании человека связаны с повседневной жизнью, называются им БЫТОВАЯ ТЕХНИКА). К **объективным фактам** отнесения указанных образцов к сверхнетипичным (худшим) относится ситуативность (нередко климатические и иные внешние условия обуславливают актуальность тех или иных бытовых приборов); интенсивное развитие науки и техники, что обуславливает востребованность одних приборов и утрату других.

Распределение образцов категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА в соответствии со степенями типичности от лучших – к худшим, от ядра – к крайней периферии (то есть структура категории) отражено в схеме 1.

*Схема 1. Структура категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
в языковой картине мира*

Проведенное исследование позволяет отметить некоторые специфические черты категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Эта категория является собирательной, так как обобщает разные по конструктивному решению, функциональному назначению и сфере применения приборы. В силу того, что сама процедура обобщения предметов в группу является сугубо ментальной, это абстрактная категория, но имеющая соотнесение с предметным (вещественным) миром (в отличие, например, от категорий ИНТЕЛЛЕКТ, ДУХОВНОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ и т.п.). Это, в свою очередь, обусловливает в большей степени онтологическую природу категории (в меньшей степени – психологическую), так как формирование и само существование данной категории во многом предопределено достижениями

науки, в частности – физики и инженерии, одних из самых объективных областей научного знания. Это определяет и специфику объективных факторов формирования категории, которые подчеркивают зависимость структуры и членства категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА** от уровня развития науки и техники. Так, практически никто из респондентов не отметил среди предметов бытовой техники механические устройства, что обусловлено высоким уровнем развития электроники в современном мире. Хотя очевидно, что на нашей планете немало таких регионов, где электротехнические устройства вряд ли используются вообще. Трудно себе представить, чтобы юрта эскимоса или бунгало представителя какого-нибудь африканского племени были оснащены кондиционером, электрокофеваркой или ультрабуком.

Однако нельзя полностью отрицать и психологическую природу категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА**, на формирование которой влияют и субъективные факторы: место жительства, особенности национального быта, профессиональная принадлежность, индивидуальный жизненный опыт, гендерная принадлежность, психологические особенности субъекта категоризации.

Категория **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА** в сознании носителей русской лингвокультуры является категорией с размытыми, нечеткими границами. Во-первых, многие предметы, мыслимые как члены данной категории, ассоциативно связаны с членами иных категорий. Во-вторых, нередко один и тот же прибор бытовой техники может относиться к разным категориям. Так, компьютер является членом не только категорий **ОРГТЕХНИКА** и **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА**. Если учесть, что в настоящее время компьютеризированы практически все приборы и машины, то это устройство может быть отнесено и к категории **ТРАНСПОРТ** (автомобиль, самолет и т.д.), и к категории **МЕДИЦИНСКАЯ ТЕХНИКА** (например, рентгеновская) и т.д.

Особенности структуры (членства) категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА** в научной и наивной картинах мира определяется набором существенных признаков категории. Для научной (физической) картины мира первостепенно физическое явление или процесс, лежащие в основе функционирования прибора. Для носителя обыденного сознания актуальна сфера использования прибора, что обуславливает развитую субкатегоризацию (разделение на технику для дома (бытовую), офисную технику (для учебы, работы), кухонную, для ванной комнаты, музыкальную и даже спортивную). Не менее важны для обывателя функция и целевое назначение прибора (техника для осуществления коммуникации, для красоты и здоровья, для развлечения, для воспроизведения звука, для занятий спортом и т.п.). Актуальны внешние параметры прибора (в частности – размер) и специ-

фика функционирования или использования прибора (приборы с CD-носителями, приборы с USB-входом, вспомогательная техника, то есть функционирующая только в сочетании с другими, вероятно, основными приборами (сканер, принтер и под). Показательно, что для носителей языка в осмыслиении бытовой техники важен и хронологический признак, в соответствии с которым техника подразделяется на устаревшую, устаревающую и новейшую (усовершенствованную). Для некоторых участников проведенного опроса оказался важным формальный признак – наименование прибора бытовой техники, что позволило им выделить отдельную группу машин (швейная, стиральная, посудомоечная).

Итак, в данной статье на примере изучения категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА** были определены отличительные черты научной и наивной категоризации, выявлены существенные признаки формирования категории, графически представлена модель структуры данной категории в русском языковом сознании. Значение исследований, направленных на рассмотрение семантических категорий, актуально прежде всего для лексико-графической практики, в частности – для составления идеографических словарей. Результаты изучения именно категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА** могут быть востребованы маркетологами и мерчандайзерами, которые с опорой на знание особенностей наивной категоризации могут увеличить объем реализации соответствующей продукции.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014.
- Борискина О.О. Криптоклассы английского языка. Воронеж, 2011.
- Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
- Вежбицка А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Дмитриева В.Ф., Прокофьев В.Л. Основы физики. М., 2001.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Светцов В.И. Вакуумная и плазменная электроника. Иваново, 2003.
- Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб., 2011.
- Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.
- Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, 1954.
- Rosch E. Human categorization // Advances in cross-cultural psychology. L., 1975a.
- Rosch E. Natural categories // Cognitive psychology. 1973. Vol. 4.
- Rosch E., Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories. Cognitive Psychology. 1975б. Vol. 7. No. 4.

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
СЕМАНТИКИ ИДИОМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НОМИНАЦИЕЙ
«ДЕТИ», В АСПЕКТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

E.A. Шимко

Ключевые слова: этнолингвистика, сопоставительное изучение, идиомы, национально-культурная специфика, номинация «дети», немецкий и русский языки.

Keywords: ethnolinguistics, comparative studying, idioms, national and cultural specifics, nomination «children», the German and Russian languages.

Взаимодействие языка и культуры – одна из тех тем, которые выходят на авансцену базовых методологических проблем лингвистики всякий раз, когда она обращается к способности языковых знаков хранить в себе память о «порядке культуры», о его культурных кодах и несомых ими культурных установках, опознаваемых лингвокультурным сообществом [Барт, 1989, с. 73].

Изучение языка и его структурных единиц может способствовать раскрытию лингвокультурной традиции народа. Поэтому целесообразно язык рассматривать не только как средство общения, но, прежде всего, как неотъемлемый компонент национально-культурной специфики соответствующего этноса. Исследование фразеологических единиц дает возможность раскрыть общее и специфическое миропредставление носителя того или иного языка. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать немецкие и русские фразеологические единицы, представленные номинацией «дети», с позиций этнолингвистики.

При этнолингвистическом анализе фразеосистем следует обратить внимание на культурно-языковую компетенцию, под которой понимается способность носителей языка оязыковлять и воспринимать в коммуникативной деятельности мир на основе языковой компетенции, пресуппозицией для которой является владение культурой – осознанное или коренящееся в глубинах бессознательного. Именно культурно-языковая компетенция лежит в основе интерпретации фразеологизмов носителями языка в контексте культуры – интерпретации образно-мотивированного их содержания в целом либо культурно маркированных частей этого содержания. При этом культурно-языковая компетенция проявляет себя в способности говорящего / слушающего на основе осознанного или бессознательного владения топосами языка и

культуры соотносить в дискурсивных практиках оязыковляемые и/или уже оязыковленные языковые сущности с символарием материальной, социальной и духовной культуры и на этой основе интерпретировать языковые сущности как знаки «языка» культуры.

Исследование этих культурно значимых следов в содержании языковых сущностей дополняет отношение референции «язык картина мира» как продукт человеческого фактора в языке преференцией «языковая картина мира – ее культурно-национальное восприятие» как продукт культурно-языкового фактора в человеке. При таком подходе лингвистика вступает на путь исследования своего объекта в русле этнолингвистической парадигмы.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть функционирование номинации «дети» в немецкой и русской лингвокультурах с целью выяснения тождественного и специфичного в семантике ключевых слов фразеологических единиц, учитывая этнолингвистический комментарий. Итак, в немецком и русском языках нами были найдены идиомы данной тематической группы, а именно:

Немецкий язык	Русский язык
«Дети»	
Mit Kind und Kegel. (С чадами и домочадцами, всей семьей).	Ребенок что теленок.
Unschuldig wie ein neugeborenes Kind sein. (Быть невинным как дитя).	Не детей крестить.
Kinder und Kindeskinder. (Все потомство).	Дети подземелья.
Das Kind beim rechten Namen nennen. (Называть вещи своими именами).	Дети разных народов.
Ein Kind (unter dem Herzen) tragen. (Носить ребенка под сердцем).	Красные дети.
Ein tot geborenes Kind sein. (Обреченное на провал дело).	Кукушкины дети.
Ein Schossskind. (Баловень судьбы).	Кухаркины дети.
Lieb Kind bei jemandem sein. (Быть чьим-либо любимчиком).	Титовы дети.
Sich bei jemandem Kind machen. (Выслуживаться перед кем-либо).	
Von Kind an. (С молодых ногтей, с детских лет).	

Таблица №1. Эксплицитное проявление кровнородственных связей в номинации «Дети»

В сопоставляемых идиомах мы отмечаем наличие ключевых лексем, выражающих кровнородственные отношения: в немецком – «*das Kind*»; в русском – «ребенок», «дети». Исследовав этимологию и современные значения данных ключевых слов, хотелось бы выяснить, как проявляются этнолингвистические данные в немецких и русских идиомах конкретной номинации, а именно: «дети».

Произведем этнолингвистический анализ немецких и русских идиом с ключевыми лексемами «*das Kind*» и «ребенок».

Дети являются основной ценностью как русской, так и немецкой семей: «*Ein Kind (unter dem Herzen) tragen*», «*Mit Kind und Kegel*», «*Kinder und Kindeskinder*», «*Красные дети*».

Традиционно в русской культуре поощрялось их большое количество без разделения по половому признаку. Однако в народе считалась удачливой та семья, в которой было двое детей, и не просто двое, а сын и дочь. Сын – помощник и продолжатель дела отца, а дочь – помощница матери в хозяйстве. Именно при таком сочетании дети назывались красными детьми, то есть хорошие, послушные дети, добрые помощники в семье. Обратимся к этимологии слова «красный». Лексема «красный» встречается в таких славянских языках, как: украинский красний «красивый»; болгарский красен «красивый»; сербохорватский krásan, krásna «красивый»; словенский krásen; чешский krásný «прекрасный»; словацкий krásny «прекрасный», «пригожий»; верхнелужицкий krasny «красивый»; нижнелужицкий kšasny «красивый» [Фасмер, 2007, т. 2, с. 368]. В.И. Даль так определяет слово «красный»: «ясный, почетный, красивый, нарядный, прекрасный; превосходный, лучший [Даль, 2001, т. 2, с. 305].

Отсюда мы отмечаем, что в семантике лексемы «красный» подчеркивается и внешний вид, и красивые действия человека, позволяющие судить о нем, как о хорошем человеке. Следовательно, оборот «красные дети» отражает положительную оценочность.

В Германии же существовали стереотипы, согласно которым большое количество детей вызывало экономические трудности в семье, особенно если рождались девочки. Также существовали и другие причины снижения рождаемости, которые были замечены еще в начале века. Родители не желали разделять между многочисленными наследниками наследственное имущество. Вследствие этого самые малочисленные семьи встречались у людей богатых, из буржуазии, аристократии и у зажиточных крестьян.

Более многочисленные семьи – у выходцев из рабочего класса. На сегодняшний день эта картина почти не изменилась, хотя число

детей в немецких семьях с каждым годом все снижается, это, в свою очередь приводит к уменьшению многодетных семей. Однако в наше время это обусловлено отнюдь не экономическими проблемами, существуют и другие сдерживающие факторы. К ним относятся поздний возраст создания семьи, социальная активность женщины и стереотип повышения «заботы о ребенке», согласно которому родители затрачивают много сил и средств на качество социализации подрастающего поколения.

Принципиально отличаются подходы к воспитанию детей. Для русского языкового социума характерен авторитарный стиль отношений родителей к детям, выражющийся в чрезмерной опеке, заботе, контроле всех действий ребенка – «ребенок что теленок». Лексема «ребенок» в данной идиоме указывает на «глупость, неопытность». Оборот построен на основе сравнения ребенка с теленком. Рассмотрим слово «теленок» с семантической точки зрения. Лексема «теленок» восходит к праславянской основе *tele и родственна украинскому теля, древнерусскому теля «теленок»; болгарскому телé, словенскому téle, чешскому tele, словацкому teľa, польскому cielę, верхнелужицкому célo, нижнелужицкому šele, литовскому tēlias «теленок»; армянскому թալուն «толстый»; латинскому stolidus, stultus «грубый, неотесанный, неповоротливый, глупый»; древнеиндийскому tárunas «молодой, нежный»; греческому τέρυς «слабый» [Фасмер, 2007, т. 4, с. 38]. Современная семантика слова «теленок» указывает на детеныша коровы, а также лани, оленя и некоторых других животных [Ожегов, 2007, с. 776]. Следовательно, слово «теленок» во фразеологической картине мира носителей русского языка служит символом глупости, неопытности. Отсюда мы делаем вывод, что в отборе компонентов и образовании фразеологической единицы важную роль играет экстралингвистический фактор, проявляющийся в переносе некоторых особенностей животных на людей.

Для немецкой культуры свойственно более либеральное воспитание, при котором не принято с детских лет ограничивать личную свободу ребенка; присутствуют моменты баловства детей: «ein Schösskind», «lieb Kind bei jemandem sein», «von Kind an». При этом образ ребенка ассоциируется с невинностью: «Unschuldig wie ein neugeborenes Kind sein».

В немецком языке лексема «das Kind» употребляется в переносном смысле и имеет следующие значения: «обреченное на провал дело» – «ein tot geborenes Kind sein»; «называть вещи своими

именами» – «*das Kind beim rechten Namen nennen*»; «выслуживаться перед кем-либо» – «*sich bei jemandem Kind machen*».

В русском языке идиомы с ключевой лексемой «дети» представлены по-другому. Для них характерна номинация, в основе которой лежит значение «дети, отданые матерью родителям-старикам или родственникам»: «кукушкины дети». Рассмотрим употребление этого фразеологизма с этнолингвистической позиции. Отметим, что в основе образа идиомы лежит анимистическая форма осознания мира. Поэтому обратимся к этимологии лексемы, создающей образ фразеологизма, – «кукушка». Слово «кукушка» восходит к «кукавица», что означает «название птицы», и родственно болгарскому кукавица, сербохорватскому кӯкавица, словенский kúkavica, чешский kukavka, польский kukawka, верхнелужицкий, нижнелужицкий kukawa «куковать, кукушка», литовский kukúoti «куковать», латышский kukiōt, древнеиндийский kōkilas «кукушка», латинский cūcūlus «кукушка», ирландский cúa ch «кукушка», греческий χόχχυε «кукушка», немецкий Kuckuck «кукушка» [Фасмер, 2007, т. 2, с. 404]. В толковом словаре В.И. Даля указано употребление этого слова в значении «беззаботная мать, подкидывающая детей» [Даль, 2001, т. 2, с. 349].

Во фразеологической картине русского языка нашли отражение представления о кукушке как человеческой природе. В культуре восточных славян кукушка наделялась женской символикой – жена, мать, дочь, сестра, девушка.

По поверьям, у кукушки нет пары: муж ее утонул или она сама убила его, сжила со света или спрятала под мост. По одной легенде, «кукуш» покинул кукушку еще во времена всемирного потопа. Поэтому, согласно поверьям, кукушка спаривается с удодом, самцом вороны, ястребом, соловьем или даже петухом. В южнорусском весеннем обряде крещения и похорон «кукушки» участвовали в основном девушки. Фигурку «кукушки», изготовленную из растений, одевали в сарафан, повязывали платком, чаще черным, потому что считали кукушку вдовой.

В куковании кукушки слышится безутешный плач, горестное причитание или жалобный зов. О человеке, который оплакивает покойного родственника, болгары говорят: «Кукует как кукушка». В Черногории на могильных крестах изображали столько кукушек, сколько родственников и сестер скорбело по умершему. Согласно легендам, кукушкой стала женщина или девушка, которая тосковала по погившему или загубленному мужу или возлюбленному и тщетно звала его либо неустанно оплакивала смерть сына, брата или от-

ца, жаловалась на разлуку с ним или вымаливала у него прощение. В кукушку превратилась сестра в наказание за потерю или кражу у брата ключей. С тех пор кукушка зовет брата: «Я-куш, бра-туш, проснись, ключи наш-лись!» или «Мак-сим, вер-нись, клю-чи наш-лись!». В одной из легенд кукушкой становится девка, наказанная Христом за ложь: она, защищая святого Петра, укравшего коней, кричала: «Ку-пил!».

В виде кукушки представляли душу умершего. В похоронных причитаниях к покойнику обращались со словами: «Прилетай же ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку». В облике кукушки душа как бы слетает на землю побеседовать с родными. Часто в кукушке видели вестницу с «того света». В районах, граничных с Белоруссией, существует обычай голосить с кукушкой: женщины, потерявшие близких или находящиеся в разлуке с ними, уходят в лес и там, услышав кукушку, общаются наедине с ней, причитая и выплакивая ей свою боль. Кукушка выступает здесь в роли посредника между этим и «тем светом»: у нее выспрашивают новости с «того света» о своих близких, через нее передают им наказы и просьбы.

Крик кукушки часто расценивался как зловещее предзнаменование. Говорили: «Кукушка кукует, горе вещует», поэтому, заслышиав ее, старались отвести беду заклинанием: «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!». Кукование вблизи жилья считали предвестием неурожая, а на крыше дома – смерти, болезней или пожара. Говорили, что, если в первый раз весной услышишь кукушку, кукующую тебе в глаза, будешь плакать, а если в спину – умрешь. Кукушка предвещает смерть, несчастье или дороговизну, когда кукует на заходе солнца. Широко известно гадание по кукованию о сроке наступления смерти. Для этого к кукушке обращались с вопросом: «Кукушка сера, загадывай смело, сколько лет жить и когда помереть». Чтобы кукушка подольше куковала и не улетела с ветки, старались подкрасться к дереву и перевязать его поясом. Девушки по кукованию кукушки гадали о том, сколько лет им осталось до выхода замуж. Предвестием свадьбы служил иногда и голос кукушки возле жилья: «Ноне кокушка у нас на дому куковала – не пришлось бы Натаху замуж отдавать».

К Петрову дню кукушка обычно прекращает куковать. В это время созревает ячмень. Кукушка клюет его, давится ячменным колосом или зерном и теряет голос – хрипнет или захлебывается. Говорят: «Потеряла кукушка голос на ячменный колос». На Украине умолкание кукушки объясняют тем, что на Петров день она давится

сыром, вареником или сырной лепешкой, так как к этому дню заканчивается Петровский пост и люди разговляются сыром. В некоторых местах в Петров день специально варили вареники, чтобы «удавить» кукушку. После этого дня кукушка летает молча и прячется в капусте или в крапиве от птиц, которые бьют ее за то, что она подкидывает свои яйца в их гнезда. По другим поверьям, она обращается в ястреба, с которым имеет внешнее сходство, и нападает на кур. Поэтому о кукушке говорят: «До Петра поет, а после Петра кур дерет».

Широко бытует представление о том, что сразу после окончания кукования кукушка прячется от птиц, которые ее преследуют и бьют за то, что она сама не высиживала птенцов, а подкинула их, свои яйца, в чужие гнезда. Замолкание кукушки объясняется также тем, что к этому времени у птиц вылупляются птенцы, среди которых обнаруживаются кукушкины дети, поэтому ей приходится скрываться от расплаты и летать молча.

Одиночество и несчастная судьба кукушки связывались в народных представлениях также с отсутствием у нее своего гнезда. Согласно легенде Богородица или Господь лишили кукушку гнезда в наказание за то, что своим кукованием она выдала Божью Матерь с младенцем Иисусом их преследователям, или за то, что она нарушила запрет работать на Благовещенье. Наказана она и тем, что потеряла и детей, и с тех пор весь век кукует – плачет.

Как и другие птицы, кукушка на зиму улетает в ирий – мифическая страна, находящаяся на теплом море на западе или юго-западе земли. Словом вырей, ирей у русских и белорусов могут называться сами перелетные птицы, стаи птиц, улетающих на зиму или возвращающихся весной, а также стаи змей, которые, как полагают, под предводительством своего царя идут на зимнюю спячку. Согласно восточнославянским верованиям, осенью в ирий улетают птицы, насекомые и уползают змеи, а весной возвращаются оттуда. Украинцы считают, что ключи от ирия находятся у кукушки, поэтому она первая туда улетает и последняя из птиц возвращается весной, она же несет на своих крыльях в ирий уставших птиц. По другим поверьям, кукушка осенью никуда не улетает, а зимует, подобно ласточкам, под водой или прячется в землю.

С прилетом кукушки и первым кукованием в народной культуре связан ряд примет и магических действий. Ранний прилет и кукование кукушки, когда лес еще не оделся листвой, предвещает неурожай, голод и мор, а ворам неудачу, потому что в лесу укрыться им будет негде. Плохое предвествие – кукование ее на Благовеще-

ние. В одних местах день первого кукования считают неблагоприятным для посадки растений, в других к началу кукования приурочивают сев льна. Нельзя купаться, пока не закукует кукушка. Услышав первую кукушку, берут из-под правой ноги горсть земли и кладут ее под постель, чтобы не было блох. При первом куковании кукушки нужно быть веселым, иметь в кармане деньги и позвенеть монетами – тогда весь год будешь весел, счастлив и богат. Если же кукушка «окукует» тебя натощак, это не к добру [Толстая, 2011, с. 271–272].

Следовательно, образ кукушки в традиционной культуре воспринимается как символ горя, одиночества.

Таким образом, этнолингвистическое описание идиомы «кукушкины дети» позволяет отметить, что для обозначения кровнородственной связи между детьми и матерью употребляется метафоризированная лексема «кукушка», которая означает «подкладывающая свои яйца в гнезда других птиц», что придает выражению специфическое значение «дети, отанные матерью другим людям».

В русском языке лексема «дети» выступает в следующих значениях.

«Идиоты, крайние тупицы» – «титовы дети». Возникновение оборота связано с именем римского императора Тита Ливия Веспасиана. Он стал героем русской трагедии «Титово милосердие», написанной Я.Б. Княжниным в 1778 году. Тит – добродетельный и мудрый правитель. Имя его в XVIII – начале XIX века становится в русском языке нарицательным и приобретает общее значение «император», как в случаях с *царь* и *король*. В процессе функционирования фразеологизм не избежал народной обработки. В нем развилось отрицательное значение, подкрепленное пословичной репутацией имени Тит. В народной речи Тит – отъявленный лоботряс и дармоед:

- *Тит, поди молотить!*
- *Брюхо болит.*
- *Тит, поди кисель есть!*
- *А где моя большая ложка?* [Бирих, 2007, с. 190].

Значение слова Тит постепенно сузилось до «злой, несправедливый правитель», а титовы дети стали символом тупиц и идиотов.

«Дети малоимущих классов населения» – «кухаркины дети». Выражение из циркуляра министра просвещения И.Д. Делянова от 1887 года. Этим циркуляром, одобренным императором Александром III и получившим в обществе ироническое название «о кухаркиных детях», предписывалось учебному начальству допускать в

гимназии и прогимназии только обеспеченных детей, то есть только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений URL]. В циркуляре пояснялось: «При неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, прачек, поваров, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат». Как видно, выражения кухаркины дети в самом циркуляре не было, но оно стало обобщающим названием для всех детей неимущих классов и закрепилось в русском языке на правах фразеологизма.

«Беспризорные, представленные самим себе дети» – «*дети подземелья*». Выражение возникло из названия рассказа В.Г. Короленко «В дурном обществе» (1885), адаптированного для учащихся средней школы.

«Молодежь всего мира» – «дети разных народов». Данный фразеологизм появился в зачине «Гимна демократической молодежи мира» А. Новикова на стихи Л. Ошанина (1947):

*Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях, океанах
Каждый, кто молод, дайте нам руки,
В наши ряды, друзья! [Бирих, 2007, с. 190].*

Понятие отсутствия с кем-либо близких отношений в русском языке отражено в идиоме «не детей крестить». Данный фразеологизм восходит к одной из древнейших форм культуры – к архетипическому противопоставлению «свой – чужой». Образ фразеологической единицы связан также с противопоставлением «сакральный – профанный».

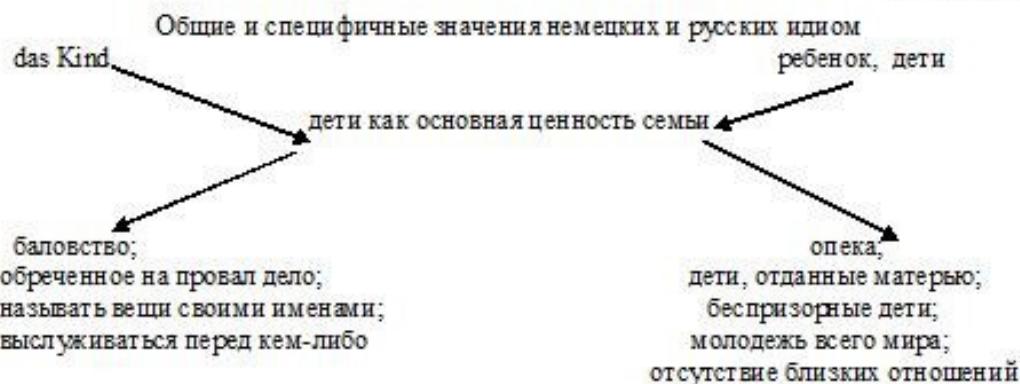
Компонент фразеологизма *дети* соотносится с семейным, до-моустроительным кодом культуры, компонент *крестить* – с религиозным кодом культуры. Религиозный обряд крещения символизирует принятие христианской веры, единение верующих в Святом, Благом и Животворящем Духе. Участники обряда – духовные отец и

мать – являются крестными по отношению к своему духовному сыну или дочери. Связь между крестным и крестником, крестными отцом и матерью, которые по отношению друг к другу и к родителям становятся кумовьями, носит невременной, освященный таинством обряда характер. Поэтому в крестные отцы старались брать лучшего друга или родственника, доброго человека, способного творить лишь добро.

Образ фразеологизма создается метафорой, уподобляющей отсутствие закрепленной обрядом связи между людьми отсутствию общих интересов, совместных занятий, взаимных обязательств.

Идиома в целом символизирует независимость человека от мнения чужих для него людей [Телия, 2010, с. 177]. Вывод изложим в виде схемы.

Схема №1.

Итак, в немецкой и русской фразеологических картинах мира, как демонстрируют идиомы данной номинации, дети символизируют основную ценность семьи и составляющее понятие рода.

Таким образом, суммируя концепцию этнолингвистического подхода к сопоставлению фразеологических единиц немецкого и русского языков, следует отметить, что данный подход позволяет изучить не только культуру и менталитет ее носителей, но и способы концептуализации мира, запечатленные в языке.

Литература

- Барт Р. Семиотика и поэтика. М., 1989.
 Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2007.
 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 2001.
 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007.
 Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М., 2010.
 Толстая С.М. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2011.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. М., 2004.
 Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL:
<http://www.domarchive.ru/history/part-1-empire/4801> (дата обращения - 02.02.2016).

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИСКУРСА КОНФРОНТАЦИИ-СОПЕРНИЧЕСТВА КАК ИДЕИ, ФЕНОМЕНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

O.A. Туркина

Ключевые слова: дискурс конфронтации и соперничества, реконструкция, каузально-генетический подход в лингвистике дискурса, моделирование типа дискурса.

Keywords: confrontation and rivalry discourse, reconstruction, cause and genetic approach, discourse linguistics, discourse type modeling.

Конфликт – одно из самых распространенных понятий в научной литературе по философии, социальным наукам и, в настоящее время, лингвистике. Выявление категорий конфликта в русле указанных направлений и является целью данной статьи. Материалом исследования послужили работы ведущих ученых в данных областях знания. В этой связи мы изучили то, как освещают конфликт и смежные понятия представители философского знания (Аристотель, Гераклит, Т. Гоббс, Н. Макиавелли), социологии (О. Конт, Г. Зиммель, Л. Козер, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, К. Маркс), политологии (Р. Дарендорф, Ю.Г. Запрудский, А.В. Глухова), конфликтологии (Е.М. Бабосов, Ю.Ю. Вейнгольд, А.В. Вишневской, Н.Ф. Вишнякова), психолингвистики (А.А. Леонтьев, С.Г. Ильинко, К.Ф. Седов, И.А. Бубнова) и лингвоконфликтологии (Н.Д. Голов, В.С. Третьякова).

Первые попытки осмыслить природу конфликта принадлежат древнегреческим философам Гераклиту, Эпикуру [Гусейнов, 1987, с. 149–199], Платону [Платон, 1863], Аристотелю [Аристотель, 1983, с. 375–644]. Мы увидели возможность в процессе нашей реконструкции сформулировать их видение конфликта в следующей верbalной форме:

- 1) конфликт неизбежен в любом сообществе людей;
- 2) конфликт социален по своей природе;
- 3) в конфликте участники проявляют свою волю и эмоции;
- 4) в конфликте происходит осмысление поведения участников.

Эти смысловые доминанты получают в философском дискурсе следующее развитие у Н. Макиавелли [Макиавелли, 1982, с. 301–378] и Т. Гоббса [Гоббс, 1991, с. 250–260]:

- 1) конфликт присущ любому социально стратифицированному (со)обществу;

2) конфликт имеет свои причины (претензии на власть, почести, материальные блага);

3) конфликт имеет свои следствия (войны и распри).

Таким образом философская наука раскрывает сущность конфликта, а его прототипическая модель отталкивается от следующих структурных элементов:

1) участники конфликта и их характеристики;

2) характеристики и условия конфликта как явления;

3) причины и следствия конфликта.

Их наполнение, то есть функциональное моделирование, как легко установить, и дано дескриптивно в четырех реконструируемых нами позициях первой группы авторов и трех составляющих второй.

Анализ конфликта с позиции его структурно-функциональной модели предложили и социологи. Так, мы обнаружили, что модель конфликта Т. Парсонса [Парсонс, 2000, с. 3–43] состоит из ряда системно организованных категорий, связующим звеном между которыми является функция конфликта в обществе. Именно эта категория становится ключевой в моделировании конфликта с позиции социального знания.

В диалектической теории К. Маркса ключевыми составляющими модели конфликта стали общественные отношения и основные субъекты данных отношений [Маркс, 1959, с. 167; 1961, с. 5–167].

У Р. Дарендорфа прослеживаются системные составляющие конфликта как целостности. Здесь фокус внимания направлен на систему ролей субъектов конфликта в системе властных отношений, что влияет на динамику развития конфликта [Дарендорф, 1994, 142–147]. Соответственно категориями здесь становятся «целостность» и «системность» в контексте их развития в категориях «роль» и «власть».

На основании этих дискурс-категорий мы выходим на видение дискурса конфликта как репрезентируемого в социальных отношениях. Последние имеют потенцию и деятельности, и состояния. Так социально-философский дискурс готовит почву для развития своих идей в приложении психологического знания, которое регистрирует переход конфликта в деятельность, поддерживаемую скрытым на первый взгляд пространством – пространством ментальных структур. Именно они становятся предметом изучения конфликта в психологии, равно как и их реализация в реальной деятельности субъектов конфликта.

Деятельностный подход в психологических науках (Т.Н. Ушакова, В.В. Латынов, А.А. Павлова, Г. Крауз, С. Киршмайер,

А. Коэн, У. Найссер и др.) ознаменовал собой новый этап осмысления специфики конфликта, а именно, конфликт стал изучаться не только как явление (феномен), но также и как идея (ментальная структура) и деятельность, выходящая в реальное конфронтационное взаимодействие – внутригрупповое или межгрупповое. В зависимости от психологических характеристик общающихся и их реализации в коммуникативной деятельности конфликт будет протекать тем или иным образом. Соответственно, это будет зафиксировано (маркировано) в кодах общения как невербальных, так и вербальных. Так, моделирование конфликта обрастает функциональными моделями.

Значимость взгляда психологии на конфликт видится в детализации деятельностного подхода, где различают внешнюю и внутреннюю стороны конфликтной деятельности. Под конфликтной деятельностью понимается противодействие людей, в результате чего имеет место столкновение целей, интересов и стремлений людей, что приводит к реальному соперничеству людей [Крогиус, 1976, с. 3].

Иначе говоря, психология конфликта, не противореча философии (структурная модель) и социологии конфликта (функциональная модель, где функция есть и потенция, и реализация явления), отталкиваясь от понимания конфликта как явления, переводит центр внимания на конфликт (соперничество) в рамки сведения идеального (ментального) и деятельностного начал в их самостности и взаимодействии, в их единстве.

Обзор ключевых категорий деятельностного подхода помогает уточнить модель конфликта с учетом взаимодействия участников процесса. Именно здесь ставится вопрос о необходимости включения в исследовательский подход наряду с прототипическими моделями (получаемыми в процессе созерцания и остановки явления, его анализа), также и функционально динамические модели данного явления. В этом суть дополнения структурного и функционального подходов деятельностным, а по сути, их единения, интегрирования, что и происходит в контексте коммуникативного знания, разрабатываемого в русле лингвистики дискурса, берущего свое начало из психолингвистики.

Перед тем как обратиться к психолингвистическому моделированию явления, мы изучили также способы лексикографической презентации конфликта, реконструируя языковые модели конфронтации-соперничества как идеи, явления и деятельности. Конфликт – это понятие сложное, многоплановое, многогранное. Сегодня он проявляется и в чистом виде, приводя к

затяжным войнам и кратким вооруженным столкновениям, и в своих менее экстремальных и непосредственно наблюдаемых формах, характерных для формата телевизионных дебатов, интеллектуальных игр, реалити-шоу др. Так соперничество становится одной из форм конфликта. Понятия «конфликт», «конфронтация» и «соперничество» тесно взаимосвязаны. Современные лексикографические источники презентуют понятие «конфликт» через синонимы и близкородственные слова, в качестве которых и слова «противостояние», «столкновение», «противоборство». Через эти понятия определяются далее понятия «конфронтация» и «соперничество», а вместе они выступают как понятийное поле конфликта, коммуникативно репрезентированного конфликта, в центре которого лежит конфликт интересов коммуникантов.

Эти тенденции осмысления конфликта как своего рода поля действия получают отражение в изучении конфронтации-соперничества в лингвистике речи (в частности в психолингвистике, социолингвистике, прагмалингвистике и лингвоконфликтологии) и далее в лингвистике конфликта, а значит, и в дискурс-лингвистике. И теперь уже можно говорить не просто о конфликте или соперничестве, но и о дискурсных практиках соперничества. Конфронтация-соперничество как дискурсная практика и коммуникативная деятельность становятся в центр внимания современных лингвистов.

С позиции прагмалингвистики изучение языкового взаимодействия осуществляется в ключе исследования того, как реализуются связи и отношения внутри речевого акта и за его пределами (локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты), выводя текст в конкретную ситуацию общения, которая становится весьма важной составляющей в речевой/языковой организации общения [Грайс, 1985, с. 217; Дорошко, 1998, с. 163; Еемерен, 1994; Пальчун, 1998, с. 168–170].

Актуальным в данном контексте становится новая дисциплина прагмалингвистического направления – лингвоконфликтология – раздел лингвистики, изучающий языковые (речевые) конфликты (Н.Д. Голев, В.С. Третьякова). Как и в модели, отталкивающейся от структурных элементов конфликта, выявленных ранее в философии, последователи данного лингвистического направления выделяют такие структурные категории данного явления, как участники, причины, добавляя при этом ущерб, причиненный конфликтом, и его временно-пространственную протяженность [Голев, 2008, с. 136–155]. При этом данное лингвистическое направление рассматривает конфликт как фрейм, типовую ментальную структуру, существующую в сознании

коммуниканта в качестве идеальной структуры, диктующей участнику конфликтной коммуникации определенный сценарий его действий (включая выбор речевого жанра с типовыми лингвистическими структурами, закрепленными в языковой культуре общества) [Третьякова, 2010, с. 141–150]. Данный подход, объединяя философское и лингвистическое видение конфликта, выводит нас к пониманию того, что конфронтация и соперничество – это идея (идеальная ментальная структура) об объективно существующем явлении и деятельность коммуникантов, которую они должны проектировать и осуществлять в данном социальном контексте.

Социолингвистика, в свою очередь, фокусирует свое внимание на роли коммуниканта в реконструкции специфики взаимодействия в процессе коммуникации, но уже с другой стороны, нежели прагмалингвистика. Если прагмалингвистика ищет оценочность, определяя роль и влияние коммуниканта на речь, заложенные в тексте имплицитно, то социолингвистика намеренно выводит ее в поле эксплицитного [Дарендорф, 1994, с. 142; Запрудский, 2002, с. 74; Козер, 2000, с. 150].

Психолингвистика выявляет лингвистический аспект проблемы языкового конфликта и определяет общие позиции, возникающие в речевом общении, способствуя объяснению природы коммуникативных конфликтов. Языковой конфликт, покоящийся на невозможности полного совмещения речемыслительных сознаний общающихся сторон, выступает в качестве неизбежного имплицитного сопровождения любой речевой деятельности [Леонтьев, 1965, с. 164; 1967, с. 118].

Итак, значимыми элементами объекта изучения в лингвистике становятся:

1. Речевое поведение и язык как форма языкового поведения.
2. Социальный контекст (социальная реальность).
3. Самоидентификация, «я» говорящего с его сознанием.

И здесь мы не можем не увидеть некоторую перекличку с моделями, реконструированными нами ранее из философско-социального дискурса.

Антрапоцентричное направление получает свое продолжение в интердисциплинарной науке, определяемой сегодня как лингвистика дискурса [La table ronde, 2013, с. 364–369; Уханова-Шмыгова, 2014]. Последняя включает в круг своих исследовательских интересов социальный контекст (непосредственно вписывая его в свой объект исследования) как важный элемент, определяющий функционирование языка в сообществе его носителей. Так, деятельностный подход

получает свою спецификацию. При этом дискурс видится и как деятельность (реальная и виртуальная), и как ее конструирование, и как ее рефлексия.

Изучая дискурс конфронтации-соперничества в рамках каузально-генетического подхода (далее КГП), мы характеризуем его как **явление** (феномен), актуализированное в обществе, как когнитивно и прагматически развитую *идею*, и как **деятельность**, вербально и не вербально реализуемую субъектами коммуникации [Oukhvanova, 2015, с. 43–56]. Такой подход позволяет увидеть дискурс конфронтации-соперничества (ДК / С) как единство (1) четырех видов *деятельности*: практической, речеповеденческой, собственно языковой, а также деятельности по аккумуляции языкового опыта и (2) четырех видов исследовательских *практик*, обеспечивающих содержательный потенциал этого типа дискурса – когнитивную, прагматическую, синтаксическую и парадигматическую. Изучение ДК / С с позиции КГП позволяет построить функциональные модели ДК / С с учетом их конкретной реализации в дискурсиях, репрезентирующих ДК / С.

Мы остановили наш выбор на КГП в качестве методологического инструмента в исследовании дискурса конфронтации-соперничества в связи с его интегративным характером. В рамках методологии науки КГП ввело в категориальный аппарат науки в целом и лингвистики в частности понятие «знаковый субъект», объяснив это актуальностью изучения субъектов коммуникации как части его содержательного потенциала [Ухванова, 1993, с. 10–27]. Тексты, переходя в дискурс, качественно меняются, включая в свой потенциал не только вербализацию реалий внешнего мира, но и субъектов коммуникации, удваивая репрезентативный потенциал общения. Таким образом, порождаются два вида функционального содержания, предложенные КГП – предмет-ориентированное и субъект-ориентированное – которые в своем диалектическом единстве обеспечивают подвижность содержательному потенциальному любого типа дискурса, в том числе и ДК / С.

Оба вида содержания репрезентированы, согласно КГП, единством четырех формантов содержания: системой (парадигматически), структурой (когнитивно), иерархией (оценочно) и линией/секвенцией (синтагматически). Этот факт обеспечивает наличие в лингвистическом знаке (слове, предложении/высказывании, сверхфразовом единстве, тексте / дискурсии) актуального и потенциального содержания, а также лингвистического и внелингвистического содержания в их функциональном и диалектическом единстве [Супрун, 1975, с. 5–22]. Каждую из четырех лингвосемиотических составляющих текста в со-

циальном контексте можно определить как одну из аналитических практик реализации дискурса [Ухванова, 1993, с. 10–27].

Видение дискурса в единстве феномена, идеи и деятельности оправдывает наш выбор КГП в качестве методического инструмента изучения ДК / С, позволяющего перейти в дискурс-исследованиях от дескрипции собранной и системно организованной базы данных к построению функциональных моделей типов дискурса. Для построения таких функциональных моделей важно выявить ключевые дискурс-категории, которые определяют специфику функционирования того или иного типа дискурса. В качестве ключевой синтезированной дискурс-категории, определяющей функционирование ДК / С, мы выбрали дискурс-карту мира (далее ДКМ).

ДКМ – это функциональная категория, определяющая успешность коммуникативной деятельности в ситуации соперничества и параметры ее изучения (аналитические практики). ДКМ – это метафора, акцентирующая внимание на том, что каждая дискурсия актуализирует адресанта и его мир. Это предмет-ориентированное содержание дискурса, которое не дается участникам коммуникации априори, а которое предстоит реконструировать. Процесс реконструкции достаточно сложен: глядя на «картину», каждый видит свое и осмысливает по-своему, а значит, вербализирует сам и понимает то, что вербализируют, по-своему. Реконструкция ДКМ в контексте нашего исследования проводится методиками тематического анализа [Ryan, 2003, с. 85–109] и знаково-тематического (анализ лексико-семантических полей, реконструируемых из дискурсий – текстов соперников игры «Последний герой 1», представленных в скриптах и проанализированных с учетом контекста всей игры).

В связи с пока редким использованием в лингвистике метода тематического анализа остановимся несколько подробнее на описании его сути. Процедура тематического анализа достаточно подробно представлена в книге «Techniques to identify themes» (авторы Г. Райан и Рассел Бернард). Тематический анализ – это фундаментальный метод квазититативного (качественного) анализа. Он включает в себя такие частные методы, как наблюдение, описание, а также статистический подсчет. Пошаговое исследование верbalного ряда – это анализ лексических единиц, изучение которых помогает углубить понимание тем коммуникантами. Тематический анализ включает в себя идентификацию тем и подтем, их сортировку, выстраивание в иерархическом порядке и связывание в теоретические модели [Ryan, 2003, с. 85 – 109]. Выявление тем с учетом их развития (в том числе вербального), построение карт, которые демонстрируют тематическую

сетку, детализация тем сетки – все это позволяет углубить понимание того, что является объектом коммуникации, в том числе и ДКМ содержания дискурса.

Реконструкция тем с позиции КГН предполагает углубление дискурс-категорий исследовательского аппарата, то есть поиск операциональных категорий.

Исследовательская модель КГН сосредотачивает внимание на том, что в контексте дискурс-лингвистических исследований анализ неизбежно поддерживается синтезом, а реконструкция различных планов содержания – их целостным воплощением в коммуникативной деятельности. Изучение дискурса конфронтации-соперничества с позиции данного направления позволило нам множественно моделировать дискурс соперничества в русскоязычной версии телегигры «Последний герой 1» и построить как прототипическую, так и функциональные модели финалистов данной игры. Но это уже тема иной статьи.

Литература

- Аристотель. Политика // Сочинения: в 4-х тт. М., 1983. Т. 4.
- Гоббс Т. О том, что ослабляет или ведет государство к распаду. М., 1991. Т. 2.
- Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Барнаул–Кемерово, 2008.
- Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Гусейнов А.А. Этические учения эпохи упадка рабовладельческого общества // Краткая история этики. М., 1987.
- Гусейнов А. Этические учения эпохи упадка рабовладельческого общества // Краткая история этики. М., 1987.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социальные исследования. М., 1994. Вып. 5.
- Дорошко О.Н. Семантика и прагматика контрадикторного дискурса // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Минск, 1998. Вып. 2.
- Еемерен Ф.Х. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений. СПб., 1994.
- Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.
- Крогиус Н.В. Личность в конфликте: на материале исследования шахматного творчества. Саратов, 1976.
- Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М., 1965.
- Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М., 1982.
- Маркс К. К критике политической экономии // Сочинения. М., 1959. Т. 13.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Сочинения. М., 1961. Т. 23.
- Пальчун Г.П. Дискурсивные связи в рамках обмена репликами // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Минск. 1998. Ч. 2.
- Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные

профессором Карповым: в 6-ти ч. СПб. 1863–1879. Ч. 3.

Супрун А.Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. Минск, 1975.

Третьякова В.С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Барнаул–Кемерово, 2010.

Ухванова И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социальная мысль. III. Киев, 1993.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск, 2014.

Oukhvanova I. Discourse as a macro sign: the causal genetic perspective of discourse linguistics // Dyskurs: aspekty lingwiistyczne, semiotyczne I komunikacyjne. Olsztyn, 2015.

Ryan W.G. Techniques to identify themes // Field Methods. 2003. Vol. 15. Iss. 1.

La table ronde. Минск, 2013. Вып. 2.

ИМПРЕССИОНИЗМ В ПЕЙЗАЖЕ А.П. ЧЕХОВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

K.A. Кочнова

Ключевые слова: языковая картина мира писателя, пейзаж, А.П. Чехов, импрессионизм, художественно-речевая система, языковая единица.

Keywords: the author's linguistic view of the world, landscape, A.P. Chekhov, impressionism, art-speech system, language unit.

Импрессионистическое художественное мышление было органично присуще А.П. Чехову, на что обращали внимание исследователи творчества писателя [Громов, 1971; Захарова, 1997; Кулиева, 1988; Субботина, 1982]. Это был естественный отклик художника слова на новые веяния эпохи. Остановимся на отдельных импрессионистических чертах, которые нашли выражение в пейзажах писателя.

Для А.П. Чехова характерен субъективизм восприятия природы. Пейзаж у писателя не фон, на котором разворачиваются действия, а часть образной системы. Это пейзаж-настроение. «На меня, уроженца севера, степь действовала как вид заброшенного татарского кладбища. Летом она со своим торжественным покоем – этот монотонный треск кузнечиков, прозрачный лунный свет, от которого никуда не спрячешься, – наводила на меня унылую грусть, а зимой безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, волчий вой давил меня тяжелым кошмаром» («Шампанское») [Чехов, 1983, т. 6, с. 12].

Чеховские описания неповторимы. С одной стороны, индивидуальны некоторые отдельные употребления словосочетаний. С другой стороны, может быть неповторима цепь из этих звеньев, составленная писателем и отражающая его видение мира. В качестве примера возьмем два словосочетания: «*прозрачные туманные пятна*» и «*прозрачная матовая дымка*». С одной стороны, в нашем языковом сознании возникает ряд синонимов, связанных со словом *прозрачный*: «чистый, незамутненный, хрустальный, кристальный, ясный» [Александрова, 1989, с. 349]. А с другой стороны, *туманный*: «прил. к туман. в 1 значении. Непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы» [Толковый словарь, т. 4, с. 826], то есть непрозрачный вследствие тумана, и *матовый*: «неблестящий, тусклый, непрозрачный» [Толковый словарь, т. 2, с. 162]. А.П. Чехов употребляет по отношению к одному объекту эпитеты, противоречащие друг другу. Авторский подбор эпитетов способствует ярким зрительным представлениям, обеспечивая наглядную живость восприятия пейзажа.

Писатель использует словосочетания, в основе которых – разностилевая лексика, например, *непроглядная тьма*, где прилагательное *непроглядный* означает «такой темный, что ничего нельзя разглядеть, непроницаемый для глаза (разг.)» [Толковый словарь, т. 2, с. 540] и зависит от существительного *тьма*, означающего «отсутствие света, освещения, мрак (книж., поэтич.)» [Толковый словарь, т. 4, с. 839]. Элементы словосочетания дополняют друг друга. То же самое мы видим в словосочетании *ослепительные яркие лучи*, прилагательное *яркие* означает «дающий сильный свет, сияющий ослепительный» [Толковый словарь, т. 4, с. 1464]. Сравним: *черные густые потемки*. Словосочетания обладают большой художественной выразительностью, если создаются необычным объединением лексических средств. Например, *неуклюжее облако, туманные клочья*.

Для стиля А.П. Чехова характерно употребление разговорной лексики. Слово *страшно* в словосочетаниях *страшно глубокое* и *прозрачное, страшно красив* и других употребляется во втором значении, имеющем помету «разг.», «очень большой, значительный по силе, глубине, интенсивности проявления» [Толковый словарь, т. 4, с. 551]. Достаточно частотно выражение *там и сям*: «блестели там и сям лужицы» («Тяжелые люди») [Чехов, 1983, т. 5, с. 326], «далеко на ней там и сям горели тусклые огоньки» («Враги») [Чехов, 1983, т. 6, с. 36], «на горизонте там и сям белели в синеющей дали церкви и барские усадьбы» («Не судьба») [Чехов, 1983, т. 4, с. 62]. Таким

образом, писатель как художник-импрессионист словно делает наброски, из которых складывается потом целая картина.

Для природных описаний характерен антропоморфизм, присущий импрессионизму. Явления природы часто одушевляются писателем. «*Тополь поглядел на меня сурово и уныло*» («Шампанское») [Чехов, 1983, т. 6, с. 16], «*Луна хмурилась, ей было завидно и досадно*» («Дачники») [Чехов, 1983, т. 4, с. 16].

А.П. Чехов использует импрессионистическую технику письма. Суть нового метода живописи заключается в «передаче внешнего впечатления, цвета, тени, рефлексов на поверхности предметов раздельными мазками чистых красок, что зрительно растворяло форму в окружающей свето-воздушной среде» [Власов, 1998, с. 228]. Писатель использует этот метод в своем пейзаже. В рассказе «Волк» облик луны создан с помощью одной детали: «*на середине ее [плотины] блестела звездой горлышко от разбитой бутылки*» [Чехов, 1983, т. 5, с. 41].

Пейзажи А.П. Чехова имеют особую «цветовую мелодию». Все описание разворачивается, словно на черно-белой ленте, движение которой нарушают цветовые вспышки: например, в рассказе «Верочка» можно проследить такую цветовую гамму: *белый как снег, черные силуэты, белые тени, белый дым, темная тень, черные канавы, черные потемки, темные окна, былым огнем, побелее, яркий всплеск – синяя даль и зеленоющая пашня*. Рисунок лунной ночи найден здесь с помощью отдельных пятен, как на полотнах импрессионистов.

Чеховскому описанию свойственна игра со светом. «*Зарево охватило треть неба, блестит в церковном кресте и в стеклах господского дома, отсвечивает в реке и в лужах, дрожит на деревьях*» («Красавицы») [Чехов, 1983, т. 7, с. 168]. Свет входит в чеховский пейзаж пятнами, отдельными штрихами, мазками, отблесками: «*небо отражалось в воде; звезды купались в темной глубине и дрожали вместе с легкой зыбию*» («Святою ночью») [Чехов, 1983, т. 5, с. 92]. Лексику, использованную А.П. Чеховым при организации пейзажа, можно представить семантической группой «импрессионистические мазки», включающей различные языковые единицы: блеснуть, гореть, догорать, дрожать, заблистать, заливать, испускать, исчезать, касаться, клочки, огоньки, озаряться, отражения, отсвечивать, переливать (радугой), полосы света, прибиваться, пятна, сверкнуть, светиться, тени, туман.

В пейзажах писателя используются звукоподражательные междометия как средство художественной изобразительности. Автор стремится во всех деталях передать звук явлений природы. Без этих

звуков пейзаж окажется гол и схематичен. А.П. Чехов воспроизводит средствами языка голоса птиц, животных, звуки бури и других природных явлений: *У-у-у, ббух!, бух!, трах!, а-а, бу-у, спяю!, жив, жив!, голая-голая!, цвиринь!, кррра!, у-ту-тут!, и ты такова!, трах! тах! тах!, рррр, тттра, а...а...ва...* Перед звукоподражательными словами и междометиями у писателя всегда идет подробное метафорическое описание звука в том виде, в котором он запечатлен в сознании действующего лица. Такая поддержка междометию номинативно-описательным контекстом придает звуку особую выразительность. «*В тихом воздухе, рассыпаясь по стели, пронесся звук. Что-то вдали грунно ахнуло, ударились о камень и побежсало по стели, издавая: тах! тах! тах! тах!*» («Счастье») [Чехов, 1983, т. 6, с. 216].

Словесное описание писателя всегда рассчитано на творческую деятельность читателя. Автору необходимы способы активизации читательского внимания. У А.П. Чехова изображение мира представлено через восприятие героя, «глазами героя». Такую возможность дают синтаксические двучленные конструкции, включающие компонент со значением восприятия и состояния, вызванного этим восприятием. В наибольшей степени это свойственно построениям со словами *слышно, видно, синонимичным конструкциям очевидно, чувствовалось, казалось.* Происходит намеренное устранение прямого указания на воспринимающее лицо. Автор активизирует внимание читателя, подключает его воображение, заставляя его «видеть изображаемое». Впечатление от изображаемого объективизируется, читатель сам должен увидеть и услышать, как пели птицы или звонили колокола. Все изображаемое подано как увиденное, услышанное персонажем, но воздействует на читателя как потенциально свойственное каждому лицу вообще. Такие построения позволяют передать субъективное как объективно существующее. «*Не было видно ни одного огонька*» («Дом с мезонином») [Чехов, 1983, т. 9, с. 187], «*Видно было, что солнце еще не совсем спряталось*» («Красавицы») [Чехов, 1983, т. 7, с. 159], «*Слышался шепот деревьев*» («Враги») [Чехов, 1983, т. 6, с. 36].

Задача писателя – дать объекты в отношении друг с другом. Но при этом не делать одни главными, а другие – зависимыми. Поэтому связь между объектами предельно ослаблена. А.П. Чехов делает лишь наметки отдельных деталей пейзажа, показывает явления не со всех сторон, а поворачивает и открывает лишь одну из сторон. «*Дорога была грязна, блестели там и сям лужицы, а в желтом поле из травы глядела сама осень*» («Тяжелые люди») [Чехов, 1983, т. 5, с. 326].

Интересны построения с грамматическим центром «инфinitив + слово на -о» (и наоборот). Например, *трудно понять, странно видеть, скучно жить*. Такие конструкции выражают оценку действия, названного инфинитивом, и состояние, обусловленное этим действием. В такой оценке содержится обобщение из-за отсутствия прямого указания на воспринимающее лицо. И снова активизируется внимание читателя.

Частотны и конструкции «наречие + глагол», где приглагольное наречие выражает качественный или временной признак действия. Например, *ярко осветило, давно кончилось, сильно пахло, нелюдимо блестело, лениво квакали, неравномерно сложился, весело мигали, печально шелестела*. Также широко используются приименные наречия, характеризующие различные оттенки, нюансы, степень проявления признака предмета. Например, *совершенно одинаковые, ослепительно яркие, безгранично глубокие, необыкновенно прозрачном, очень яркие*.

Наиболее распространеными в чеховском пейзаже являются конструкции с использованием слов категории состояния, обозначающих состояние окружающей среды, где глагол *быть* указывает лишь на временную отнесенность [Кочнова, 2005, с. 74]. Слова категории состояния выражают оценку состоянию окружающей среды с точки зрения слуховой и зрительной воспринимаемости предметов. Например, «*было тихо, но холодно, морозно*» («Пересолил») [Чехов, 1983, т. 4, с. 214]. Все это складывается в большую целостную картину.

Той же технике письма отвечает сложносочиненное предложение с соединительным союзом «и», когда писатель перечисляет окружающие явления природы с целью создания более широкой картины. В этом случае грамматическое значение предложения может варьироваться в зависимости от лексического наполнения предиката. «*И все молчали, все было кругом приветливо, молодо, так как близко, все – и деревья, и небо, и даже луна, и хотелось думать, что так будет всегда*» («Архиерей») [Чехов, 1983, т. 10, с. 265].

Художественный принцип А.П. Чехова – кратко говорить о длинных вещах. В пейзаже концентрация содержания достигается путем введения очень коротких безличных предложений, нередко заключающих описание в композиционное кольцо [Кочнова, 2015].

Анализ синтаксических особенностей пейзажа показал, что постоянным средством являются предложения с однородными членами. Последние – чаще всего слова, грамматическое значение которых заключается в названии признаков, свойств, качеств,

постоянных и временных. Это имена прилагательные и глаголы. «*Она кротка, печальна и прекрасна*» («Человек в футляре») [Чехов, 1983, т. 6, с. 270], «*Стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо*» («Студент») [Чехов, 1983, т. 8, с. 306].

На уровне сложного предложения А.П. Чехов использует сложносочиненное и бессоюзное предложение. Наиболее частотны среди сложноподчиненных предложений предложения с грамматическим значением «временная последовательность действий». «*Солнце уже зашло, и на горизонте пылало широкое красное зарево, предвещавшее на завтра ветреную погоду*» («Черный монах») [Чехов, 1983, т. 8, с. 226], «*Зеленый огонь погас, и не стало видно теней*» («Дом с мезонином») [Чехов, 1983, т. 9, с. 188].

Употребительны также сложносочиненные предложения с противительной и сопоставительной семантикой. Например, «*Дорога была грязна, блестели там и сям лужицы, а в желтом поле из травы глядела сама осень*» («Тяжелые люди») [Чехов, 1983, т. 5, с. 326], «*Рано утром на Волге бродил легкий туман, а после десяти часов стал накрапывать дождь*» («Попрыгунья») [Чехов, 1983, т. 8, с. 143].

В чеховском пейзаже можно выделить в силу особой интонационной оформленности, большой смысловой нагрузки *именительный темы*. В нем актуализируется заключенное во всем описании содержание; он дает толчок к размышлению. «*Луна-то, луна!...*» («Человек в футляре») [Чехов, 1983, т. 6, с. 270]. «*Гроза! Милая гроза!...*» («Дуэль») [Чехов, 1983, т. 7, с. 310]. «*Степь..., степь...*» («В родном углу») [Чехов, 1983, т. 9, с. 314]. Употребление данной синтаксической фигуры также направлено на активизацию читательского внимания.

Таким образом, среди языковых средств, используемых А.П. Чеховым для создания пейзажа в духе импрессионизма, основным являются языковые единицы разных уровней, среди которых преобладают единицы семантических групп со значением «цветосветовые пятна», «импрессионистические мазки»; формы глагола несовершенного вида, обозначающие обычное, регулярно воспроизводимое, повторяющееся действие; действие в его течении и длительности (с субъектом-персонажем); приименные и прилагольные наречия, неопределенные местоимения, звукоподражательные междометия и слова, конструкции со словами *слышно, видно, казалось, чувствовалось*, конструкции со словами категории состояния; безличные предложения, бессоюзные сложные предложения со значением перечисления, употребление синтаксической фигуры «именительный темы».

Литература

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
- Власов В.Г. Стили в искусстве. СПб., 1998.
- Громов Л.П. К вопросу об импрессионизме Чехова // Филологические этюды. Ростов-на-Дону, 1971.
- Захарова В.Т. Чехов и проблема импрессионизма // Вопросы русской и зарубежной литературы. Калуга, 1997.
- Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: дис. канд.филол.наук. Нижний Новгород, 2005.
- Кочнова К.А. Языковая модель пейзажа А.П. Чехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 3-2 (45).
- Кулиева Р.Г. Реализм А.П. Чехова и проблема импрессионизма. Баку, 1988.
- Субботина К.А. Чехов и импрессионизм // Художественный метод А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1982.
- Толковый словарь современного русского языка: в 4-х тт. М., 1935–1940.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти тт. М., 1974–1983.

ЛИНГВОЭВОКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСНОЙ МЕЖПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

Э.В. Малыгина

Ключевые слова: эвокационный прием, малая проза В.М. Шукшина, «сшибка», кризисная коммуникация.

Keywords: evocation method, short stories by Shukshin, collision, conflict communication.

Аналитическая способность В.М. Шукшина выявлять закономерности взаимодействия людей в реальной речевой среде определила характер изображения писателем Homo communicans в пространстве художественного текста малой прозы. Выбор рассказов третьего периода (по периодизации А.И. Куляпина) для исследования признаков кризисной межперсонажной коммуникации обусловлен особенностями эстетических установок писателя: в произведениях 1970-х годов, по мысли А.И. Куляпина, писатель уделяет внимание конструированию «героя-схемы». Создание (семиотизация) «героя-схемы» является результатом обобщения В.М. Шукшиным системы социокоммуникативных отношений. Обобщение реализуется в специфике выбора писателем особого типа героя («странныго человека»), характерного для рассказов позднего

творчества. Именно в «странным человеке», по мнению С.М. Козловой, живет «правда его времени». Наиболее частотной формой выражения «странных» в манере речевого и коммуникативного поведения человека в текстах малой прозы В.М. Шукшина является «сшибка», под которой, по словам писателя, понимаются «крайние ситуации», раскрывающие «полярное представление о жизни» [Шукшин, 1979, с. 246].

Обращение к лингвистической теории эвокации, теоретические положения которой представлены в трудах А.А. Чувакина [Чувакин, 1995; Чувакин, 2014], позволило в предыдущих работах установить проявление признаков кризисной коммуникации, характерных для реальной речевой среды («системность, внезапность возникновения кризисогена, масштабность развития кризисогена, резкое (острое) столкновение индивидов»), в межперсонажной «сшибке» (см.: [Малыгина 2011а; 2012; 2013]). Важное значение в изучении преобразования акта кризисной «общей» коммуникации (объект эвокации) во фрагмент текста, который приобретает признаки кризисогенности межперсонажной коммуникации в «сшибке» (продукт эвокации), принадлежит эвокационному приему.

Задача данной статьи заключается в представлении основных групп эвокационных приемов, посредством которых в межперсонажной «сшибке» воспроизводятся признаки кризисной коммуникации.

Под эвокационным приемом при изучении проблемы кризисного взаимодействия персонажей в малой прозе В.М. Шукшина «понимается способ преобразования акта кризисной «общей» коммуникации во фрагмент текста, который приобретает признаки кризисогенности межперсонажной коммуникации» [Малыгина, 2012, с. 154]. Нами установлены следующие группы эвокационных приемов: субстанционально-функциональная (прием нелестной номинации, прием обобщения) и структурно-функциональная (прием прерывания речи и прием смешения). Указанные группы различаются способами трансляции кризисогена. Рассмотрим отдельно каждый эвокационный прием.

Трансляторами кризисогена посредством приемов, принадлежащих к субстанционально-функциональной группе, в текстах малой прозы В.М. Шукшина являются лексические единицы с грамматическим значением единственного либо множественного числа. Данная группа представлена приемом нелестной номинации и приемом обобщения.

Прием нелестной номинации – «это способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации, при котором основным средством передачи кризисогенности межперсонажной коммуникации (системности, внезапности «сшибки») является просторечная бранная и стилистически

сниженная лексема-номен (комбинации лексем-номенов) со значением единственного числа» [Малыгина, 2013, с. 96].

Продемонстрируем преобразование объекта эвокации во фрагмент текста, приобретающего сигнал кризисного межперсонажного взаимодействия, на материале текста рассказа В.М. Шукшина «Как Андрей Иванович Куренков, ювелир, получил 15 суток»:

Андрей Иванович на это выпячивал нижнюю челюсть, зло смотрел на закройщика, некоторое время молчал, потом начинал говорить:

*- Чем отличается граненый бриллиант от бриллианта, который не побывал в руках мастера? Граненый играет. А тебя когда делали, чуть-чуть только тронули – чтобы вес не потерять: **ты дурак. Тяжелый, но дурак.***

Опять на беду свою, много, долго и одинаково – про бриллианты, гранения, игру... И дожидался, что Трехалев ему на все это кратко говорил:

- Трепач, барахло, – и уходил.

И получалось, что это он говорил последние слова, слова тяжкие, обидные, а Андрей Иванович оставался со множеством точных, образных слов – не высказанных...

Комбинация лексем «тяжелый дурак», «трепач», «барахло» в речевой партии персонажа является средством усиления ненейтрального, просторечно-бранного способа номинации героя.

Кризисогенным сигналом межперсонажной «сшибки» в данном фрагменте является системный характер проявлений взаимного оскорблений.

Локализация нелестной номинации в речевой партии повествователя позволяет писателю передать эмоциональную реакцию героя на лексему-номен в «сшибке». В данном фрагменте «сшибка» является показателем регулярного доминирования одного из коммуникантов над Другим с помощью слова (*он говорил последние слова, слова тяжкие, обидные*).

Системность (регулярность) проявления конфликтных межперсонажных актов позволяет читателю эксплицировать неспособность героя вербально воздействовать на Другого (*а Андрей Иванович оставался со множеством точных, образных слов – не высказанных*).

Лексемой-кризисогеном в речевой партии персонажа передается динамика развития конфликтного дискурса (подобную функцию лексема-кризисоген приобретает в рассказах «Мой зять украл машину дров», «Суд»); лексемой-кризисогеном в речевой партии повествователя воспроизводится специфика эмоциональной реакции героя на нелестную номинацию – оскорбительную, конфликтоносную) (данний смысловой

эффект представлен в рассказах «Дебил», «Ноль-ноль целых»). Сгущение лексем-номенов, включенных одновременно в речевую партию повествователя и речевую партию персонажа, способствует усилению кризисогенности межперсонажной «сшибки».

Таким образом, приемом нелестной номинации подчеркивается кризисогенность отступления героев от этикетной формы общения, что приводит к «сшибке».

Прием обобщения – это «способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации, при котором основным средством передачи кризисогенности межперсонажного взаимодействия (масштабности развития коммуникативного дистанцирования персонажей) являются формы множественного числа именных, глагольных лексических единиц либо дейктических средств» [Малыгина, 2013, с. 112].

Средства преобразования объекта эвокации в продукт эвокации с помощью приема обобщения (имена существительные, глаголы и местоимения в форме множественного числа в структуре общеинформационных высказываний, обобщенно-личных высказываний и т.д.) локализуются в речевой партии повествователя и в речевой партии персонажа.

Лексема-кризисоген в речевой партии повествователя направлена на изображение результата предшествующих трансакций с позиции мировосприятия героя. Кризисогенность «сшибки» воспроизводится в сознании героя через трагизм мироощущения. Данный эстетический эффект достигается с помощью комбинации лексем-кризисогенов в форме множественного числа в конструкциях с несобственно-прямой либо внутренней речью персонажа.

Например, в рассказе «Мой зять украл машину дров!» (исследование данного фрагмента рассказа представлено в работе [Малыгина, 2011]) лексемы-кризисогены, выраженные местоимениями (*они, все*) и существительным (*люди*), воспроизводят особенность мироощущения Вениамина в ситуации судебной тяжбы, которая актуализирует переосмысление героем существующей системы ценностей в аспекте Человек – Власть:

...Его охватил ужас перед этим мужчиной... И доказывает, доказывает, доказывает – надо сажать. Это непостижимо. Как же он потом ужинать будет, детишек ласкать, с женой спать?.. Раньше Веня часто злился на людей, но не боялся их, теперь он вдруг с ужасом понял, что они бывают страшные... В один миг все сразу рухнуло. Да и пропади он пропадом этот кожан!

Если в начале монолога создается характеристика конкретного участника речевого акта (*этот мужчина*), то в конце фрагмента текста в речевой партии повествователя представлен множественный субъект с

помощью формы множественного числа имени существительного (*люди*), это создает выход на глобальный уровень системы жизнеустройства, представленной с точки зрения Вениамина (*они бывают страшные*).

Средством воспроизведения кризисной межперсонажной коммуникации в данном фрагменте выступает пропозиция эмоционально-психологического состояния, которая представлена общеинформационной синтаксической конструкцией (*В один миг все сразу рухнуло!*).

Включением лексемы-кризисогена в речевую партию персонажа обеспечивается воспроизведение процессуального (динамического) аспекта коммуникации, трансляция «точки зрения» героя на событие.

Способность лексемы-кризисогена семантизировать коммуникативное дистанцирование персонажей в ситуации несоблюдения максимы доброжелательности позволяет писателю передать процесс изоляции человека от определенной части социального мира. Например, в рассказе «Владимир Семенович из мягкой секции» конструируется отчуждение героя и родственников:

- Здесь! – воскликнул не без иронии Владимир Семенович. – Есть **дяди два, три тетки...** Мать с отцом померли. Но эти... они все из себя строят, воображают, особенно когда я злоупотреблял. У нас наметилось отчуждение. – Владимир Семенович говорил без сожаления, а как бы даже посмеивался над родными и сердился на них. – **Обыватели. Они думают, окончили там свои... Мещане!**

Дейктические лексемы (*эти, они*) в речевой партии персонажа создают обезличивание субъекта номинации (родственников). Усиление внутрисемейного отчуждения достигается с помощью лексем *мещане, обыватели*, посредством которых писателем воспроизводится несоблюдение максимины доброжелательности по отношению к Другому.

В рассказе «Вечно недовольный Яковлев» (см.: [Малыгина, 2011a]) с помощью приема обобщения изображается оценка персонажем статуса женщины (*бабы*): «Чего ты осердился-то? **Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни...**». В приведенном речевом высказывании героя В.М. Шукшин моделирует перенос характеристики с конкретного персонажа (Галины) на вульгарно-просторечное и третьесличное именование представителей женского пола (*баба, их, подруги жизни*). Такое же коммуникативное обесценивание Другого представлено в рассказе В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»: в речевую партию Баева вводятся именные лексемы-характеризаторы в форме множественного числа (*кобели, поганки и др.*)

Таким образом, эвокационный потенциал приема обобщения определяется его способностью воспроизводить кризисогенный при-

знак масштабности коммуникативного дистанцирования героев во внутреннем коммуникативном пространстве текста малой прозы В.М. Шукшина.

В отличие от субстанционально-функциональной структурно-функциональной группы эвокационных приемов связана с трансляцией сигналов кризисной межперсонажной коммуникации посредством особой организации структуры речевого высказывания персонажа. В данную группу входят прием прерывания речи и прием смещения.

Прием прерывания речи – это способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации, «при котором основным транслятором кризисогенности межперсонажной коммуникации (внезапности «сшибки» или резкого столкновения героев) являются синтаксические конструкции с прерванной речью, представленные речевой партией персонажа и невербальным компонентом коммуникации» [Малыгина, 2013, с. 135].

Введенное понятие неверbalного компонента коммуникации является дополнительным смысловым элементом в тексте, с помощью которого моделируется невербальная реакция героя на кризисоген. Сигналами невербального компонента коммуникации в текстах малой прозы писателя могут быть лексические (лексемы со значением наименования эмоций), синтаксические средства (пропозиции психологического состояния коммуникантов) и компоненты текста, выполняющие функцию знаков (ими являются единицы, определяющие смысловое приращение компонента ситуации в структуре художественного текста) либо отсылающие к фоновым знаниям.

Невербальный компонент, представленный автором текста имплицитно в структуре речевых партий персонажей, позволяет читателю установить в некоторых рассказах В.М. Шукшина фазы нарастания межперсонажной «сшибки», которая по сути трансформируется в монологическую форму коммуникации.

Например, во фрагменте текста рассказа «Беспалый» писателем воспроизводится подобная «сшибка» Клары и матери Сереги:

- *А я что, не работаю?*

- *Да твоя-то работа... твою-то работу разве можно сравнить с мужчиной, матушка! Покрути-ка его день-деньской (Серега работал трактористом) – руки-то какие надо! Он же не двужильный!* (прерываемая реплика 1)

- *Я сама знаю, как мне жить с мужем* (прерывающаяся реплика 1), – *сказала на это Клара. – Вам надо, чтобы он пил?*

- *Зачем же?* (прерываемая реплика 2)

- *Ну и все. Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны* (прерывающаяся реплика 2).

- *Да ведь мне жалко его, он же мне сын...* (прерываемая реплика 3)

- *Вам не жалко, когда они под заборами пьяные валяются? Жалко? Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему. Ясно?* (прерывающаяся реплика 3)

- *Господи, батюшка!.. – опешила мать. – И слова не скажи. Замордовала мужика, а ей и слова не скажи.*

Прерываемая реплика (1) матери (*Он же не двужильный!*) и прерывающаяся реплика (1) Клары (*Я сама знаю, как мне жить с мужем*) эксплицируют ситуацию доминирования Клары в системе семейно-родственных отношений и нежелание принимать точку зрения Другого. Монополия Клары на слово усиливается в структуре следующей конструкции с прерывающейся речью.

Ответная реплика матери (*Зачем же?*) преобразуется в структуре диалога в прерываемую реплику (2). Посредством семантики высказывания Клары «*Ну и все. Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны*» автором маркируется блокирование трансляции смыслов в коммуникации. Реплика Клары «*Ну и все*» на семантическом уровне диалога позволяет установить завершение обсуждения проблемы организации семейной коммуникации. Погашение диалога сопровождается введением пропозиции качественной характеристизации поведения свекрови (*Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны*).

Прерывающаяся реплика (3) в структуре диалога (*Вам не жалко, когда они под заборами пьяные валяются? Жалко? Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему. Ясно?*) усиливает коммуникативное доминирование героини. Сигналами антидиалогизма как показателя «сшибки» являются общеутвердительные (*Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему.*) и вопросительная (*Ясно?*) конструкции, занимающие в высказывании рематическую (коммуникативно и семантически сильную) позицию.

Таким образом, невербальный компонент коммуникации является способом преобразования диалогической по форме структуры взаимодействия героев в монологическую по смыслу: «фатическая» реакция подменяется «оценочной». Результатом квазидиалога становится коммуникативное доминирование одного из героев рассказа над Другим (*И слова не скажи. Замордовала мужика, а ей и слова не скажи*). Коммуникативное доминирование снохи над свекровью порождает кризисогенность межперсонажной трансакции в аспекте неподготовленности, которая воспроизводится в тексте посредством отступления от

традиционной модели взаимодействия представителей старшего и младшего поколений.

Обобщая сказанное, отметим важную способность приема прерывания речи быть показателем неспособности существующей коммуникативной модели обеспечивать оптимальность взаимодействия. Этим обусловливается одна из ключевых функций данного эвокационного приема при интерпретации смысла целого текста рассказа.

Прием смещения – это способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации, «при котором основным транслятором кризисогенности межперсонажной коммуникации (масштабности развития «сшибки») являются конструкции с несобственно-прямой либо внутренней речью в аппликативном речевом слое автора-повествователя» [Малыгина, 2013, с. 161].

Рассмотрим данную особенность субстанциональной природы приема во фрагменте текста рассказа «Беспалый»:

«Так вот это как бывает, – с ужасом, с омерзением, с болью постигал Серега. – Вот как». И все живое, имеющее смысл, имя, – все рухнуло в пропасть, и стала одна черная яма. И ни имени нет, ни смысла – одна черная яма. «Ну теперь все равно», – подумал Серега. И шагнул в эту яму.

- Кларнети-ик, это я, Серый, – вдруг пропел Серега, как будто он рассказывал сказку и подступил к моменту, когда лисичка-сестричка подошла к домику петушка и так вот пропела: – Ay-y! – еще спел Серега. – А я вас счас буду убива-ать.

Дальше все пошло мелькать как во сне: то то видел Серега, то это... То он куда-то бежал, то кричали люди. Ни тяжести своей, ни плоти Серега не помнил. И как у него в руке очутился топор, тоже не помнил.

Сигналом «сшибки» в изображаемой автором трансакции выступает противоречие желаемого (семейное благополучие) и действительного (факт измены). Это противоречие вербализуется посредством лексемы *яма*, которая в анализируемом текстовом фрагменте семантизирует коммуникативный «тупик» семейной жизни Сереги и Клары. Высказывание «шагнуть в эту яму» в речевой партии повествователя передает состояние неспособности героя оптимально решить возникшую проблему. Масштабность развития *тупика* создается автором посредством трансформации внутренней речи во внешнюю речь и в физическое действие (показателя неверbalного компонента коммуникации).

В исследуемом фрагменте осуществляется смещение стилистически нейтрального высказывания героя (*Так вот это как бывает*) в высказывание, имитирующее форму сказа и содержащего семантику

смерти (Кларнети-ик, это я, Серый, – вдруг пропел Серега, как будто он рассказывал сказку и подступил к моменту, когда лисичка-сестричка подошла к домику петушки и так вот пропела: – Ay-y! – еще спел Серега. – А я вас счас буду убива-ать). В структуре трансакционной модели это создает переключение внутренней рефлексии героя во внешнее действие. Оречевление действия героя в тексте вводится с помощью императивной конструкции «*А я вас счас буду убива-ать*», которая объединяет элементы речевой партии персонажа и невербальный компонент коммуникации. Лексема *убивать* в структуре изображаемой автором «сшибки» выполняет функцию сигнала смены коммуникативной стратегии Сереги.

Если в первом и втором абзацах графически представлено обособление речевых слоев героя и автора-повествователя, то в последнем абзаце воспроизводится растворение речевой партии персонажа в речевой партии повествователя. Это позволяет автору произвести описание невербального компонента коммуникации через смену действий и смену психологических состояний героя (*То он куда-то бежал, то кричали люди. Ни тяжести своей, ни плоти Серега не помнил. И как у него в руке очутился топор, тоже не помнил*) и акцентировать внимание читателя на аффективности поведения Сереги в эмоциогенной ситуации. Таким образом, речевая партия персонажа в исследуемом фрагменте представлена двумя способами: конструкцией с прямой речью (внутренний монолог героя) и самостоятельной конструкцией в структуре диалога.

Растворение речевой партии персонажа в речевой партии повествователя усиливает значимость невербального компонента коммуникации, который в структуре изображаемой трансакции направлен на воспроизведение эмоциональной реакции героя на кризисоген и характер протекания взаимодействия героев. Динамика развития «сшибки» желаемого и действительного в рассказе достигается с помощью структурно-смысловых преобразований субъектно-речевых пластов текстового фрагмента: внутренний монолог героя (конструкция с чужой речью и речевой партией повествователя) – внешняя реплика героя (речевая партия персонажа и речевая партия повествователя) – физическое действие (растворение речевой парии персонажа в речевой парии повествователя).

Подводя итог исследования субстанциональной природы приема смещения, отметим, что подобные трансформации субъектно-речевой структуры текста выполняют функцию детерминант внешнего поведения героя и позволяют читателю установить психологический тупик в жизни персонажа. Поэтому погашение внешней реплики героя за счет

нарастания внутреннего монолога в рассказах В.М. Шукшина третьего периода является смысловым сигналом коммуникативной изоляции человека и его ухода «в себя», молчание (рассказы «Осенью», «Кляуза», «Жена мужа в Париж провожала!», «Мастер»).

Таким образом, различие представленных в статье двух групп лингвоэвокационных приемов (субстанционально-функциональных и структурно-функциональных) заключается в их способности транслировать кризисогенные сигналы разными способами и средствами. Важно отметить, что в рассказах В.М. Шукшина, отнесенных к третьему периоду творчества, указанные приемы актуализируют разные грани социальной и коммуникативной жизни человека, в которой через невежливое обращение к Другому, обезличивание индивида, прерывание речи оппонента и осознанную изоляцию от Других (молчание, утрата власти слова, уход «в себя») могут проявляться сигналы кризисогенности.

Литература

- Козлова С.М. Поэтика Шукшина // Творчество В.М. Шукшина. Барнаул, 2006.
- Куляпин А.И. Творчество Шукшина от мимезиса к семиозису. Барнаул, 2005.
- Малыгина Э.В. «Сшибка» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации: лингвоэвокационное исследование (на материале рассказа В.М. Шукшина // Речевая коммуникация в современной России (27-29 июня 2011 г.). Омск, 2011.
- Малыгина Э.В. Кризисная межперсонажная коммуникация в тексте рассказа В.М. Шукшина «Вечно недовольный Яковлев»: лингвоэвокационное исследование // Русский язык в современном мире. Биробиджан, 2011а.
- Малыгина Э.В. Художественный текст в пространстве кризисной коммуникации // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011а.
- Малыгина Э.В. Принципы взаимодействия сигналов кризисной межперсонажной коммуникации: лингвоэвокационное исследование (на материале текста рассказа В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала») // Филология и человек. 2012. № 2.
- Малыгина Э.В. Кризисная коммуникация в текстах рассказов В.М. Шукшина: лингвоэвокационное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2013.
- Малыгина Э.В. «Сшибка» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах В.М. Шукшина: аспекты исследования // Филология и человек. 2013а. № 2.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 2014.
- Шукшин В.М. Я родом из деревни. М., 1979.
- Шукшин В.М. Рассказы. Барнаул, 1989.

ТЕКСТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА: СИМУЛЯКР КАК ФОРМА ПРИСУТСТВИЯ

B.B. Stamati

Ключевые слова: текст, знак, субъект, автор, симулякр, присутствие, автограф.

Keywords: text, sign, subject, author, simulacrum, presence, autograph.

Совершенно естественно, что, читая какой-либо текст, мы предполагаем за ним некое «Я» – личность, обладающую определенным языковым опытом. Отсюда происходят попытки персонификации текста: если речь идет о биографической личности, то его присвоение осуществляется на основе юридических институтов, а категория автора становится правовым термином; если речь идет об авторе-творце, которого следует принципиально отличать от ранее названного, то текст принадлежит ему постольку, поскольку является воплощенным творческим бытием, и тогда он рассматривается как область, где совершается эстетический диалог. Однако в обоих случаях трансцендентальный субъект, которого мы мыслим за текстом, представляет собой неисчислимое множество «Я». По отношению к биографическому автору объективность текста – это его юридически доказанная подлинность, но правовой жест (определение подлинности) не способен обосновать для читателя присутствие высказывающегося, и, таким образом, проблема автора становится проблемой авторства, что указывает на правовой характер вопроса. Когда мы говорим об авторе-творце, плюральность трансцендентального субъекта оказывается тем более необратимой: поскольку в науке о литературе существует принципиальная установка различать творческую активность и писательскую деятельность (первая подразумевает преодоление автором своего онтологического эгоизма, вторая, напротив, сосредоточивается на коммерческом успехе и потребительском благополучии), автор как субъект творческого бытия не имеет возможности предстать в качестве сингулярной величины, ибо он распадается на множество онтологических иноформ, представляющих собой «превращенное бытие» (В.В. Федоров). Сама специфика материала, с которым работает писатель, способствует тому, что фигура автора растворяется в (мета)языковом пространстве, в результате чего можно говорить о языковом plagiatе, к которому апеллирует творческое бытие и который возможен в качестве правового нарушения. Для автора-творца

плагиат – это неизбежность, поскольку он обращается к готовым языковым ресурсам.

Таким образом, фигура автора – это симулякр, иными словами, подобие некоего языкового субъекта, предполагаемого высказывающегося, который стоит за текстом и обращен к такому же трансцендентальному читателю, хотя быть прочитанным не является осознанным намерением: появление «сознания» как присутствия личностной интенции стало бы манифестацией воли субъекта, что утвердило бы его как сингуллярную величину; иначе говоря, у нас была бы возможность идентифицировать авторское «Я». Идентифицировать субъекта – это не просто обозначить его связь с автографом (это означало бы юридическую процедуру установления авторства), а определить онтологическую актуальность его наличествования. Имя автора способно функционировать в качестве знакового кода, маркирующего все знаковое пространство. В этой маркировке (автографе) нет какого бы то ни было указания на индивидуально-личностное присутствие самого автора.

Помимо указания на литературный товар как объект потребления, автограф способен выполнять еще одну функцию — обеспечивать достоверность. Разумеется, речь идет не о юридической, а об эстетической достоверности, под которой следует понимать не проблему авторства в ее правовом облике, а предоставление трансцендентальному субъекту возможности высказаться. В отличие от научной и публицистической литературы, дискурсы которых опираются на достоверные источники фактической объективности (по крайней мере, должны в этических целях действовать именно так), в художественной литературе осуществление высказывания является неким онтологическим усилием, направленным на завершение эстетического объекта. Необходимо понимать, что биографический автор и автор-творец – это не различные наименования одной и той же онтологической сущности в зависимости от того, о каком пространстве – жизненном или литературном – идет речь. И Пушкин, и Гоголь – исторически реальные люди, но Пушкин как поэт и Пушкин как субъект творческого бытия принадлежат к различным онтологическим сферам.

Для постструктураллистской критики с ее вниманием к потребительским настроениям проблема автора становится принципиально важной не только потому, что имя автора выступает маркером персонификации и как бы посягает на свободу языка, предпринимая попытку подчинить языковое пространство правовому полю (юридическое право на произведение представляет опасность быть распро-

страненным на язык), ведь, как известно, высказывающийся, постулируемый как плюральный, составляет базовую категорию радикальной критики субъекта и в силу этой множественности затрудняет и даже исключает свою монистическую трактовку, но и потому, что, по словам М. Фуко, «понятие автора конституирует важный момент индивидуализации в истории идей, знаний, литератур, равно как и в истории философии и наук» [Фуко, 1996 с. 12], обеспечивая единство (отчасти мнимое, поскольку оно не является естественным, а лишь условно связывает текстуальные идентичности) знаковых рубрик, то есть создавая эти рубрики. В результате оформляется такая «фундаментальная категория критики» [Фуко, 1996, с. 12], как автор-и-произведение. Примечательно, что М. Фуко называет ее «человек-и-произведение», – такая формулировка обнаруживает связь с так называемым биографическим подходом в историческом литературоведении (Ш. Сент-Бев, Т. Бенфей, В.В. Стасов), которым давно начала злоупотреблять критика (тезис о том, что ключ к пониманию произведения лежит через анализ личности писателя, стал основополагающим), а также невольно указывает на потребительский характер восприятия искусства: «любое произведение сегодня рассматривается не как эстетическое творение, а как экономически выгодный продукт» [Скокова, 2009, с. 95], коммерческий успех которого зависит (разумеется, в частности) от автора, чьим именем оно маркировано – именно маркировано, ибо не требуется, чтобы в действительности заявленное имя на обложке (автограф) совпадало с фактическим именем писателя. Таким образом, даже коммерческая сторона литературы как искусства отвергает биографического автора в качестве некоего движущего фактора: речь идет о маркере, знаке такой – прежде всего направленной на достижение коммерческой выгоды – интенции.

Писателя как личность уничтожает призванный удостоверять его присутствие маркер, но как только этот знак поставлен, автор исчезает, а его место занимает код, который теперь выполняет противоположную функцию. «<...> маркер писателя теперь – это не более чем своеобразие его отсутствия; ему следует исполнять роль мертвого в игре письма» [Фуко, 1996, с. 14–15], – справедливо отмечает М. Фуко. Так, предложенная исследователем категория «человек-и-произведение» в охарактеризованных обстоятельствах не имеет возможности для своего становления: личность писателя растворяется в знаке и на смену ей приходит предельно абстрактная категория автора-творца как субъекта творческого бытия — более высокого по своему онтологическому статусу (линия М.М. Бахтин – Д.С. Лихачев –

В.В. Федоров) – или же категория скриптора (Р. Барт), которая утверждает биографическую индивидуальность в ее инструментальной функции фиксировать письмо, в то время как личность скриптора по-прежнему остается в плену знакового кода. Как можно убедиться, в обоих случаях человек как жизненный момент, связывающий действительность и «произведение», отторгается как литературой, так и литературоведением.

Проблема автора в истории литературоведения – это парадигма его идентификаций, каждая попытка которой обречена на безрезультивность, поскольку текстовое пространство является областью вытеснения субъекта – благодаря этому свойству подменять собой актуальное присутствие возможно становление «цивилизации Знака» (выражение Р. Барта). Так, можно выделить две ипостаси, в которых предстает фигура автора — автор-и-произведение и автор-и-форма: первая показывает коммерческую направленность писательской деятельности и потребительское восприятие ее результата (произведение как товар), вторая представляет собой попытку идентификации творящего субъекта (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.В. Федоров) или самоидентификации языка (Р. Барт, М. Фуко). В обоих случаях речь идет об интенции, и основной вопрос заключается в том, кто или что является ее отправной точкой: продолжающие бахтинскую линию исследователи в качестве движущей силы видят творческое намерение автора, преодолевающего свой онтологический эгоизм, постструктуралисты же настаивают на естественном характере (поэтического) высказывания, ибо полагают, что язык способен самостоятельно говорить без участия автора.

Последнее утверждение, ставшее основополагающим в постструктуралистской критике, – это результат тенденции, наметившейся еще в соссюровских работах по языкоznанию: построить науку о литературе по аналогии с лингвистическим дискурсом – накапливающим и систематизирующим, в то время как «закон поэзии – путем строгого рассчитанного процесса сделать так, чтобы не осталось ничего» [Бодрийяр, 2000, с. 381]. Речь идет о производящем характере языковой машины и избирательности поэзии в выборе языковых средств. Для лингвистики наличие субъекта принципиально важно, так как необходимо наличие «носителя» и «высказывающегося» (о причинах можно только догадываться, но, по всей видимости, это связано с самим построением науки о языке: как и на первых этапах литературоведения, объектом языкоznания был говорящий человек). Однако когда дело касается теории литературы, то законы коммуникативного акта больше не действуют, даже если мы мыслим литерату-

турное произведение как «эстетическое бытие-общение, осуществляющее в художественном тексте, но к тексту не сводимое» [Гиршман, 2001, с. 20], и схема *говорящий – слушающий* перестает работать, поскольку сообщения трансцендентального отправителя – при условии, что они не поняты как реплики эстетического диалога, – с точки зрения информативности не содержат в себе актуальных сведений: набор кодов-знаков «художественного текста» ограничен, в отличие от неподдающегося исчислению инструментария, который доступен нам в повседневном общении. Это вовсе не значит, что все тексты имеют одинаковый набор кодов, наоборот: за индивидуальной различностью скрывается идентичный способ их построения – то, что Р. Барт называет «знаками поэзии», что Мину Друэ показывает в своих стихах в качестве маркеров поэтического письма и что М. Хайдеггер провозглашает в качестве сущности поэтического творчества, анализируя «поэтизирующую» поэзию Гельдерлина.

В этих условиях автор не может существовать как сингулярный субъект, он растворяется в кодах, маркированных другими именами, и поэтому его собственное больше не указывает на него; оно лишь открывает новую рубрику текстов; ему не соответствует даже понятие автографа, поставить который есть акт самоидентификации: оно утратило способность удостоверять личность того, кто его носит. «Символически имя находится на соединении существования “для себя” и существования “для другого”, это и личная истина и публичная вещь» [Старобинский, 2002, с. 398], – пишет Ж. Старобинский. Имя автора погружается в интертекстуальное (если мы говорим о маркирующих и маркируемых кодах) или интерзнаковое (если речь идет о кодах первого типа) пространство. Теперь имя по своим функциональным качествам приближается к псевдониму, различие состоит лишь в моменте осознанности как целенаправленном намерении: поставить свое имя имеет цель показать свое приятие, выразить согласие, в то время как псевдоним, аналогичным образом являющийся эмблемой одобрения и участия, скрывает и другое намерение, помимо жеста сопричастности, – создать иную действительность, отказавшись от данной. В результате имя – будь оно настоящим или вымышленным, – попав в интерзнаковую сферу, становится маркером той или иной текстовой рубрики. Таким образом, единственным следом, который хоть сколько-нибудь может указывать на трансцендентальное присутствие, является интенциональная напряженность формы. Так происходит становление новой категории – автор-и-форма, которая приходит на смену удобной для критики категории «автор-и-произведение», и в центре внимания оказывается присущее форме

напряжение. Если «личность автора» как ключ к пониманию произведения становится средством для различного рода манипуляций (сомнительные заключения о «намерениях автора», «основной мысли» произведения и проч.), которыми злоупотребляет эссеистика и критика (более отвечающей специфике подобных работ будет формулировка М. Фуко «человек-и-произведение»), то категория «автор-и-форма» является «выгодной» для теоретика литературы: категория автора как таковая исчезает, а все внимание исследователя сосредоточено на созидающем действии формы, в упорядочивающем жесте которой сохраняется безлиное присутствие трансцендентального субъекта.

Так, существуют те или иные текстовые рубрики; жанровые классификации становятся второстепенными: они актуальны лишь для теоретико-литературного дискурса. Имя автора – это фактор коммерческого успеха для издателя и самого литератора и маркер необходимого читателю литературного продукта. Возникают «автор-бренд» и «произведение-товар» как категории потребительского восприятия. В этой – литературной – сфере рыночных отношений не остается места для субъекта в его сколько-нибудь активном бытии.

Фигура безликого автора – это та отправная точка, от которой должен двигаться всякий исследователь, поставивший перед собой цель имманентно изучить тот или иной текст; это естественная и неустранимая данность, которую открывает перед нами текст. Его смысловая множественность, которая обеспечивает взаимодействие с другими текстами, свидетельствует о плюральном характере автора как трансцендентального высказывающегося: всякий текст – это контекстно-разобщенное и в то же время одномоментное говорение неисчислимого множества субъектов, различное ситуативно, но единое в жесте своего онтологического, артикуляторного и материально-идеального движения.

Литература

- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
- Гиршман М.М. Архитектоника бытия-общения – ритмическая композиция стихотворного текста – невозможное, но несомненное совершенство поэзии // Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?...». Тверь, 2001.
- Скокова Т.А. Специфика массовой литературы в эпоху постмодернизма // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». 2009. № 2.
- Старобинский Ж. Псевдонимы Стендаля // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. 1.
- Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ БАШКИРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ: МОТИВ ВЫБОРА

Г.Р. Хусаинова

Ключевые слова: сказка, волшебная, мотив, сюжетообразующий, выбор, башкирский.

Keywords: fairy tale, magic, motif, plot building, choice, Bashkir.

История фольклористики в ее целостном виде невозможна без учета локальных традиций, поэтому в последнее время особенно актуальной становится разработка вопросов, связанных с региональным изучением фольклора. В связи с этим, наша задача – выявление и рассмотрение примеров мотива выбора только на материале башкирской волшебной сказки, а сравнительное исследование – следующий этап работы.

Мотив выбора жениха в башкирском фольклоре исследован с точки зрения оценочной семантики известным башкирским ученым-фольклористом Ф.А. Надршиной. Исследователь, проанализировав ряд произведений разных жанров башкирского фольклора, таких как эпос, сказки, песни, пословицы, пришла к выводу, что «По мнению носителей фольклора, в установлении брачных отношений идеальными ценностными качествами егета / мужчины считались физическая сила, ум, благородство (в смысле высокой нравственности, честности и открытости), целеустремленность» [Надршина, 2011, с. 27].

Мотив выбора является одним из основных сюжетообразующих в волшебной сказке. Он имеет место и в башкирском эпосе. При изучении проблемы взаимодействия эпоса и сказок башкир нами замечено, что мотив выбора дороги, мотив выбора жениха, мотив выбора коня являются общими для названных жанров [Хусаинова, 2003; 2010]. Главная особенность мотива выбора в волшебной сказке в том, что он может быть различным и находиться и в начале, и в середине, и в конце сюжета. Разнообразные мотивы выбора в одной сказке иногда встречаются по нескольку раз. Они могут быть явными и скрытыми. Например, в самом начале сказки перед героям стоит выбор: остаться дома или уйти из него. Обычно герой выбирает второй вариант, то есть уходит из дома с разными целями: чтобы жениться [Сказки-1, 1976, с. 97; Сказки-2, 1976, с. 110]; на базар / город за продуктами [Сказки-1, 1976, с. 101, 103, 108]; искать лекарство для матери / отца [Сказки-2, 1976, с. 62]; найти сестру / братьев [Сказки-1, 1976, с. 112]; вернуть похищенную дэвом царевну [Сказки-1, 1976, с. 123]; обнаружить вора

золотых яблок / пшеницы [Сказки-2, 1976, с. 52, 55]; в поисках счастья [Сказки-1, 1976, с. 289, 326; Сказки-2, 1976, с. 81, 148, 200] и проч.; или, встретив на своем пути кого-то, герой выбирает, как с ним поступить. Так, например, встретив на пути иргаиля (мифическое существо), герой на его призыв побороться «*Көрәшәбезме?*» («Будем бороться?»), отвечает: «Бороться – сил жалко, стрелять из ружья – пулю жалко». Иргаиль, рассердившись на парня, похищает его сестру [Сказки-1, 1976, с. 112]. Здесь тоже своего рода выбор: герой отказывается бороться с иргаилем, тем самым провоцируя его на похищение сестры, а потом вынужден вернуть ее домой, убив дэва. В другой сказке герой встречает беркута, рыбу, но не убивает, прислушавшись к их просьбам, и они помогают ему выполнить трудное задание [Сказки-1, 1976, с. 116, 217, 220]. Если бы он выбрал другой вариант и убил их, то лишился бы помощников. В ряде сказок герой, спасая змею из огня, получает затем чудесного помощника в ее лице [Сказки-1, 1976, с. 129, 167]. Есть цикл сказок, в которых персонаж обещает мифическому существу «то единственное, что у него есть» [Сказки-1, 1976, с. 187, 190]. Перечисленные выше примеры – это примеры скрытого мотива выбора и располагаются они в самом начале сказки, в завязке. Выбор героем своей судьбы и уход из дома способствуют дальнейшему развитию сюжета. Самое интересное в том, что герой волшебной сказки от начала до конца сюжета оказывается перед выбором. Можно выстроить такую последовательность: уход из дома (выбор судьбы), выбор коня, выбор спутника, выбор дороги, выбор условия дэва, выбор ночлега (чаще встречается в богатырских сказках), выбор жениха / невесты, выбор царя, выбор подарка, даже иногда – выбор наказания. В волшебной сказке имеют место также примеры открытого мотива выбора. В сказке «Сафар», например, старик перед смертью зовет трех сыновей и спрашивает: «*Іңқа нимә кәрәк, байлықмы әлла ақылмы?*» («Тебе что надо, богатство или мудрость?») [Сказки-1, 1976, с. 283]. Первые два сына выбирают богатство, а младший сын – мудрость, он оказывается счастливее братьев.

Перед отправлением в путь герой выбирает себе коня: «*Бабай:* “Хәзер үк йылқылар араһына барығыз әз үйгәндәрегеңзе сылтыратығыз, - тигән. Ниндәй ат башын күтәреп үзегеңгә караңа, шуга атланып юлға сыйырғығыз”» («Старик: идите к табуну, позвените уздечкой. Какой конь поднимет голову и посмотрит на тебя, на этом коне отправишься в путь») [Сказки-2, 1976, с. 55]. В волшебной сказке способ выбора коня подсказывает герою отец, он традиционен: «*позвенеть уздечкой три раза, какой конь повернется, на том поехать*». В одной сказке герою советует выбрать лучшего коня в

городе змея: «*Йылан телгә килә: "...шәһәрәгә ин якиы аттың һайлап ал...Атаны якиы ат һатып ала"*» («Йылан (Змея) говорит: ...выбери самого лучшего коня в городе... Отец покупает хорошего коня») [Сказки-2, 1976, с. 104].

Иногда, собираясь в дальний путь, герой по совету отца выбирает себе спутника: «*Нуқыр атаны улына: "Сәйәхәткә китеү өсөн иптәши алып қайт"*», - ти. Алып қайткас, атаны бер йомортка бешерергә қуша. Йомортка бешкәс, уны нуқыр көйө еп менән уртага булә лә улсәгескә налырга қуша. Улсәгестен бер яғы бағып төшә. Атаны: «...*heз, улым, бер-берегезгә хыянат итернегез. Незгә икегезгә барырга ярамай...икенсе кеше эзләп қара*"» («Слепой отец советует сыну: “Для отправления в путь вместе найди себе спутника. Когда приводит его, отец велит ему сварить яйцо. Вареное яйцо ниткой делит пополам и кладет на весы. Одна сторона показывает перевес. Отец говорит сыну: “Нельзя вам вместе отправляться в путь, вы предадите друг друга... ищи другого спутника”») [Сказки-2, 1976, с. 96].

Находясь в пути, доехав до развилки дороги, сказочный герой снова становится перед выбором. Выбор дороги однотипен: («*Үңгә киткән кеше үзә улә, һулга киткәндең аты улә*») («Кто направо пойдет, сам умрет, налево пойдет – коня потеряет») [Сказки-2, 1976, с. 53], «*Өлгөрбай һул якка... Қыңғырбай уң якка... Йылғырбай турага китте*» («Ульгурбай налево... Кынгырбай направо... Йылғырбай прямо поехал») [Сказки-2, 1976, с. 82], «*өсөһө өс юл менән китең барзылар*» («каждый из троих пошел своей дорогой») [Сказки-2, 1976, с. 131], «*аганың үңга, энеңе һулга қарап китә*» («брать направо, братишку налево пошли») [Сказки-2, 1976, с. 165], «*аганың үң юлды... Қустының һул юлды һайлаган*» («брать правую дорогу, братишку левую выбрал») [Сказки-2, 1976, с. 167].

В волшебной сказке антагонист, уверенный в превосходстве своей силы, встречает героя со словами: «*Алышмы, көрәшмө?*» («борьба или схватка») [Сказки-2, 1976, с. 107]; «*йәненәм, малыңмы?*» («душа или богатство») [Сказки-1, 1976, с. 212]; «*алыштанмы, налыштанмы?*» («борьба или схватка») [Сказки-2, 1976, с. 32].

В башкирской волшебной сказке имеет место «обычай самопросватывания невесты как отголосок эпохи матриархата» [Краюшкина, 2003, с. 24]: «*Мине алаңыңмы?*» («Меня замуж возьмешь») [Сказки-1, 1976, с. 135]; «*Шул вакыт бер қыз килеп: "Мин һинең гүмерлек иптәшең булам"*», - тип белдергән, ти, быга?» («В это время подошла одна девушка и заявила: “Я – твоя супруга”») [Сказки-1, 1976, с. 300]. Можно считать самопросватыванием, когда девушка заранее подсказывает парню, как узнать ее среди прочих: «...*әсәйебез*

бик мәкерле: ул мине быжыр, бәкөрө қызыга әйләндерер» («наша мать коварная: превратит меня в рябую, горбатую девушку») [Сказки-1, 1976, с. 117].

П. Белик считает, что «один из важнейших мотивов волшебной сказки – это мотив свободного выбора царевной жениха» (цит. по: [Краюшкина, 2003, с. 35]). Примеры выбора жениха в волшебной сказке башкир тоже разнообразны: «Шар ыргытам, шул кемдең башына төшә, қызыым шуга була, - ти батша» («Шар кидаю, на чью голову он упадет, за того выдам младшую дочь, – говорит царь») [Сказки-2, 1976, с. 41]; «Батшаның кесе қызы: “Атай, мин ошо егетте яратам, башка кешене яратмаясакмын, мине ошо егеткә кейәүгә бир”» («Младшая царевна: “Отец, я люблю этого парня, больше никого не полюблю, выдай меня замуж за этого парня”») [Сказки-2, 1976, с. 46]; «Бер заман батша қызызарын кейәүгә биреү туралында хәбәр таратат. “Кем дә кем қеүәтле булып, ярышта алға сыға, шул кешегә қызыымды бирәм?”» («Однажды царь пускает слух о замужестве дочерей: “Кто окажется самым сильным, победит в состязаниях, за того парня выдам замуж свою дочь”») [Сказки-2, 1976, с. 51]; «Кем дә кем балдақ аша ук сыгара, шул кешегә батша қызын бирә» («Царь выдаст дочь за того, кто выстрелит сквозь кольцо») [Сказки-2, 1976, с. 227, 230]; «Неңзен қайнызы қызыымды үлемдән алып қалыу сараын таба, шуны үземдең кейәүем итәм, - ти батша» («кто из вас найдет средство спасения моей дочери, за того выдам свою дочь, – говорит царь») [Сказки-2, 1976, с. 135]; «Кем дә кем батша һарайының икенсе қатынан тығып үлтырған қулдың бармагынан қызызың балдағын ала, шул кеше уның (батшаның кинә қызының) кейәүе була» («Кто допрыгнет до второго этажа царского дворца и снимет кольцо царевны, тот станет ее мужем») [Сказки-2, 1976, с. 139]; «Батшаның иң оло қызы құлындағы қарсығаңын сөйөп ебәргән икән, қарсыға бер хандың қулбашына барып қунган... Батшаның икенсе қызы құлындағы бәркәтөн сөйөп ебәріә, бәркәт бер бай егеттен қулбашына барып қуна... кесе қызы сөйөп ебәріә, тегенен շоңқары сүттә ер тырнап торған үгеззен мөгөзөнә барып қунган» («Старшая царевна запустила ястреба, он сел на плечо одного хана... Средняя царевна запустила из рук беркута, он сел на плечо богатого парня... Младшая царевна запустила кречета, он сел на рога быка») [Сказки-2, 1976, с. 146]; «Батша қызына алма бирә: “Сыгарып ыргыт, қеүәтте етеп, алманы кем ална, шул һинең кейәүен булыр”, - ти» («Царь дает дочери яблоко: “Кидай яблоко в толпу, кто сумеет получить яблоко, за того и выдам тебя замуж”») [Сказки-2, 1976, с. 51]; «Өс қызын да батша уртага үлтыртқан да қулдарына алма тотторған. Тирә-яқтан қарап торған бәтә батшалықтың халқына қарап, алманы һәр қыз үзе

ыргыта икән. Ике қыздың алмаһы ике бай кешенең құлына барып төшиә...кесе қыз алмаһын уның (хөзмәтсeneң) құлына төшірөрлөк итеп бәргән» («Царь посадил своих трех дочерей в середину и дал каждой по одному яблоку. Каждая девушка кидала в толпу свое яблоко. Яблоки двух старших дочерей поймали два богатых парня. Младшая царевна кинула свое яблоко прямо в руки мальчика-слуги») [Сказки-2, 1976, с. 152]; «Батша қызы: “Үземдең яратқан кешемә барам”, – тип әйтә лә, балдағын алып, Әхмәт жуликтың бармагына кейзерә» («Царевна говорит: “Я выйду замуж за полюбившегося мне человека,” – и надевает на палец Ахмета-жулика свой перстень») [Сказки-2, 1976, с. 118]; «Ул (батша қызы) құлындағы сәскәне ниндәй егеткә илтеп бирһә, шул егет менән түй янарга тейеш икән» («Царевна должна была справить свадьбу с тем парнем, кому отдаст свой цветок») [Сказки-2, 1976, с. 187]. Итак, мотив выбора жениха в волшебной сказке оказался самым многочисленным и разнообразным. Больше всего примеров выбора жениха способом бросания яблока в толпу, ибо «яблоко связано с богатством, плодородием, вечной жизнью» [Добровольская, 2009, с. 107]. Как видно из примеров, царевна могла кидать в толпу шар, вручить избраннику цветок, надеть кольцо, которое считалось свидетельством верности, запустить птицу; иногда жениха выбирали в состязаниях.

Инициатива в выборе брачного партнера от эпохи матриархата к эпохе патриархата переходит от невесты к жениху [Краюшкина, 2003, с. 24]. В сказке «Сивая корова» батыр выбирает себе жену на йыйыне (народном празднике) [Сказки-1, 1976, с. 229]. В сказке «Батшаның өс қатыны» («Три царские жены») все происходит по-другому: «Был вакытта өйләнмәгән бер батша урманда уқ атып йөрөй икән. “Уғым кем алдына төшиә, шул минең қатыным булыр”, – ти икән» («В это время в лесу ходил неженатый царь и стрелял из лука: “Перед кем упадет моя стрела, та станет моей женой”») [Сказки-1, 1976, с. 307], то есть выбирает себе жену с помощью пущенной стрелы. В ряде сказок герою предстоит выбрать жену среди нескольких одинаковых девушек: «Бына һинең алдыңда ун ике бер төслю, бер төрлю кейемле қыззар. Улар араһынан Алтынсәсте тап» («Вот перед тобой двенадцать девушек, как капля похожих друг на друга, в одинаковых платьях. Найди среди них Алтынсэс»). Он по подсказке самой девушки выбирает в жены младшую из трех дочерей антагониста, которую мать делает некрасивой, горбатой, рябой [Сказки-1, 1976, с. 87]. Это одно из трудных заданий антагониста, который должен выполнить герой. Он справляется с помощью волшебных помощников.

В волшебной сказке сохранились сюжеты, отражающие феодальную эпоху, когда инициатором брака чаще выступал отец героя. В сказке «Эрмэнде тун» («Лягушачья шуба») отец троих сыновей говорит: «Өсөһөнә лә ук менән ян янаң бирәм, науага ук сорғотһондар. Кайнының үгү кем өйнөң башына төшің, шул кешенең қызын алып бирәм» («Я сделаю лук со стрелами. Каждый из вас стреляет, на чью крышу дома стрела упадет, на дочери того человека женитесь»). Стрела младшего сына падает на болото перед лягушкой. Выполняя условие отца, младший сын женится на ней и становится счастливым. В сказке «Три невестки» старик сам стреляет из лука и велит сыновьям взять жену там, куда упала стрела. Младший сын находит свою стрелу в пещере, где жила старенькая бабушка. Оказалось, что это была заколдованная своей мачехой красивая девушка [Сказки-1, 1976, с. 212]. В другой сказке перед героем появляется заколдованный мачехой парень в облике кота. Когда старик взял его на руки, то кот поставил условие: «Душу отдашь или дочь?». Когда младшая дочь старика дает согласие выйти за него замуж, кот превращается в красивого парня [Сказки-1, 1976, с. 251].

Герою волшебной сказки приходится выбирать даже подарок / вознаграждение. В сказке «Девушка, джигит, дэв» за службу баю герой должен получить вознаграждение: «Эй, егер, ниңә ни кәрәк? Ақса бирәйемме?» «Ақса алһам, мине бай тип уйлан таларзар. Минә ақса кәрәкмәй, ана теге атыңды бир» («Эй, парень, что тебе надо? Деньги дать?») «Если деньги возьму, подумаю, что я богатый и нападут на меня. Мне деньги не нужны, ты мне коня дай») [Сказки-1, 1976, с. 121]; «...көтөүсе Қартқа бай: “Ин нисә йыл рәттән миңең көтөүзе көттөң, шуның ҳақына көтөүзән бер һарық наилан ал”» («...бай говорит пастуху: “Столько лет ты у меня пасешь стадо, выбери себе за работу одного барана”») [Сказки-1, 1976, с. 324]; «Был батырлығың өсөн мин ниңә йортомдагы қырқ таш келәттең утыз туғызын асып күрһәтәм. Шул келәттәрзән йәнең теләгән нәмәне үзен һайлап алырғың, - тигән... Эммә таҙ батыр бер нәмәне лә алмаган... Қырқынсы келәтте асқандар: унда аяқ-құлдары быгауланған хәлдә Алтынбай менән Көмөшибай бикләнеп ултырманыны!.. Таҙ батыр инәлгән: “Миңә бүтән бер нәмә лә кәрәкмәй, тик агайзарымды гына қоткар”» («За твое богатырство я покажу тебе тридцать девять складов из сорока в моем доме. Ты можешь выбрать что хочешь... Таз батыр ничего не взял... в сороковом складе он увидел прикованных цепями Алтынбая и Кумушбая. Таз батыр умолял: “Мне ничего не надо, только братьев моих отпусти”») [Сказки-2, 1976, с. 70]. В сказке «Клубок» героиня, по велению старухи, поднимается на крышу: «Унда йылтырап торған һары төстә, йәшел төстә яп-яңы

һандықтар төзелгән, ти. Араларында қызыгылт төстәге бәләкәй генә бер һандық бар, ти». («Там в одном ряду стояли блестящие новые сундуки желтого, зеленого цветов. Среди них стоял один маленький красноватого цвета сундук»), герой выбирает именно маленький старенький сундук [Сказки-1, 1976, с. 236]. В сказке «Быжырмэргэн» отец змеи за спасение дочери тоже предлагает герою выбрать один сундук из четырех [Сказки-1, 1976, с. 236].

В башкирской волшебной сказке имеют место примеры выбора царя: «*Майҙанга батша һайларға йыйылғандар. Һомай ҡошто һауага осороп ебәрәләр ҙә, ул кемдең яурынына ултырға, шул батша булырга тейеш икән*» («На площадь собирались выбирать царя. Хумай птицу запустили в небо, на чье плечо она сядет, тот должен стать царем») [Сказки-2, 1976, с. 167].

Таким образом оказалось, что в волшебной сказке имеют место скрытые и открытые мотивы выбора. Скрытые, когда вопрос: «Что выбираешь?» – открыто не ставится. Например, иргаиль похитил сестру героя и он идет ее искать. Никто не спрашивает, не заставляет героя. Это его нравственный выбор; сестра в беде – ее надо спасать. В башкирской волшебной сказке выявлены мотивы выбора судьбы, коня, спутника, дороги, подарка, жениха, невесты, царя и закреплены конкретными примерами. Это примеры открытого мотива выбора. Здесь все время герой наталкивается на конкретный вопрос или действие и должен поступить по собственному выбору.

Литература

- Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.
- Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003.
- Надршина Ф.А. Отражение брачных отношений в башкирском фольклоре: мотив выбора жениха // Духовная культура народов России. Уфа, 2011.
- Сказки-1. – Башкирское народное творчество. Сказки. Книга первая / Сост. М.Х. Мингажетдинов и А.И. Харисов. Уфа, 1976.
- Сказки-2. – Башкирское народное творчество. Сказки. Книга вторая / Сост. М.Х. Мингажетдинов и А.И. Харисов. Уфа, 1976.
- Хусаинова Г.Р. Башкирская народная сказка и эпос: к проблеме взаимодействия жанров // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3 (1).
- Хусаинова Г.Р. Общие места в эпосах и сказках // Актуальные проблемы башкирского эпосоведения. Уфа, 2003.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

НОВЕЙШАЯ АЛТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖАНРЕ И СТИЛЕ

В статье «Нас отравившая свобода» писатель и публицист Петр Ткаченко отмечает: «...Наша литература иссякла, пора заменить ее научным видением мира». Далее, задаваясь вопросом, есть ли литературно-художественный процесс в русской литературе, он точно определяет тематику новейшей литературы. По его мнению, на смену производственной и военной темам пришла «тема веры». «Писатели, забросив литературу, обратились к Церкви» [Ткаченко, 2014, с. 17]. Эта тема вечная, она была и будет в литературе. Возможно, современные писатели восполняют семидесятилетний пробел, вызванный ее отсутствием в русской литературе. Производственную же тему нынче заменила история олигархов, предпринимателей, охранников и т.п.

Что касается военной темы, то она затронута в произведениях Сергея Адлыкова («Белая кобра»), Д. Каинчина («Чеченец»), А. Тадинова и др. Правда, в современной литературе Горного Алтая эта тема звучит как армейская. В своих рассказах писатели ставят проблему войны и мира, жизни и смерти человека, его судьбы. К примеру, в рассказе «Реквием по невинным» молодые призывники, не постигая смысла понятий «свое» и «чужое», участвуют в кровопролитной войне. В результате погибает восемнадцатилетний солдат, и писатель показывает его лежащим с отрубленной головой. У гроба юного солдата стоит его друг и размышляет о бессмыслиности этой резни. А каково их родителям, потерявшим своих любимых сыновей: одинокой матери из Саратова или пастуху из Киргизии?

В 90-е годы в алтайской литературе действительно превалировала духовная литература, но это было временное явление. Как известно, рубеж двух веков ознаменовался появлением ярких исторических романов в литературах сибирского региона. Авторами их явились уважаемые личности, такие как А. Адаров, К. Телесов, Д. Каинчин – в алтайской литературе; И. Гоголев, В. Яковлев-Далан – в якутской; К.Э. Кудажи, М. Кенин-Лопсан, Э. Донгак – в тувинской и т.д. Причем появились не только социально-бытовые, но и философские романы. Об этом написаны научные статьи, монографии литературоведов А. Мыреевой, С. Комбу, Н. Майнагашевой, Л. Челтыгмашевой, Н. Киндиковой и др. [Мыреева, 2014; Комбу, 2013; Майнагашева, 2014; Чел-

тыгмашева, 2014; Киндикова, 2014; Дугаров, 2000; Мижит, 2011; Суразаков, 2011; Харлампьева, 1980; Ахпашева, 2000].

В последние годы в литературах тюркских народов Сибири действительно образовался вакуум: старшее поколение (живые классики) ушло из жизни, новое не осмелилось выйти на сцену. Связующим звеном между старшим и новым поколением выступили отдельные творческие личности со своим особым философским отношением к поэзии, жизни, человеку. Это Баир Дугаров в бурятской литературе, Эдуард Мижит в Туве, Наталья Ахпашева в Хакасии, Наталья Харлампьева в Якутске, А. Суразаков на Алтае и другие [Современный роман..., 2014].

Те, кто заявил о себе в литературе в последнее десятилетие, оказались людьми зрелыми, надежными, с большим опытом жизни. Это, к примеру, В. Бахмутов, С. Адлыков, В. Кертешев, А. Тадинов, Р. Тодошев, Мария Анышева, Зоя (Толунай) Топчина, Нина (Дергелей) Унукова, Алтын-Ай Олчонова-Сартакова, Айгуль Майманова, Айгуль Тайтова и многие другие. Как видно, в первое десятилетие нового века в литературах сибирского региона появились новые имена и свежие произведения, достойные литературоведческого анализа. Мы остановимся на жанрово-стилевых исканиях новейшей алтайской литературы. Жанр рассматривается нами на уровне тематики, проблематики, об разности, композиции, стилевых приемов.

Жанрово-стилевое направление литературоведческих исследований развивается в последние годы на материале хакасской, тувинской, якутской литературы. Не осталось в стороне и алтайское литературоведение. Сложность изучения новейшей алтайской литературы заключается в том, что произведения молодых авторов не переведены на русский язык, авторы пишут только на родном – алтайском – языке, исключение составляют произведения Нины (Дергелей) Унуковой. Ее повесть «Жизнь-океан» (роман, по определению автора) частично рассмотрена нами в книге «Статьи об алтайской литературе» (2010), поэтому обратимся ко второму произведению автора, издальному на русском языке в 2013 году. Это роман «Аячи – улыбка бога» (2013), посвященный судьбе своей матери.

Насколько правдива картина, изображенная в нем, судить читателям, нам хотелось бы обратить внимание на ее жанровые и художественные особенности. В событийном плане ничего необычного нет: в произведении изображены события военных и послевоенных лет в тылу, причем автор озаглавил каждый эпизод и описал один из случаев в долгой судьбе героини.

Книга названа по имени главной героини повести – Аячи. Сразу заметим, что автор мыслит по-алтайски. В русском варианте это название прозвучало бы как «Божественная улыбка Аяачи». Дело в том, что имя человека имеет определенный смысл (как, например, Элес – «мгновение», Мерген – «меткий, ловкий» и т.д.) и обычно образовано с помощью аффикса – чы (как, например, Куйка + чы, Ая + чы, Сырга + чы и т.д.). А в русской транскрипции звучит действительно как «Аячи», хотя смысл слова теряется. Ориентируясь на русскоязычного читателя, Н. Унукова постаралась передать художественную мысль произведения по-русски, и это ей удалось.

Однако трактовка жанровой принадлежности произведения противоречива. Возможно, большой охват времени, множество действующих лиц, событийный ряд позволили определить его как роман. На самом деле автор хронологически прослеживает судьбу лишь одной героини, жизнь почти только одной семьи. В этом смысле в романе отсутствует фабула, причинно-следственная связь между событиями, произведению не хватает взаимопреплетений судеб, связи, взаимосвязи героев, психологического раскрытия характеров и т.д. А самое главное – заметно отсутствие романного мышления. Речь идет в основном о судьбе одной женщины, нет «внутреннего человека», говоря словами писателя Александра Кабакова, «бытийственного погружения» в текст (цит. по: [Ахундова, 2015]). В начале повествования упоминается жизнь матери Аячи, в эпизодах раскрыты судьбы ее братьев и детей. Для романного мышления недостаточно событийности изображения действительности, нужны типизация героев, раскрытие характеров, индивидуализация художественной речи персонажей и т.п.

Тем не менее, Нина Унукова достойно представила на суд читателя свое первое произведение на русском языке в жанре повести. Поводом этому послужили, во-первых, житейский опыт, отличное знание судьбы своих героев; во-вторых, желание поведать о жизни алтайцев на примере судьбы одной семьи, событиях восьмидесятилетней давности. Заметим все же, что автор недостаточно отличает действительность от художественного вымысла. Одно дело – описать жизнь такою, какая она есть или была, другое – запечатлеть ее художественными средствами литературы – не зеркально, а поэтически отразить действительность.

В целом, Н. Унуковой удалось показать героический труд таких неприметных женщин-матерей в военные и послевоенные годы XX века, как Куйкачи и Аячи с ее братьями и сестрами, своими и чужими детьми. Здесь имеются в виду двойняшки мужа от другой женщины. При родах Аячи потеряла своего ребенка, но усыновила и удочерила детей соседки по палате, точнее, сожительницы мужа. И лишь в предсмертные часы она призналась мужу, что двойняшки были для нее приемными. Главная героиня, рано осиротев, выживает со своими братьями самостоятельно. Все время их сопровождает жизнь и смерть. Преодолев голод и холод, они выжили, вышли в люди. В этом Высокий смысл этой повести.

Рассказы «Надежда» и «Неожиданная встреча» (2010) Айгуль Тайтовой в тематическом плане перекликаются с повестью азербайджанского прозаика Мензера Ниярлы «Глаза, полные ожидания» (2014) (перевод на русский язык М. Гусейнзаде). В упомянутых произведениях поднимается вопрос взаимоотношения родителей и детей, причем не отцов и детей, как было в традиционной литературе, а, именно матерей и их «воспитанников», своих и чужих. Так, в рассказе «Надежда» («Ижемди») Айгуль Тайтовой мать ждет возвращения в родное село единственного сына. Но он почему-то не приезжает и не забирает ее. Тогда она опускается так, что пропивает последние сбережения, даже полленницу для отопления своей избушки. И только через год сын забирает к себе в город больную мать.

В повести азербайджанского прозаика Мензер Ниярлы мать по имени Туту Керамзаде на старости лет оказалась «ненужной» собственным детям: двум родным и одному приемному. А она все время надеется, что кто-нибудь из них заглянет в ее коммуналку, она мечтает увидеть своих детей. Не случайно название повести переводится как «глаза, полные ожидания». Мать задается вопросами, почему ее дети стали «совсем чужими», почему «сердце собственного сына превратилось в камень»? Отчего отдалились от нее собственные дети? Ведь жили они в достатке, ни в чем не нуждались. В чем она виновата? Отвечая на эти вопросы, автор показывает судьбу героини почти с ранних лет: как ее отца незаконно обвинили и арестовали, как она росла без родителей, как познакомилась с будущим мужем по имени Салеха, как после смерти мужа воспитывала детей. Как, не теряя надежды, ждала дома своих детей: дочь Вахру и сына Таира. Но они не приехали, и ее, беспомощную, определили в дом престарелых. Только благодаря «пытливой» журналистке о матери троих детей узнал ее приемный сын Тофик. Заметим, не дочь и сын, а сын мужа от первого брака, которого воспитала Туту Керамзаде. После недолгих раздумий он привез мачеху в свой дом «из холодной палаты дома престарелых».

Повесть Мензер Ниярлы интересна постановкой проблемы, психологизмом, подчас «перебиваемым» публицистичностью, о чем, например, свидетельствуют оценочные эпитеты в адрес детей: дети стали «подлыми», «эгоистами», «неравнодушными» и т.п. Главное для автора – показать переплетения событий и судеб.

В рассказе «Дай мне руку, добрый земляк» («Колын берзен, кару дерлем») Марины Анышевой описаны достоинства и недостатки современной жизни. Технический прогресс вторгается в жизнь людей. В настоящее время все под рукой: сотовый телефон, телевизор, интернет, планшет и т.д. Годами, месяцами, неделями, днями можно не встречаться, только разговаривая по телефону, общаясь по интернету. Однако, по мысли автора, в современном мире человек теряет свои человеческие качества: доброту, милосердие, взаимопонимание. Забываются алтайские обычаи: люди перестали ходить в гости друг к другу, общаться друг с другом, поддерживать родственные связи, все глубже непонимание между поколениями. Все это показано в рассказе М. Анышевой «Дай мне руку, добрый земляк». При встрече друзья или знакомые обязательно протягивают друг другу руку для приветствия. Этот ритуал нынче теряет свою силу. Вспоминая родное село, автор подчеркивает, что раньше люди смотрели друг другу в глаза, без слов определяли состояние собеседника, его самочувствие, чувства и мысли. Нынче молодежь самодостаточна в материальном плане, но не в духовном, им нет дела до старииков, а также до истории и культуры своего народа. Человек закрыт, замкнут в самом себе. Он действует сам по себе.

В связи с этим вспомним рассказ Владимира Бахмутова «Суицид». Композиционно рассказ начинается с конца событий: «В середине большого автомобильного моста, свесив ноги в пустоту и взглядываясь в бурный поток с проносившимися льдинами, сидел мальчишка лет пятнадцати. Река завораживала его, покоряла своей силой и мощью.

Водители проезжающих по мосту машин за ограждением видеть мальчишку не могли, и никто не мешал ему вспоминать трудную и совсем еще короткую жизнь. Яркие вспышки фар выхватывали из темноты мостовые ограждения, контуры берегов, но все это было где-то там, в другом мире. А здесь на пешеходной дорожке – он и бурлящий поток внизу».

Понятно, чем закончится эта трагическая история. Однако автор пытается заглянуть в душу ребенка и показать причину страданий, подтолкнувших его к этому поступку. Главный герой рассказа пятнадцатилетний Максим – «сирота» при живых родителях. Отца он не помнит, а мать, «прихватив с собой шестилетнюю дочь, ушла из дома год назад». Юноша жил в деревне с братом Петькой, старший – Николай – отбывал наказание в местах не столь отдаленных. Его осудили на десять лет за то, что тот кого-то «прыгнул ножом в пьяной драке». Такова драма многих современных семей. При помощи особых приемов автор передает безвыходность ситуации, вылившейся для подростка в настоящую трагедию.

С этой целью В. Бахмутов использует точные, емкие слова и выражения: мысль «...оттолкнуться руками и полететь в бурный поток, выбраться из которого уже не удастся, пришла само собой». Хотя в горестных размышлениях Максима прослеживалась перспектива. Он хотел жить, но его мечтам не суждено было осуществиться. К трагической гибели подтолкнули его чужие, сытые и алчные люди, в том числе и глава администрации.

Вся драма современной жизни, так называемая трагедия маленького человека, заключена в концовке рассказа: «Страшно не было, нет. Было загадочно и суматошно...». Пропал человек без имени и отчества. Данное произведение берет за душу. Автор заставляет читателя задуматься о жизни, оглянуться вокруг, поднять глаза к небу и вспомнить о родных и близких, о том, что каждому из нас может потребоваться помочь. Печально, когда в такой момент нам некому протянуть руку и подставить свое плечо. Сегодня продаются все и не только недвижимость, но и душа, совесть. Страшно то, что рушатся семейные устои, национальные традиции, родственные отношения между людьми...

В рассказе Зои Топчиной «Появились бы у меня крылья...» («Канатту болзом мен...») нарисована семейная драма, точнее, трагедия одной женщины. Дело в том, что муж и сын ее – беспробудные пьяницы. От этого на глазах у односельчан рушится семья, дом, очаг. От этой безысходности Толено, главная героиня рассказа, женщина пятидесяти лет, мечтает о том, как бы «оторваться от них», от собственного мужа и сына, говоря словами автора, «появились бы крылья, то улетела бы куда-нибудь далеко, далеко, высоко-высоко, где их нет». К великому сожалению, она не может улететь, так как на одном крыле сидит муж, на другом – сын. Вот и не может женщина-мать поднять этот груз, тяжесть собственной судьбы...

Когда-то, когда ей было 4 года, Толено в первый раз мечтала убежать от своих сварливых родителей, нынче она готова убежать от своего вечно пьяного мужа, от собственного сына, которого носила 9 месяцев в утробе.

Рассказ Зои Топчиной построен на проклятиях матери, песне-плач о непутевом сыне, о живом муже и, наконец, о себе самой, точнее, о собственном

существовании. Она не хочет смерти близких, наоборот – все время оберегает их. Во всем этом чувствуется жертвенность матери.

Песня первая. «День и ночь, не зная покоя, вырастила тебя, сынок. Белым молоком вскормила тебя, сынок. Как же ты мог заменить ее на «зеленый яд»? Откуда на языке у тебя матерщины слова? Трезвым ты кажешься добрым человеком, в пьяном виде ты неузнаваем. А главное, стирается человеческая память. За что же мне такое наказание?»

Вторая песня-плач матери: «Муж мой, ненаглядный! В молодые годы вышла я замуж за тебя, поверила я твоим ласковым словам, желаниям создать семью. Словно чистая роса в предрассветное утро, расстелилась я на твоем пути, не поверив в унижения, а поверив в счастье семейное. Глаза мои лучистые, словно звездочки на небе, погасли раньше времени, волосы мои, словно темная ночь, поседели раньше срока. Что с тобой, муженек дорогой. Уши твои оглохли, душа твоя закрыта наглухо. Приподнял бы ты голову свою от бутылки, подумал бы о судьбе своей. За что же мне такое наказание?»

Песня третья. «Мечтая о замужестве, о семейном очаге я вышла за тебя замуж безотказно, но не ожидала такого исхода. Чем с ребенком оказаться в такой ситуации, лучше осталась бы одинокой. Чем каждый день быть с мокрыми глазами, лучше не видели бы мои глаза тебя таким. К чему мне быть замужней, быть семейной? На что я надеюсь, чего я ожидаю? За что же я наказана?» (Перевено нами. – Н.К.).

Толоно осознает собственную беспомощность, признает свои ошибки. Она все время остерегалась того, как бы отец с сыном не умертвили друг друга («Учту-мусту неме тутпазын деп корулаган» – «Как бы они не взялись за острые предметы»). Точнее, она все время стояла как перегородка между мужем и сыном. Она все позволяла мужу и сыну, но никто не воспрепятствовал их действиям. Вседозволенность привела их к такому исходу.

Свою жизнь она, Толоно, сравнивает, говоря словами автора, «с пустой душой», «мертвой тенью». Проклиная всех, в том числе себя, Толоно задается вопросами: за что она наказана? За какие грехи бог ее так наказывает?

В рассказе нет прямого ответа. Читатель лишь осознает мягкотелость, беспомощность, драматизм главной героини рассказа по имени Толоно. Она оказалась жертвой собственной судьбы, рабыней двух взрослых мужчин. И вряд ли что изменится в их жизни, род их заканчивается на этом. В этом драматизм произведения. Другими словами, в рассказе «Появились бы крылья...» Зои Топчиной ярко, выпукло показана драма одной семьи, трагичность судьбы женщины, вынужденная жертвенность матери в условиях, когда мужчины перестают управлять хозяйством, домом, детьми.

В других своих рассказах Зоя Топчина раскрывает мужскую и женскую любовь (рассказы «Вторая жизнь» и «Мечтала любить»). Во втором рассказе раскрыта тайная любовь замужней женщины. У нее есть муж Курдаш и дети. Но так получилось, что она влюбилась в мужчину в зрелом возрасте. Любовь вспыхнула молниеносно, но не угасла, жила в ней, озаряла ее душу. Но она не смогла перешагнуть обычаи и традиции алтайского народа. По ее твердому убеждению, она не сможет так просто оставить собственную семью, очаг, дом.

Ей остается примириться со своей судьбой, тайно храня в себе свою запоздалую любовь.

Название рассказа «Вторая жизнь» звучит интригующе. Первая половина жизни Коргы, главного героя, была ничем не привлекательна. Но вот однажды в его село переехала голубоглазая женщина с маленьким сыном и поселилась прямо по соседству.

Переселенцы нарушили привычный покой героя рассказа, его размеренную жизнь, а затем как-то незаметно втянули его в другую жизнь, заинтересовали своей судьбой, в которую он был погружен с утра до вечера, день за днем, год за годом. Он вдруг всем телом, «всем нутром» почувствовал другую жизнь. В нем постепенно проснулось человеческое сострадание, сочувствие и, наконец, поздняя любовь.

Мастерство автора увлекает читателя. Интересна и авторская позиция: взгляд со стороны и изнутри. З. Топчина показывает постепенность втягивания героя в новую жизнь. Сначала Коргы только думает о соседях, затем начинает размышлять и проговаривать свои мысли в одиночестве: «Ты одинока, я одинок, давай вместе проживать. Я буду отцом для твоего ребенка – сломаем перегородку наших домов» («Сен јаныскан, мен јаныс, кожо ѡуртаак, кооркийек. Баланга ада болойын - ортобыста чеденди јемирек...») – «Ты одинока, я – один, давай поженимся, дорогая. Сыну твоему стану отцом, уберем перегородку между нашими избушками»). Далее автор разъясняет состояние своего героя: «Бу состорло караный тунде кинчектелип уйуктайт, бу состорло эрте танда уйкудан ойгонот. Айдынып та болбайт, ундып та болбайт»: «Этими словами он мучился ночью, с этими словами он просыпался утром. Не может высказаться, не может забыть эту мысль». Через какое-то время он осмеливается высказывать свои мысли вслух. Наконец один жизненный случай свел их вместе – поход за красной ягодой. Она попросила у него лошадку, он же, в свою очередь, беспокоился из-за «норовистости» лошади. Коргы всем своим нутром почувствовал, что без этой беспомощной семьи он уже не может жить: «Кооркийди тен кучактап-кучактап, окшоп-окшоп ийер кууни келди» («Впервые захотелось ему крепко-крепко обнять, поцеловать ее»).

С тех пор, пишет автор, между ними установилась «тайная любовь». И эта новая жизнь началась с ночных «путешествий» главного героя через забор, разделяющий их избушки. Отныне Коргы понял смысл своего существования, наконец-то он обрел смысл жизни, осознал суть семейного счастья, даже начал «эгоистически» ревновать обоих, охранять свое драгоценное «обретение»: «Чанкыр косту кооркийи ле кудели чачту балазын кемге де јаман кордирбес», «торколо ороп јурер», томонокко тиштетпей» јурер» («Дорогую женщину с голубыми глазами и мальчика со светлыми волосами никогда он не даст в обиду никому, «заверну в шелк, даже комар не укусит»). Заметим, что автор оберегает своего героя, с одной стороны, осуждая его одинокую жизнь, с другой – жалея, и все же она сочувствует своему герою: «Будуузинде кемзинчек Коргы андый неме эдетен болзо, Састунын суузы кайра акпай кайтын...» («Родившемуся скромным от рода Коргы не позволено перешагнуть через себя. Он таким был, таким и останется в жизни»). Свою судьбу не перепрыгнешь.

Зоя Топчина начинает свой рассказ чуть ли не с научного определения смысла настоящей любви. Задаваясь вопросом, что такое любовь, автор пишет: «Это – озарение солнца в душе, это – иголка, проколотая прямо в сердце, это, – наконец, невыразимое человеческое чувство» и т.д. Автор словно поет особую, нежную задушевную песню, точнее, сочиняет гимн этому чувству, человеческому чувству под названием – поздняя любовь.

В целом проблема становления нового поколения стала актуальна для современной литературы. В жанровом отношении превалирует малая проза, редко кто «осмеливается» сочинять в жанре повести или романа. В год литературы хочется завершить данное исследование словами азербайджанского писателя Эльчина: «Литература не в состоянии сама по себе что-либо изменить в мире или в человеческой натуре... Но она может помочь одному человеку. А это тоже, согласитесь, немало...» (цит. по: [Ахундова, 2015]).

Подытоживая все сказанное, хотелось бы подчеркнуть, что в упомянутых рассказах четко вырисовывается образ Алтая с его городскими и сельскими жителями. Современные прозаики погружаются в мир своих героев, раскрывают их характеры, семейные проблемы, озадачивают читателей мыслями о человеке и его месте в этом мире. Они задаются единственным вопросом: как нам жить дальше в век современной науки и техники? Сохранит ли человек свои человеческие качества в меняющемся мире?

Литература

- Ахпашева Н. Кварта. Новосибирск, 2000.
Ахундова Э. Право быть самим собой // Литературная газета. 2015 (11-17 февраля).
Дугаров Б. Сутра мгновений. Улан-Удэ, 2011.
Киндикова Н.М. Литературы Сибири: опыт исследования. Горно-Алтайск, 2014.
Комбу С.С. Тувинский роман: художественное своеобразие, генезис // Развитие творческого потенциала личности и общества. Прага, 2013.
Майнагашева Н.С. К вопросу о жанрово-стилевых исканиях и актуальных проблем новейшей хакасской литературы // Актуальные проблемы исследования литературы и культуры народов Южной Сибири. Абакан, 2014.
Мижит Э. Расколотый миг. Кызыл, 2011.
Мырреева А.Н. Якутский роман 70-90-х годов XX века. Традиции и новации. Новосибирск, 2014.
Современный роман: идеология или философия? // Вопросы литературы. 2014. № 3.
Суразаков А. Древо познания. Горно-Алтайск, 2011.
Ткаченко П. Нас отравившая свобода // Литературная газета. 2014. № 17.
Харлампьева Н. Ночной полет. Якутск, 1980.
Челтыгашева Л.В. Проблемно-тематические особенности хакасской прозы // Актуальные проблемы исследования литературы и культуры народов Южной Сибири. Абакан, 2014.

Н.М. Киндикова

АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

14-15 октября 2015 года в Алтайском государственном университете состоялась Шестая международная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре».

Конференция организована и проведена кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка при поддержке Управления по культуре и архивному делу Администрации Алтайского края в преддверии празднования 75-летия со дня рождения Народного артиста РСФСР Валерия Сергеевича Золотухина и приурочена к Году литературы.

Более 80 ученых из разных регионов России и ближнего зарубежья подали заявки на участие в работе конференции, которая проводится в Алтайском государственном университете с 2002 года. Основным объектом изучения исследователей являются не опубликованные ранее и не известные специалистам многочисленные документальные источники, запечатлевшие разнообразные аспекты региональной культуры.

Выступивший на открытии конференции с приветственным словом декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии С.А. Мансков отметил значительный вклад филологов кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка в приумножение научного потенциала университета и сохранение и популяризацию литературно-культурного наследия Алтайского края. Заведующая кафедрой Т.В. Чернышова кратко рассказала об итогах научно-исследовательской деятельности кафедры по изучению региональных текстов за истекшее десятилетие, нашедшей отражение в пяти сборниках научных трудов по результатам прошлых конференций, уже ставших библиографической редкостью. Профессор кафедры М.П. Гребнева, организатор и вдохновитель нынешней конференции, принявшая эстафету поколений от основателя научного семинара Т.Г. Черняевой, поблагодарила гостей и участников конференции, приехавших на семинар из Санкт-Петербурга, Томска, Красноярска и других городов Сибири, а также Казахстана и Китая.

Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, были посвящены актуальным проблемам изучения регионального текста, а также различным аспектам отражения сибирской тематики в творчестве известных русских писателей и в научной деятельности современных отечественных исследователей.

Пленарное заседание открыл доклад доктора филологических наук, доцента Алтайского государственного педагогического университета В.И. Габдуллиной «Мотив «возрождение Сибири» в художественном, эпистолярном и публицистическом дискурсе Достоевского». Доклад профессора АлтГУ В.В. Десятова был посвящен сопоставительному изучению прецедентных текстов У. Эко и В.М. Шукшина в творчестве Бориса Акунина. Доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Д.В. Марьин свой доклад посвятил описанию основных этапов подготовки к печати трехтомника прозы Валерия Золотухина. Профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Аста-

на) К.Б. Уразаева в своем докладе осветила бытовую и политическую советскую риторику в рассказах В.М. Шукшина.

Далее работа продолжилась в семи секциях, посвященных литературным и лингвистическим аспектам регионального текста.

Секция «Алтай в литературном и культурном пространстве Сибири» была, пожалуй, самой многочисленной и самой представительной по числу гостей. Общим проблемам исследования регионального текста были посвящены доклады М.П. Гребневой (Алтайский государственный университет) и И.Б. Каланчиной (г. Усть-Каменогорск). Различные аспекты творчества Г.Д. Гребенщикова были освещены в докладах доц. Е.Е. Тихомировой (Новосибирский государственный педагогический университет) и О.А. Толстоноженко (Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета). Заведующая кафедрой литературы Томского государственного педагогического университета Е.А. Полева выступила с докладом о художественном своеобразии прозаических миниатюр современных алтайских писателей для детей. Доцент Горно-Алтайского государственного университета Т.П. Шастина в своем выступлении представила осмысливание традиций сибирского областничества в прозе Ивана Кудинова.

Секция «Региональный текст в литературе и культуре» запомнилась двумя интерактивными выступлениями: в онлайн-режиме с докладами выступили С.С. Калинин (г. Санкт-Петербург), рассказавший собравшимся о «зверином стиле» как культурном коде пазырыкской скифо-сибирской культуры, и А.Ю. Горбенко (Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева), посвятивший свое выступление проблеме «Толстовского текста» жизнестроительства в творчестве Г.Д. Гребенщикова. Опыт исследования рукописных сибирских книг представлен в докладах Т.И. Злобиной (Барнаульская Духовная семинария) и К.Ю. Иванова (Кемеровский государственный университет).

На объединенной секции «Творчество В.М. Шукшина» и «Достоевский и Сибирь» особый интерес собравшихся вызвали доклады барнаульских исследователей – доцента АлтГПУ Я.П. Изотовой («Образ березы в киноповести В.М. Шукшина «Калина красная»») и доц. АлтГУ Е.Ю. Сафоновой («Достоевский: «Я намерен поселиться в Барнауле»»), а также доклад Н.А. Вальянова (г. Красноярск), посвященный анализу трансформации образа «наивного человека» в современном традиционализме (на материале произведений В. Шукшина и М. Тарковского). Китайский исследователь Ми Сюйян (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) обратился к в своем докладе к проблеме «Сибирь и ориентализм Ф.М. Достоевского».

Две секции («Лингвистические аспекты алтайского текста» и «Современная публицистика Алтая») были посвящены лингвистическим аспектам изучения регионального текста.

Так, в секции «Лингвистические аспекты алтайского текста» наибольший интерес слушателей привлекли доклады исследователей АлтГУ – профессор А.А. Чувакин остановился на особенностях концепта «Алтай» в художественной прозе К. Паустовского, а доц. В.Н. Карпухина рассказала о первых опытах перевода алтайских сказок на русский язык.

Доклады исследователей Алтайского государственного университета, прозвучавшие на секции «Современная публицистика Алтая», представляли разные аспекты изучения региональных медиатекстов. Так, концептуальное пространство жанра воспоминаний описано в докладе профессора АлтГУ Е.В. Лукашевич; проблемы регионального конфликтного текста на материале дискредитирующих речевых жанров представлено в сообщении проф. Т.В. Чернышовой. Об особенностях целевой установки жанра имиджевой статьи рассказала кандидат филологических наук Е.И. Клинк; референциальная девиация в региональном рекламном тексте наглядно представлена в сообщении доц. Ю.В. Явинской и т.д.

Отличительной особенностью данной конференции явилось то, что в ее работе активное участие приняли молодые исследователи: студенты, аспиранты, магистранты, представившие результаты своих научных исследований в области регионального текста разных временных пластов и различной жанровой принадлежности.

По итогам конференции планируется издание рецензируемого научного сборника.

T.B. Чернышова

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ:
А.А. ЧУВАКИН, Е.В. ДЕМИДОВА, Э.В. МАЛЫГИНА
«ТВОРЧЕСТВО В.М. ШУКШИНА В ПРОСТРАНСТВЕ
КОММУНИКАЦИЙ» / ПОД ОБЩЕЙ РЕД. А.А. ЧУВАКИНА.
БАРНАУЛ: ИЗД-ВО АЛТ. УН-ТА, 2015**

Рецензируемая работа, с одной стороны, продолжает традиции исследования языка писателя в рамках филологического шукшиноведения, с другой, – предлагает новый вектор осмыслиения творчества писателя посредством трансляции произведений в коммуникативном пространстве. Попытка познать грани шукшинской поэтики через проблему внутритекстовой и межтекстовой коммуникации позволила авторам монографии представить творчество писателя как динамически развивающуюся целостную систему, содержательная насыщенность которой может быть раскрыта только путем взаимопересечения данных типов коммуникации.

Думается, что актуализация проблемы «творчество писателя и коммуникация» продиктована не только ситуацией, сложившейся в филологии начала XXI века, но и востребованным обращением к текстам В.М. Шукшина как к уникальным явлениям духовной культуры русского народа, идеей познания текста как самостоятельного образования, способного приобретать память и вступать в диалогические отношения с другими текстами.

Ключевая задача рецензируемой работы заключается в попытке понять и описать динамику отношений текстов малой прозы писателя и пространства

коммуникации. Решению данной задачи подчинена логика построения монографии и ее содержательная сторона. Ставя в центр внимания *язык прозы*, исследователи последовательно выстраивают композицию книги: от описания внутритекстовой коммуникации в рассказах В.М. Шукшина (глава 1, автор А.А. Чувакин) к кризисной межперсонажной коммуникации (глава 2, автор Э.В. Малыгина), далее к рассмотрению рассказов писателя как феномена межкультурной коммуникации (на материале англоязычных переводов) (глава 3, автор Е.В. Демидова). В завершающей части исследования представлен анализ творчества писателя в контексте филологического шукшиноведения и авторской лексикографии (глава 4, автор А.А. Чувакин).

Несомненным достоинством работы является то, что авторам удалось достичь единства в методике представления материала. Как нам кажется, это стало возможным благодаря сопряжению филологического подхода с принципами лингвоэвокационной методики. Выбранный авторами работы методический взгляд на проблему позволил подробно изучить два уровня структуры – художественно-речевой, в котором структурируется авторское видение мира, и эвокационный, служащий конструированию (и переконструированию) реальной, художественной и других форм действительности в тексте, в результате чего рождается текстовая действительность (в художественном тексте – вымышленная). Стоит отметить, что применение лингвоэвокационной методики позволило исследователям прийти к глубоким выводам об особенностях эвокационной структуры прозы Шукшина, в частности, в работе доказывается, что причина мнимой простоты текстов писателя кроется в элементарности (подчас обыденности) ситуаций действительности, репрезентированных в ней, языком как средством презентации. Сложность прозы заключается в ее повышенной субъективности, предопределенной интерпретационной значимостью эвокационных компонентов, преобладанием компонентов объектно-интерпретационного типа, отношениями между эвокационными сигналами (параграф 1.3). Не вызывает сомнений вывод авторов о том, что эвокационная структура текстов служит раскрытию механизма и динамики их жизни: эвокационные сигналы текста суть представители художественной действительности в ее синергетических отношениях с нехудожественной действительностью и миром.

Ценность каждого раздела монографии заключается в целостном описании того или иного варианта бытования текстов В.М. Шукшина в пространстве коммуникации, в содержательности полученных результатов. Так, например, в первом разделе – «Внутритекстовая коммуникация в рассказах В.М. Шукшина» доказывается, что характер коммуникации внутри текстов определяется принципом диалогичности, наиболее ярко проявляющимся в механизме языко-ситуативного диалога. Центральным звеном речеситуативной структуры текстов рассказов Шукшина вступает *homo communicans* (человек коммуницирующий) в качестве фигуры многоязычной, что, как считают авторы монографии, в сопряжении с многоязычием повествователя создает коммуникативный феномен – «разноречие». Триада «язык – речь – коммуникация» служит опорой внутритекстовой коммуникации в рассказах и

открывает ее читателю, уже в его коммуникативном пространстве (параграф 1.1).

Во втором разделе – «Кризисная межперсонажная коммуникация в рассказах В.М. Шукшина» интересными представляются выводы о том, что характер внутритекстовой кризисной коммуникации персонажей как продукта эвокации зависит от работы целого спектра эвокационных приемов (смещения, прерывания речи, обобщения, нелестной номинации и др.) (параграф 1.2). Основной формой кризисной коммуникации является «сшибка» ценностно-смысловых позиций героев. Именно она, по мнению авторов работы, актуализируется при выборе писателем деструктивных моделей коммуникации, открывающих для читателя в дальнейшем возможность детерминировать «странность» шукшинского героя.

Третья часть работы – «Рассказы В.М. Шукшина в межкультурной коммуникации (на материале англоязычных переводов)» представляет собой опыт исследования вариативных отношений между текстами рассказов В.М. Шукшина в пространстве межкультурной коммуникации – текстом оригинала и текстами переводов – сквозь призму категории «внутренний мир художественного текста» (ВМХТ). Наиболее важные положения главы позволяют говорить о том, что результатом бытования текстов В.М. Шукшина в межкультурном пространстве служат интерпретационные (переводческие) варианты текстов, имеющие с текстом оригинала «общее ядро» – эстетическое содержание ВМХТ. Жизнедеятельность прозы писателя предопределяется процессами варьирования и трансформации. Варьирование детерминирует количественное изменение компонента ВМХТ, трансформация – качественное изменение компонента ВМХТ (параграф 3.3).

Композиционная и содержательная важность заключительной главы монографии «Творчество В.М. Шукшина в контексте филологического шукшиноведения и авторской лексикографии» видится рецензенту в попытке погрузить творчество писателя в широкий исследовательский контекст. Думается, что совершенно оправдано данный «срез» пространства коммуникации малой прозы В.М.Шукшина представлен с акцентом на работы алтайских ученых. Без сомнения, алтайское шукшиноведение, охватив своим научным взглядом практически все грани творчества писателя, раскрыло феномен личности Шукшина, имеющей значимость не только для истории отечественной литературы и культуры, но и литературы и культуры мировой. Более того, результаты теоретических и эмпирических исследований творчества писателя во многом предопределили актуальность и перспективность целого ряда направлений шукшиноведения XXI века.

Рецензируемая монография представляется актуальным, законченным исследованием, имеющим серьезную теоретическую значимость и практическую ценность. В работе предложена оригинальная научная концепция. Полученные результаты имеют ценность для характеристики языкового творчества В.М. Шукшина, намечают корпус новых идей в области исследования языка художественной литературы в целом.

Г.В. Кукуева

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

О.В. Воронушкина. Концептуальная база системного описания скрытых смыслов. Понимание скрытого смысла неразрывно связано с понятием «множественного смысла». Эта множественность смыслов реализуется на разных уровнях и в разных плоскостях взаимодействия говорящего, адресата и самого высказывания. В связи с этим в современной лингвистике существует проблема типологии скрытых смыслов, так как поле их распространения очень обширно и неоднородно. В рамках данной работы предпринята попытка более точно определить природу и особенности категории скрытых смыслов на примере иноязычного дискурса. В качестве детерминанты концепции скрытых смыслов рассматривается личностный фактор двойственного характера. Также выделено несколько системообразующих критериев (степень интенциональности, способ представления скрытой информации, характер заключенной информации, возможность и способ экспликации, функциональный и дискурсивный аспекты), которые позволяют максимально познать предмет и раскрыть все его существенные характеристики.

O.V. Voronushkina. The Conceptual Base of the System Description of Implicit Meanings. Understanding of implicit meaning is inseparably associated with the concept of «multiple meaning». This variety of meanings is actualized on different levels and on various planes of interaction between the speaker, the recipient and the utterance itself. In this regard, in modern linguistics there is a problem of typology of the implicit meanings due to the fact that the field of their distribution is very extensive and heterogeneous. In this work you can see a more exacting attempt to define the nature and characteristics of the category of implicit meanings, taking a foreign-language discourse as an example. The personal factor of dual nature is considered as a determinant of the conception of implicit meanings. In addition, there highlighted several strategic criteria (a degree of intentionality, a way to represent the implicit information, nature of the information in question, an opportunity and means of explication, functional and

discursive aspects), that allow to considerably study the subject and reveal all its essential characteristics.

Г.Г. Москальчук, Н.А. Манаков. Интегральная оценка формы текста. В статье обобщаются результаты формализованного анализа структуры текста, основанные на применении алгоритмов природы к формообразованию текста: итеративность, симметрия / асимметрия, пропорция золотого сечения, самоподобие. Предлагается технология лингвистического анализа, позволяющая оценивать позицию различных лингвистических единиц во внутритекстовом пространстве-времени и актуализировать структурные компоненты текста: размер текста и его составляющих; распределение крупных словесных масс сходной и / или различающейся природы; симметричность / асимметричность частей и целого; пропорциональность внутритекстовых распределений; иерархичность распределения материала во внутритекстовом континууме; континуальность, дискретность или разрывность внутритекстового пространства; ритмичность / аритмичность целого и т.п. Текст как целое может быть измерен лишь относительно самого себя. Форма текста как лингвистический конструкт реконструируется и достраивается по экспериментальным точкам, полученным в ходе измерений разнообразных по характеристикам полных текстов. Единицы языка и процессы, их сопровождающие, полагаются считаемыми качествами, распределенными во внутритекстовом пространстве-времени, то есть обладающие позиционной измеримостью.

G.G. Moskalchuk, N.A. Manakov. Integral Evaluation of the Form of the Text. The article deals with the results of a formalized analyses of the text structure. These results are based on application of natural algorithms to the text formation, such as iteration, symmetry, asymmetry, golden section, self-similarity. A method of linguistic analyses is offered. It allows to evaluate the position of different linguistic units in the intertextual space and time; to define structural components of the text, such as content of the text and its components, distribution of large numbers of words of different or similar nature, symmetry and asymmetry of parts and the whole, ratio of intertextual distribution, the material hierarchical arrangement in the intertextual space, continuity or discreteness of intertextual space, rhythm or its absence, etc. Text as a whole can only be evaluated in comparison with itself. Form of the text as a linguistic construction is designed and built according to experimental points, obtained in the of different texts study. Language units and the processes which accompany them are thought to be the qualities distributed in the intertextual time and space.

Т.А. Литвинова, О.В. Загоровская. Изучение индивидуального варьирования характеристик русского письменного текста с учетом данных нейронаук. В отечественной психологической науке накоплено немало данных, свидетельствующих о выраженности в тексте как продукте речевой деятельности разнообразных индивидуальных свойств субъекта говорения: половозрастных, социальных и национальных признаков; особенностей мотивационной, эмоциональной и интеллектуальной сфер, а также индивидуально-личностных характеристик. В русской лингвистике же в названном направлении делаются лишь первые шаги. Отечественное языкознание располагает лишь случайными несистематизированными фактами зависимости речевого поведения от индивидуально-психологических особенностей личности. Не существует апробированных методик определения психофизиологических характеристик автора русского письменного текста; не проведены статистические исследования, направленные на выявление значимости тех или иных языковых единиц для диагностирования названных характеристик. Кроме того, параметры текста в подобных исследованиях в большинстве случаев выбираются без опоры на теорию, интуитивно, бессистемно, а сами исследования носят описательный, но не диагностирующий характер. Авторами предлагается новый подход к решению проблемы отражения в русском письменном тексте индивидуально-психологических характеристик его автора, основанный на комплексном многоуровневом психолингвистическом анализе текста с учетом данных нейролингвистики и нейропсихологии индивидуальных различий.

T.A. Litvinova, O.V. Zagorovskaya. Study of Individual Variation of Characteristics of Russian Written Text Based on the Data of Neuroscience. Russian psychological science has accumulated a lot of evidence of the fact that text as a product of speech activity reflects a variety of individual characteristics of the subject of speaking: sex and age, social and national characteristics; peculiarities of motivation, emotional and intellectual spheres, as well as individual personality characteristics. In Russian linguistics the problem is not well-studied. Russian linguistics has only occasional facts of verbal behavior depending on the individual psychological characteristics of a personality. There are no proven methods to determine psycho-physiological characteristics of the author of a Russian written text; there are no statistical studies aimed at identifying the significance of certain linguistic units for the diagnosis of these characteristics. In addition, the texts in most cases are chosen without reference to theory, the studies are just descriptive. A new approach to solving the problem of reflection in the text of individual psychological characteristics of its author is proposed. The ap-

proach implies a complex multi-level psycholinguistic analysis of the text based on the data of neurolinguistics and neuropsychology of individual differences, as well as the use of methods of mathematic statistics.

Л.И. Москалюк. Нижненемецкие говоры в Алтайском крае.

Немецкие островные говоры в Алтайском крае являются смешанными образованиями, развивающимися на протяжении длительного времени в иноязычном окружении в процессе интенсивного контактирования с русским языком. Проведен комплексный анализ звукового состава и грамматики нижненемецких говоров с выделением распространения отдельных фонетических и грамматических явлений в местах компактного проживания российских немцев на Алтае. Языковые особенности, прослеживаемые в исследуемых островных нижненемецких говорах, проявляются в консервации старых форм и сохранении реликтовых явлений как следствие оторванности от исходного языкового коллектива, в параллельности развития многих процессов в российско-немецких говорах, которые объясняются интенсивными междиалектными контактами, в значительном упрощении грамматической системы, являющимся результатом длительного и сильного воздействия на островные говоры языка окружения.

L.I. Moskalyuk. Insular Low German Dialects in Altai Region.

German island dialects in Altai region are specific mixed formations, developing over a long period of time in the foreign-language environment in the process of intensive contact with the Russian language. It is carried out here a comprehensive study of the sound structure and grammar of German dialects followed by allocation distribution of individual phonetic and grammatical phenomena in some places densely populated by Russian Germans in Altai. Language features, traceable in the researched island German dialects are manifested in the conservation of the old forms and preservation of primordial phenomena as a consequence of isolation from the source language community, in parallelism of the development of many processes in the Russian-German dialects, which are explained by intense interdialectic contacts, in a significant simplification of the grammatical system as a result of prolonged and strong impact on the island dialects.

А.В. Жучкова. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века. Анализ образа «маленького человека» в русской литературе традиционно начинается с разговора о его низком социальном положении. Однако социологический подход не раскрывает в полной мере психологическую и философскую проблематику данного литературного типа. Незначительное общественное положение «маленького человека»

не оправдывает его личностных, человеческих недостатков. Обвинение власти в собственной несостоятельности – это один из возможных способов экспликации такого субстантивного свойства «маленького человека», как отсутствие личной ответственности, что в психологии обозначается термином «внешний локус контроля». Отсутствие личностной ответственности, желание избежать свободы выбора и переложить принятие решения на другое лицо определяет психологический портрет «маленького человека».

A.V. Zhuchkova. External Locus of Control as a Substantial Property of a Common Person in the Russian Literature (XIX century). Nowadays, the study of the common person image in the Russian literature is based on the assertion that he belongs to the low class stratum. This approach does not reveal to the full extent psychological and philosophical content of this literary type. His low social status does not presuppose his personal drawbacks. His main feature is a lack of responsibility. To blame the authority (the upper class) is one of the ways to avoid that responsibility. Psychologists define it as «external locus of control». The difficulties of a common man in relations with the authorities is the demonstration of the external locus of control. In fact, the problem of a common person is a slave mentality.

Н.А. Хуббитдинова. Актуальные аспекты изучения проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе (XIII – начала XX века): результаты и перспективы исследования. В статье отразились результаты исследования проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе XIII – начала XX века и перспективы ее изучения. Проблема «литература и фольклор» включает в себя два аспекта: 1) использование фольклора литературой и 2) влияние литературы на фольклор. Автору статьи ближе первый аспект, в частности – выявление механизма творческого освоения фольклорных традиций в национальной литературе. Рассмотрение проблемы в данном аспекте расширит представление о фольклорно-литературных взаимосвязях как одной из актуальных проблем филологической науки, послужит базой для дальнейших изысканий в данном ключе.

N.A. Khubbitdinova. Acute Aspects of Studying Folklore and Literature Interrelations in the Bashkir Literature (XIII – early XX century): Results and Prospects of Research. The article reflects the results of the research into the problems of folklore and literature interrelation in the Bashkir literature of the XIII – the beginning of XX cen-

tury and prospects of the study. The problem of «literature and folklore» includes two aspects: 1) the use of folklore in literature and 2) the influence of literature on folklore. The author is more interested in the first aspect, which is tracing the mechanism of creative development of folk traditions in the national literature. The consideration of this aspect will promote understanding of folklore and literature interrelation as one of the acute problems of philological science, will serve as a basis for further research of that kind.

Р.В. Шубин. Лидер, начальник, первый в творчестве В. Шукшина: к образу мирового человека. В статье реконструируется образ мирового человека. Мировой человек – это базовое понятие герменевтики В. Айрапетяна, характеризуется как *homo loquens* (*человек говорящий*), далее – первый человек (мифологический перво человек), творец и спаситель, ведущий и лидер, сочетающий в себе черты толкователя. Анализируются рассказы-дубли «Начальник» и «Ораторский прием». Несмотря на различное стилевое решение двух историй, можно заключить: идея спасения или самоспасения напрямую зависит от единства коллективной личности и появления спасителя по формулам *инакости*: «если никто, то *все как один*» и «если никто, то кто-то *иной*». Третьим воплощением мирового человека является образ Степана Разина. В этом образе сочетаются Прометеево революционное мышление и Эпиметеево консервативное мышление. Противоречивость образа русского разбойника-заступника можно свести к формуле: видящий все Разин не видит самого себя. В связи с этим в статье анализируется разлад сердца и головы, расхождение понятий воля и свобода, знания и сознания.

R.V. Shubin. Leader, Head, the First Man in the Works by V. Shukshin: on the Image of the ‘Man of the World’ (*Homo Mundus*). The article reconstructs the image of the ‘man of the world’. Man of the world is the basic concept of hermeneutics by V. Hayrapetyan, which is characterized, first of all, as *homo loquens* (man speaking), then – the *first man* (Protoplasm, ‘first-formed’), the creator and savior, master and leader, reflecting the features of an interpreter. The doublet-stories *The Head* (*The Chief*) and *The Rhetorical method* are analyzed. Though the two stories have different style one can conclude that the idea of salvation or self-salvation depends on the integrity of a collective person. The formula of *otherness* determines the arrival of the savior : «if no one, then all as one» and «if no one, then some other». Third manifestation of the man of the world is the image of Stepan Razin. It combines Prome-

thean revolutionary thinking and Epimethean conservative thinking and principles (by Hayrapetyan). Contradictory image of the Russian robber-defender (savior) can be put into the formula: Razin sees everything and does not see himself. In this connection the article analyzes the disagreement of ‘heart’ and ‘head’ symbols, the divergence of concepts ‘will’ and ‘freedom’, ‘knowledge’ and ‘consciousness’.

О.В. Янковская. Лирико-эпическая природа прозы Сергея Пестунова. Одной из главнейших задач ученых-литературоведов на сегодняшний день является исследование регионального литературного процесса, поэтому статья посвящена творчеству довольно известного поэта и прозаика Хакасии Сергея Андреевича Пестунова, создавшего еще одну новую страницу большой сибирской литературы. В статье предпринята попытка выявить истоки эпичности и лиризма его прозы, а также раскрыть идеально-творческие константы прозаика С. Пестунова, представляющие органический сплав традиций и авторского «почерка». Безусловно, сложно провести четкую границу между лирическим и эпическим началами его прозы, так как даже сложные проблемы духовной жизни, поставленные в эпических рассказах, исследуются и анализируются писателем через призму человеческих характеров, чувства и переживания героев. В центре этих произведений стоит проблема жизни человечества, изображение кризисного состояния деревни и человека крестьянского труда, проблема сохранения нравственной и духовной чистоты людей. Материалы статьи могут быть использованы как учителями литературы, так и студентами высших и средних специальных учебных заведений для изучения современной литературы, в частности, региональной прозы.

O.V. Yankovskaya. Lyric and Epic Nature of the Prose by Sergei Pestunov. Since one of the main tasks of literary scholars today is the study of the regional literary process, this article deals with the works of a quite well-known poet and writer of Khakassia Sergei A. Pestunov, who created a new page in Siberian literature in its broad sense. The article attempts to identify the origins of the epic and lyricism of his prose, as well as to reveal the ideological and creative constants of S. Pestunov as a writer, these constants representing an organic fusion of tradition and author’s «personal style». It is certainly difficult to draw a clear boundary between the lyrical and the epic basics of his prose, because complex problems of the spiritual life, raised in epic stories, are tackled by the writer through the prism of human characters, feelings and experiences of. The core problems in these works are the human life, decline of the village

and peasant labor, the problem of keeping moral and spiritual purity of people. The materials of this article can be used by teachers of literature, as well as students of higher and secondary specialized educational institutions for the study of contemporary literature, in particular, regional prose.

А.А. Суворов. Авторские стратегии в прозе Татьяны Толстой: диалог с «опоздавшим собеседником». В статье рассматривается система имплицитных категорий «автор» и «читатель» на материале прозы Татьяны Толстой. Предлагаемый литературоведческий анализ основан на принципе выделения элементов поэтики художественного текста, маркирующих базовые модальности *внимания, соучастия и открытия* (В.В. Прозоров), а также содержит филологический комментарий авторской стратегии взаимодействия с потенциальным читателем («М-Читатель» по У. Эко). В работе показано, что во многих аспектах авторская стратегия, реализованная в прозе Татьяны Толстой рубежа XX–XXI веков, может быть охарактеризована как рискованная (отмечается слияние уровней *внимания* и *соучастия*, выявляется пунктирная повествовательная манера и активное использование разговорной лексики). В результате эмпирического анализа текста романа «Кысь» и сборников рассказов писателя складывается концепция литературоведческого восприятия позиции автора по отношению к потенциальному читателю как поэтической коммуникационной системы с высочайшим интерактивным потенциалом.

A.A. Suvorov. Author's Strategies in Prosaic Works by Tatyana Tolstaya: Conversation with a 'Late Interlocutor'. The article analyses the system of inline categories 'author' and 'reader' which is based on prosaic material by Tatyana Tolstaya. Literary analysis presented in the article is focused on the principle of extraction of the poetic elements from a piece of literature; the following elements are the markers of basic interactive modalities (called by Prof. V.V. Prozorov as *attention, participation and discovery*). Literal commentary on author's interaction strategy for conquering the potential reader ('M-reader' by U. Eco) is also stated in the article. It is grounded that in many aspects Tatiana Tolstaya's interaction strategy (embodied in her prosaic works of the XX-XXI centuries) may be called risky. It is found in confluence of modalities of *attention* and *participation* and frequent usage of colloquial vocabulary. As a result of empirical examination of the texts (novel «Kys» and various collections of short stories) a conception of literary perception is developed. This is a conception of literal perception of author's attitude toward potential reader as a poetical communicational system with a high rate of interactive possibilities.

Г.Ф. Лутфуллина Репрезентация частных аспектуальных значений повторяемости и привычности глагольно-инфinitивными аналитическими структурами во французском и татарском языках. Глагольно-аналитические средства во французском и татарском языках представляют собой наиболее регулярные средства выражения аспектуальных значений. Кратность глагольного действия может выражаться в сопоставляемых языках глагольно-инфinitивными, глагольно-герундиальными, глагольно-именными и глагольно-адъективными аналитическими структурами. Специфика значения повторяемости предполагает возможность ее выражения двумя группами аналитических структур: 1) собственно-кратными аналитическими структурами, где предельные и непредельные глаголы могут выражать повторяемость; 2) фазисными аналитическими структурами, где только предельные глаголы при наличии дополнения во множественном числе или дискретные непредельные глаголы могут выражать значения повторяемости. В татарском языке эквивалентами французских бикомпозитных глагольно-инфinitивных структур выступают бикомпозитные глагольно-герундиальные аналитические структуры или свободные глагольно-адвербиальные словосочетания, которые часто имеют свои синонимичные глагольно-именные структуры с процессными именами существительными. В плане выражения во французском и татарском языках глагольно-инфinitивные аналитические структуры участвуют в выражении неопределенного количества повторов действия и привычных, частых действий.

G.F. Lutfullina. Representation of Particular Aspect Meanings of Repeated Actions by Infinitival Analytical Structures in the French and the Tatar Languages. Analytical verbal structures in the French and the Tatar languages are the most regular means of expressing aspect meaning. Multiplicity of verbal actions can be expressed in the languages by Infinitival, Gerundial, nominal and adjectival analytical constructions. Multiplicity may be expressed by two analytical structural groups: 1) multiplicity analytical structures, where terminative or durative verbs can express repeated actions; 2) analytical structures where terminative verbs + Object (pl.) or durative discrete verbs can express repeated actions. In the Tatar language Gerundial constructions or free adverbial analytical structures can be considered as equivalent to French Infinitival analytical structures. In the Tatar language there are nominal structures which are synonymous to process nouns. In the French and the Tatar languages Infinitival analytical structures are used to express a number of repeated actions or frequent actions.

О.С. Сальникова. Вариативность девиаций в письменной речи детей младшего школьного возраста как проявление системной графической парадигматики слова. В современной лингвистике усиливается интерес к изучению речевых личностей через их речевые портреты. Орфографическая личность проявляется в орфографическом портрете. Нас интересуют особенности становления орфографической способности в ее онтогенезе. Орфографический портрет при этом отражает орфографическую личность «ребенка-в-орфографии». Орфографический портрет ребенка младшего школьного возраста – это совокупность всей письменной речевой продукции детей, которая характеризует этап начала освоения письменной речи ребенком как речевой личностью. В статье рассматриваются орфографические девиации в письме учеников 2 класса как одна из частей орфографического портрета ребенка младшего школьного возраста. Орфографические девиации описываются с точки зрения их вариативности в письме детей с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Экспериментальные данные позволяют выделить группы девиаций: фонетические и гиперкорректические. Особенности письменной речи учеников 2 класса являются реализацией речевой личности детей в письменной форме.

O.S. Salnikova. The Variability of the Deviations in Writing of Primary School Children as a Manifestation of Systemic Graphical Paradigms of Words. In modern linguistics we can see increasing interest to the study of speech personalities through their verbal portraits. Spelling personality is manifested in spelling portrait. We are interested in the peculiarities of development of spelling ability in its ontogeny. Spelling portrait is the personality of the child «in spelling». Spelling portrait of a primary school child is a set of all written texts produced by children, which characterizes the early stage of written language development of the child as a speech personality. The article discusses spelling deviations in the writing of the 2-nd grade pupils as a part of spelling portrait of a primary school child. Spelling deviations are described from the point of view of their variability in children's writing, taking into account linguistic and extralinguistic factors. Experimental data allow to distinguish groups of deviations: phonetic and hypercorrective. Writing features of the 2-nd grade pupils are the implementation of speech personality of children in written form.

Е.В. Дзюба. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании. В статье рассматриваются различия научной и наивной лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании, обусловленные спецификой существенных признаков, лежащих в основе формирования категорий

языкового сознания. На примере анализа категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА показана методика описания структуры лингвокогнитивных категорий, члены которых распределяются по уровням в зависимости от степени типичности (сверхтипичные, типичные, малотипичные, нетипичные и сверхнетипичные образцы). Охарактеризована специфика указанной категории, которая заключается в особенностях ее структурно-смысловой организации (это динамическая, способная пополняться новыми членами категория с диффузными, размытыми границами) и особых функционально- pragmaticальных характеристиках, актуальных для научной и наивной картин мира. В статье также перечисляются объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование категорий языкового сознания. Подчеркивается значение изучения лингвокогнитивных категорий для лексикографической практики.

E.V. Dziuba. The Peculiarities of Categorization of Artefacts in the Russian Linguistic Consciousness. The article deals with differences between the scientific and naïve categorization of artifacts in the Russian linguistic consciousness, depending upon the specificity of the essential differences, which lie at the basis of formation of the categories of linguistic consciousness. The article discusses the methods of description of the structure of semantic categories, whose members are grouped according to the degree of typicality (super typical, typical, less typical, non-typical and super non typical) on the example of analysis of the category of HOUSEHOLD APPLIANCES. The author characterizes the specific nature of the given category, which consists in the peculiarities of its structural-semantic organization (it is a dynamic fuzzy category easily expanded by new members) and particular functional-pragmatic characteristics relevant for the scientific and naïve worldviews. The article also enumerates objective and subjective factors influencing the process of formation of the categories of linguistic consciousness. It specially stresses the significance of the study of linguistic categories for lexicographical practice.

Е.А. Шимко. Национально-культурная специфика семантики идиом, представленных номинацией «дети», в аспекте этнолингвистики (на материале немецкого и русского языков). Статья посвящена исследованию национально-культурной специфики семантики фразеологических единиц, представленных номинацией «дети» в рамках сопоставительного изучения с позиций этнолингвистики. В статье применен подход, позволяющий определить общие и дифференциальные черты концептуализации мира, запечатленные в немецком и русском языках. Национально-культурная специфика семантики идиом в аспекте данной концепции рассматривается как сверхпонятийный

смысл слова, обусловленный экстралингвистическими факторами, наиболее ярко проявляющийся в сфере периферийных семантических компонентов, а также в его имплицитной репрезентации. Культурная информация содержится во внутренней форме идиомы, что дает возможность осуществить изучение цивилизации и культуры народов, черты его национального характера, ритуалы, традиции, верований.

E.A. Shimko. National and Cultural Specifics of the Idiomatic Semantics Presented by the Nomination «Children», Ethnolinguistic Aspect (on the Material of the German and Russian Languages). The article is devoted to national and cultural specifics of phraseological units' semantics presented by the nomination «children». It is a comparative research, based on ethnolinguistic positions. In the article, the approach allowing to define common and different features of the world conceptualization of the German and Russian languages is applied. National and cultural specifics of idiomatic semantics in aspect are considered as a super conceptual meaning of the word, caused by extra linguistic factors, which is mostly evident in the sphere of peripheral semantic components and also in its implicit representation. Cultural information is embedded in the internal form of the idiom, that provides a possibility to carry out studying of the society and culture of the people, national character, rituals, traditions, beliefs.

О.А. Туркина. Перспективы моделирования дискурса конфронтации-соперничества как идеи, феномена и деятельности. Современная лингвистическая наука, изучая ту или иную тему, всегда «оглядывается» на общее представление этой темы в гуманитарно-социальном знании. Без понимания того, как тема репрезентирует себя в социуме, не может быть и лингвистического исследования, ибо именно социум предоставляет контекст, в котором тема актуализируется. Целевой установкой данной статьи стало описание теоретических подходов к изучению конфликта в гуманитарном научном знании с выделением основных категорий, определивших особенности структуры и функционирования данного явления, и определение перспектив для моделирования дискурса конфронтации-соперничества как менее явной и экстремальной, но распространенной формы проявления конфликта в социуме. Мы должны были увидеть то, что есть конфликт в гуманитарном знании в ретроспективе, а также то, как данное понятие трактуется современным обществом. Изменения в эволюции научного знания об объекте нашего исследования информативны. Однако в современной научной парадигме конфликт выливается в новые формы – конфронтацию и соперничество, что выводит нас в поле нового типа дискурса – дискурса конфронтации-соперничества. Изучая данный тип

дискурса, мы исследовали прецедентные тексты из философской, социологической, психологической и лингвистической наук. В результате были выделены типы подходов в изучении конфликта, выявлены ключевые категории данного явления – фокусы исследовательского внимания – и намечены пути интеграции полученного знания в исследование дискурса конфронтации-соперничества, разворачиваемом в поле лингвистики дискурса, а именно те возможности, которые открываются данными науками для реконструкции *моделей конфронтации и соперничества* в современной лингвистической науке.

O.A. Turkina. Modelling Perspectives of Confrontation and Rivalry Discourse as an Idea, Phenomenon and Activity. Modern linguistics considering this or that theme always takes into account common view on this theme in humanitarian and social science. Without understanding how the theme is represented in society it is impossible to carry out linguistic research, because society provides the context in which the theme is being actualized. The aim of the article is to describe theoretic approaches to the research of conflict in Humanities, pointing out the key categories defining conflict's structure and functioning, and to draft on their basis the perspectives of modeling confrontation and rivalry discourse as a less tough and visible but widespread form of conflict manifestation in society. We intended to search the conflict both in the retrospective humanities' review and how it is viewed in modern society. The comparison of these two directions has given us new informative data. In contemporary paradigm conflict is cast into new shapes – confrontation and rivalry, which gives us a possibility to speak on a new type of discourse – confrontation and rivalry discourse. To study our object we have studied the precedent texts from philosophy, sociology, psychology and linguistics, which gave us the conflict's models that might be reconstructed from these disciplines' experience. The aim of the article is to describe these models and to draw possible ways of their use in our research.

К.А. Кочнова. Импрессионизм в пейзаже А.П. Чехова: лингвистический аспект. Статья посвящена исследованию одного из фрагментов языковой картины мира А.П. Чехова – пейзажа. Изучение индивидуально-художественной речевой системы писателя показывает специфику восприятия природного мира личностью, особенности мировидения художника. Многие исследователи указывали на импрессионистичность художественного мышления писателя, что соответствовало духу эпохи. Для пейзажа А.П. Чехова характерны импрессионистические черты: субъективизм восприятия природы, антропоморфизм, импрессионистическая техника письма мазками,

особая цветовая мелодия. Среди языковых средств, используемых писателем для создания пейзажа в духе импрессионизма, основным являются языковые единицы разных уровней, среди которых преобладают единицы семантических групп со значением «цветосветовые пятна», «импрессионистические мазки»; формы глагола несовершенного вида, обозначающие обычное, регулярно воспроизведимое, повторяющееся действие; действие в его течении и длительности (с субъектом-персонажем); приименные и приглагольные наречия, неопределенные местоимения, звукоподражательные междометия и слова, конструкции со словами *слышно, видно, казалось, чувствовалось*, конструкции со словами категории состояния; безличные предложения, бессоюзные сложные предложения со значением перечисления, употребление синтаксической фигуры «именительный темы».

K.A. Kochnova. Impressionism of Chekhov's Landscape: Linguistic Aspect. The article studies a fragment of the language picture of A.P. Chekhov's world, the landscape. The study of writer's individual art-speech system shows the specificity of the natural world perception by a personality, the specificity of the artist's worldview. Many researchers point to the impressionistic artistic thinking of the writer, which corresponded to the spirit of the age. There are some impressionist features typical for the landscape in A.P. Chekhov's works: subjectivity of nature perception, anthropomorphism, impressionist technique of strokes, special color melody. Among the linguistic means used by the writer to create an impressionist landscape, the main are language units of different levels, which are dominated by units of semantic groups meaning «light spot», «impressionist strokes»; the form of the non-perfect aspect of a verb denoting usual, repetitive action; action in its course and duration (principal character); adverbs used with adjectives and verbs, indefinite pronouns, onomatopoeic interjections and words, word combinations with the meaning *it was heard, it was seen, it seemed*, combinations with statives; impersonal sentences, complex sentences with enumeration of facts, usage of a syntactic device – nominative subjects.

Э.В. Малыгина. Лингвоэвокационное исследование кризисной межперсонажной коммуникации в текстах рассказов В.М. Шукшина третьего периода. Статья посвящена лингвоэвокационному изучению приемов воспроизведения кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах В.М. Шукшина третьего периода. Одной из форм кризисного взаимодействия персонажей является «сшибка», посредством которой, по словам В.М. Шукшина, передается

столкновение «полярных представлений о жизни». «Перенесение» сигналов кризисной коммуникации (их признаки: системность, внезапность возникновения кризисогена, масштабность развития кризисогена, резкое (острое) столкновение индивидов) из реальной среды в художественный текст и их дополнительные преобразования достигаются в прозе писателя посредством эвокационных приемов двух групп: субстанционально-функциональной (прием нелестной номинации, прием обобщения) и структурно-функциональной (прием прерывания речи, прием смещения). Названные приемы отличаются способами и средствами трансляции кризисогена в «сшибке». Важное значение при выявлении кризисного характера взаимодействия персонажей приобретает «перенесение» в текст невербального компонента коммуникации. Он является дополнительным компонентом, с помощью которого моделируется невербальная реакция героя на кризисоген.

E.V. Malygina. Linguistic Research of the Conflict Communication in the Latest Stories by Shukshin. The article deals with a linguistic research of the conflict communication in the latest stories by V.M. Shukshin. One of the conflict communication forms is collision (sshibka Rus., according to Shukshin). It presents a collision of absolutely different views of life. Transformation of conflict communication, which features are a definite system, unexpected collision, the score of its development, from real life to the fiction is achieved by two evocation methods: generalization and interruption of speech or a shift. The two methods differ in means and technique of collision transformation. A non-verbal constituent of communication is of great importance. It is an additional component of non-verbal reaction of a character to the conflict communication.

В.В. Стамати. Текстуальная идентичность субъекта: симулякр как форма присутствия. В статье рассматривается возможность присвоения бытию текстуально понятого субъекта качества симулякра. Множественный характер автора, вне зависимости от контекста осмыслиения (автор как творец или как высказывающийся субъект), является естественным состоянием текстуально понятого субъекта, поскольку как участник творческого бытия он не может предстать в качестве сингулярной фигуры, а распадается на множество онтологических иноформ; как высказывающийся сингулярный субъект он вытесняется знаком и растворяется в (мета)языковом пространстве. По этой причине автограф как знак и как способ удостоверения его присутствия не может выполнить свое назначение и становится указанием на отсутствие автора в качестве плурального субъекта. В результате автор выступает как трансцендентальный высказывающийся, стоящий

за тем или иным текстом, его присутствие предполагается, но не соотносимо с каким-либо типом идентичности.

W.V. Stamati. Textual Identity of Subject: Simulacrum as a Form of Presence. The article considers the possibility of the textually understood subject to acquire the qualities of a simulacrum. Irrespective of comprehension context (author as a creator and as speaking subject), plural character of the author is a natural condition of textually understood subject because as a member of creative being he cannot appear to be a singular quantity and breaks up into a great number of ontological otherforms; and as speaking subject he is replaced by a sign and disappears into (meta)language space. That's why autograph as a sign and a way of his presence certification cannot perform its function and appears to be the indication of author's absence as a plural subject. As a result the author appears as a transcendental speaker standing behind that or another text; his presence is supposed but it is not correlated with some types of identity.

Г.Р. Хусаинова. Сюжетообразующие мотивы башкирской волшебной сказки: мотив выбора. В статье на материале башкирской волшебной сказки рассматривается один из основных сюжетообразующих мотивов – мотив выбора. Выявлено, что герой волшебной сказки от начала до конца сюжета становится перед выбором, что мотив выбора жениха / невесты, дороги, коня, спутника и т.д. обнаружен как в начале, середине, так финале сказки. Установлено, что в одной сказке может быть несколько видов мотива выбора и их можно выстроить в определенной последовательности. На конкретных примерах показаны способы выбора. Жених, например, царевна выбирает, бросив яблоко / шар в толпу, вручив избраннику цветок, надев кольцо, в состязаниях. Анализ материала показал наличие «скрытого» выбора. Например, в самом начале сказки перед героем стоит выбор: остаться дома или уйти из него. Обычно герой выбирает второй вариант, то есть уходит из дома с разными целями. Это пример скрытого выбора. «Открытый выбор» обычно сопровождается конкретным вопросом: «Что выбираешь?» Так, герой оказывается перед явным выбором коня, спутника, дороги, невесты и т.д.

G.R. Khusainova. Plot Building Motifs of Bashkir Fairy Tale: the Motif of Choice. The article considers one of the main plot-building motifs – the motif of choice in the Bashkir fairy tale. It has been revealed that the main character of a fairy tale faces choice throughout a story and the motif of choice such as choice of a spouse, a road, a horse, a co-traveler can be observed at the beginning, middle or end of narration. It has been also proved that one tale may have several kinds of motifs and they can be ar-

ranged in a certain sequence. Specific examples illustrate the motifs of choice. A spouse, for example, can be chosen by the princess by «throwing an apple / a ball into the crowd», by giving a flower or a ring, or by getting the best in a competition. Numerous examples were the choice of the groom throwing an apple into the crowd. Analysis of the material revealed the presence of «disguised» choice. For instance, in the beginning of a fairy tale a character faces the choice of whether to stay at home or to leave it. Usually the hero chooses the second, i.e. leaves the house for different reasons. This is an example of the disguised choice. «Direct Choice» is usually accompanied by a specific question: «What do you choose? » So, the main character faces a direct choice of a horse, co-traveler, roads, a spouse, etc.

НАШИ АВТОРЫ

**ВОРОНУШКИНА,
Олеся
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент,
докторант Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: o.voronushkina@mail.ru

**ДЗЮБА,
Елена
Вячеславовна**

– кандидат филологических наук, доцент,
докторант Уральского государственного
педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: elenacz@mail.ru

**ЖУЧКОВА,
Анна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: capra@mail.ru

**ЗАГОРОВСКАЯ,
Ольга
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Воронежского государственного педагогического
университета.
E-mail: olzagor@yandex.ru

**КИНДИКОВА,
Нина
Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: temene@mail.ru

**КОЧНОВА,
Ксения
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Нижегородской государственной
сельскохозяйственной академии.
E-mail: kochnova08@list.ru

**КУКУЕВА,
Галина
Васильевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru

**ЛИТВИНОВА,
Татьяна
Александровна**

– кандидат филологических наук, научный сотрудник Воронежского государственного педагогического университета.
E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

**ЛУТФУЛЛИНА,
Гульнара
Фирдависовна**

– доктор филологических наук, профессор Казанского государственного энергетического университета.
E-mail: gflutfullina@mail.ru

**МАЛЫГИНА,
Элеонора
Владимировна**

– кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: ewm86@mail.ru

**МАНАКОВ,
Николай
Александрович**

– доктор физико-математических наук, профессор Оренбургского государственного университета.
E-mail: manakov2004@mail.ru

**МОСКАЛЬЧУК,
Галина
Григорьевна**

– доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного университета.
E-mail: manakov2004@mail.ru

**МОСКАЛЮК,
Лариса
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

**САЛЬНИКОВА,
Ольга
Сергеевна**

– аспирант Череповецкого государственного университета.
E-mail: salnikovaos@yandex.ru

**СТАМАТИ,
Вилли
Владимирович**

– аспирант Донецкого национального университета (Украина).
E-mail: willystamati@rambler.ru

**СУВОРОВ,
Андрей
Александрович**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: suvorov@list.ru

**ТУРКИНА,
Оксана
Анатольевна**

– старший преподаватель Белорусского
государственного университета (Минск,
Республика Беларусь).
E-mail: turkinaoks@mail.ru

**ХУББИТДИНОВА,
Нэркэс
Ахметовна**

– доктор филологических наук, старший научный
сотрудник Института истории, языка и литерату-
ры Уфимского научного центра РАН (Уфа).
E-mail: narkas08@rambler.ru

**ХУСАИНОВА,
Гульнур
Равиловна**

– кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Институт истории, языка и
литературы Уфимского научного центра РАН
(Уфа).
E-mail: bashfolk@yandex.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ШИМКО,
Елена
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Мичуринского государственного аграрного
университета.
E-mail: shimko_Elena@inbox.ru

**ШУБИН,
Роман
Владимирович**

– кандидат филологических наук, адъюнкт
Университета им. А. Мицкевича в Познани
(Польша).
E-mail: romanshu@yandex.ru

**ЯНКОВСКАЯ,
Ольга
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: yankovskaya_ov@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 02.02.2016. Подписано в печать 05.02.2016. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 39.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soviet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 10 кегль, шрифт: Times New Roman, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высыпаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.
2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**
3. Плата с аспирантами за публикацию рукописей не взимается.

